

ISSN 2227-1538
eISSN 2307-4590

ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ВЕКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ

Б.П. Гуселетов

СОВРЕМЕННАЯ РОЛЬ РОССИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ: В ПОИСКАХ ОТВЕТОВ НА НОВЫЕ
ВЫЗОВЫ

Н.М. Великая

ЖЕНЩИНЫ В ПУБЛИЧНОМ ДИСКУРСЕ РОССИИ,
КАЗАХСТАНА И УЗБЕКИСТАНА

О.А. Волкова

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ДИВЕРГЕНЦИЯ
В СТРАНАХ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Главный редактор ШУМИЛОВ Андрей Владимирович кандидат политических наук, доцент Соредактор СКОВИКОВ Алексей Константинович кандидат политических наук, доцент Ответственный секретарь НИКИФОРОВА Ирина Владимировна Перевод ОРЛОВА Елена Геннадьевна	Научная редакция 16+ АЛЕКСЕЕВ Сергей Валерьевич кандидат политических наук, доцент АРУТЮНОВ Антон Георгиевич научный сотрудник КАСИМОВ Евгений Витальевич кандидат исторических наук, доцент ШЕВЧЕНКО Екатерина Сергеевна кандидат политических наук
Председатель Редколлегии номера ГУСЕЛЕТОВ Борис Павлович доктор политических наук Редакционная коллегия АВЦИНОВА Г.И. – доктор философских наук, профессор (Москва) БОЛЬШАКОВ А.Г. – доктор политических наук, профессор (Казань) БОРЩЕВСКИЙ Г.А. – доктор политических наук, профессор (Москва) БРОННИКОВ И.А. – кандидат политических наук, доцент (Москва) БУРДА М.А. – доктор политических наук, доцент (Москва) ВАТЫЛЬ В.Н. – доктор политических наук, профессор (Гродно) ГРИШИН О.Е. – кандидат политических наук, доцент (Москва) ГУСЕЛЕТОВ Б.П. – доктор политических наук, доцент (Москва). ИЛЬМАРВ М. – доктор истории, PhD (Таллин) КАПИЦЫН В.М. – доктор политических наук, профессор (Москва) КЕРЯН Г.М. – доктор политических наук, профессор (Ереван) КОЗЛОВА Н.Н. – доктор политических наук, профессор (Тверь) КОРЯКОВЦЕВА О.А. – доктор политических наук, профессор (Ярославль) ЛЕДЯЕВ В.Г. – доктор философских наук, профессор (Москва), доктор политики, PhD (Манчестер) ЛЕОНТЬЕВА О.В. – кандидат политических наук, доцент (Тирасполь)	МИНЕЕВА Е.К. – доктор исторических наук, профессор (Чебоксары) НАСИМОВА Г.О. – доктор политических наук, профессор (Алматы) ОМЕЛЬЧЕНКО Н.А. – доктор исторических наук, профессор (Москва) ПАСТУХОВА Л.С. – доктор педагогических наук, кандидат политических наук, доцент (Москва) ПРОРОК В. – доктор философии, PhD (Прага) РЯБОВА Т.Б. – доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербург) САМАРКИНА И.В. – доктор политических наук, профессор (Краснодар) СЕРГЕВНИИ В.А. – PhD, доктор юриспруденции (Макомб) СОКОЛОВ А.В. – доктор политических наук, доцент (Ярославль) ТУРОВСКИЙ Р.Ф. – доктор политических наук, профессор (Москва) ХОРИНА Г.П. – доктор философских наук, профессор (Москва) ЧЕРНЫШОВ Ю.Г. – доктор исторических наук, профессор (Барнаул) ШАШКОВА Я.Ю. – доктор исторических наук, профессор (Барнаул) ШИРКОВ О.Н. – доктор исторических наук, профессор (Чебоксары) ЮРЧЕНКО С.В. – доктор политических наук, профессор, (Симферополь)

Editor in Chief SHUMILOV Andrei Executive Secretary NIKIFOROVA Irina Translate ORLOVA Elena Design PAVLUNIN Dmitriy	Co-Editor SKOVIKOV Alexey Editors ALEKSEEV Sergey ARUTYUNOV Anton KASIMOV Evgeniy SHEVCHENKO Ekaterina
Chairman of the Editorial board GUSELETOV Boris Doctor of Political Sciences Editorial Board AVTSINOVA Galina Prof. (Moscow) BOLSHAKOV Andrey Prof. (Kazan) BORSHCHEVSKY Georgiy Prof. (Moscow) BRONNIKOV Ivan Assoc. Prof. (Moscow) BURDA Mihail Assoc. Prof. (Moscow) VATYL Viktor Prof. (Grodno) GRISHIN Oleg Assoc. Prof. (Moscow) GUSELETOV Boris Assoc. Prof. (Moscow) ILMJARV Magnus PhD (Tallinn) HORINA Galina Prof. (Moscow) KAPITSYN Vladimir Prof. (Moscow) KERYAN Garik Prof. (Yerevan) KORYAKOV TSEVA Olga Prof. (Yaroslavl) KOZLOVA Natalia Prof. (Tver) LEONTEVA Olga Assoc. Prof. (Tiraspol)	LEDYAEV Valeriy Ph.D. (Manchester), Prof. (Moscow) MINEEVA Elena Prof. (Cheboksary) NASIMOVA Gulnar Prof. (Almaty) OMELCHENKO Nikolay Prof. (Moscow) PASTUHOVA Larisa Assoc. Prof. (Moscow) PROROK Vladimir. PhD (Prague) RIABOVA Tatiana Prof. (Saint Petersburg) SAMARKINA Irina Prof. (Krasnodar) SERGEVNIN Vladimir Prof. (Macomb) SHIROKOV Oleg Prof. (Cheboksary) SHASHKOVA Yaroslava Prof. (Barnaul) SOKOLOV Aleksander Assoc. Prof. (Yaroslavl) TUROVSKY Rostislav Prof. (Moscow) CHERNYSHOV Yriy Prof. (Barnaul) YURCHENKO Sergey Prof. (Simferopol)

СОДЕРЖАНИЕ

ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ВЕКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ

ОТ РЕДАКЦИИ	6
Б.П. Гуселетов СОВРЕМЕННАЯ РОЛЬ РОССИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: В ПОИСКАХ ОТВЕТОВ НА НОВЫЕ ВЫЗОВЫ	7
Т.Н. Юдина ФАКТОРНАЯ АРХИТЕКТУРА МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ В СТРАНАХ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА: ОТ ИНТЕГРАЦИИ К ТУРБУЛЕНТНОСТИ (2000–2025)	22
А.А. Голосеева, А.А. Хохлов ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЕВРАЗИЙСТВА: ОТ ИСТОРИИ К СОВРЕМЕННОСТИ	45
Н.М. Великая ЖЕНЩИНЫ В ПУБЛИЧНОМ ДИСКУРСЕ РОССИИ, КАЗАХСТАНА И УЗБЕКИСТАНА В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ В XXI ВЕКЕ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)	60
О.А. Волкова СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ДИВЕРГЕНЦИЯ В СТРАНАХ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА ДИНАМИКИ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ	83
Р.А. Татаров ПРИДНЕСТРОВСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ СТРАНЫ	95
А.С. Крамаренко НОВАЯ ДИАСПОРА? ВОЗМОЖНОСТИ И ИНСТРУМЕНТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С РОССИЙСКИМИ РЕЛОКАНТАМИ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ЮЖНОГО КАВКАЗА	108

И.В. Лескова, С.Ю. Зязин АКАДЕМИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СТРАН СНГ КАК ФАКТОР РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ И МЯГКОЙ СИЛЫ РОССИИ	132
В.Ю. Леденева ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МИГРАЦИИ В СТРАНАХ СНГ В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЯЮЩИХСЯ МИГРАЦИОННЫХ ПОДСИСТЕМ	144
Е. Долженкова, Н.М. Межевич ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РУССКОГО ЭТНОСА В ЛАТВИИ	159
СТАТЬИ	
А.В. Толочко, С.С. Фоменко, О.В. Леонтьева ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ PR-ТЕХНОЛОГИЙ С ЦЕЛЬЮ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ И ИХ ЛИДЕРОВ В РОССИИ: ОПЫТ И ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ	175
Наши авторы	194
The contents	

В журнале отражены личные взгляды авторов,
которые могут не совпадать с позицией редакции журнала «PolitBook».

ОТ РЕДАКЦИИ

Уважаемые читатели!

Вашему вниманию предлагается второй номер журнала PolitBook, посвященный весьма актуальной для нашей страны теме: «Постсоветское пространство: векторы трансформации».

10 октября 2025 года в Институте социально-политических исследований ФНИСЦ РАН прошла Международная научно-практическая конференция на тему: Политические реформы на постсоветском пространстве в контексте взаимодействия с Россией, в которой приняли участие известные российские и зарубежные ученые из ряда академических институтов, таких как: ИМЭМО имени Е.М. Примакова РАН, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Институт социологии ФНИСЦ, Институт социальной демографии ФНИСЦИ, Институт Европы РАН, а также ведущих российских университетов: МГУ имени М.В. Ломоносова, НИУВШЭ, РАНХиГС при Президенте РФ, Донецкого, Луганского и Приднестровского государственных университетов, представитель Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук и ряд независимых исследователей.

По договоренности с редакцией журнала PolitBook мы подготовили этот номер, в который вошли статьи участников этой конференции, составленные на основании их докладов. Важно отметить, что в этих статьях представлены результаты серьезного научного анализа различных аспектов главной темы данного номера:

- Современная роль России на постсоветском пространстве (Б.П. Гуселетов);
- О роли женщин в публичной политике России, Казахстана и Узбекистана (Н.М. Великая);
- Социально-демографические различия в постсоветских государствах (О.А. Волкова) и др.

Уверен, что каждый читатель найдет в этом номере интересный для него материал. Ряд статей, представленных участниками конференции не вошел в этот номер по объективным причинам, но по договоренности с редакцией журнала они будут опубликованы в следующих номерах этого года.

От имени Института социально-политических исследований хочу поблагодарить редакцию журнала PolitBook за предоставленную возможность довести до широкого круга российской и международной общественности, экспертного сообщества и всех заинтересованных лиц позицию российских и китайских ученых по важнейшей проблеме дальнейшего развития постсоветского пространства и роли России, которая остается ведущим его актором.

Б.П. Гуселетов

ТЕМА НОМЕРА

Б.П. Гуселетов

B. Guseletov

СОВРЕМЕННАЯ РОЛЬ РОССИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: В ПОИСКАХ ОТВЕТОВ НА НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

THE MODERN ROLE OF RUSSIA IN THE POST- SOVIET SPACE: IN SEARCH OF ANSWERS TO NEW CHALLENGES

Аннотация

В представленной работе автор попытался выявить основные факторы, которые повлияли на нынешнее состояние постсоветского пространства и определили перспективы его развития в ближайшем будущем. Особое внимание он уделил анализу взаимоотношений между государствами, входящими в этот пространство, динамике их развития за прошедшие тридцать с лишним лет после распада Советского Союза, а также той роли, которую играло и играет Содружество Независимых Государств и другие интеграционные проекты, которые появились на этом пространстве за указанное время.

Важнейшим аспектом данного исследования было выявление роли и влияния России в становлении и развитии постсоветского пространства, в первую очередь в социально-экономической и общественно-политической сферах. Особый интерес представляло изучение процесса смены государственно-политических элит в Новых Независимых Государствах, который приобрел особую активность в последние 10 лет и оказал заметное влияние на их взаимодействие.

Заметное внимание автор уделил также изучению еще одного важного фактора влияния на трансформацию постсоветского пространства, который стал играть заметную роль в последние 15-20 лет, а именно воздействие ведущих мировых держав на процесс политических и социально-экономических трансформаций в новых бывших советских республиках

Abstract

In the presented work, the author has tried to identify the main factors that have influenced the current state of the Post-Soviet space and determined the prospects for its development in the near future. He paid special attention to the analysis of the relations between the states included in this space, the dynamics of their development over the past thirty years after the collapse of the Soviet Union, as well as the role played by the Commonwealth of Independent States and other integration projects that have appeared in this space during this time.

The most important aspect of this study was to identify the role and influence of Russia in the formation and development of the Post-Soviet space, primarily in the socio-economic and socio-political spheres. Of particular interest was the study of the process of changing state and political elites in the Newly Independent States, which has become particularly active in the last 10 years and had a significant impact on their interaction.

The author also paid considerable attention to the study of another important factor influencing the transformation of the Post-Soviet space, which has begun to play a significant role in the last 15-20 years, namely the influence of the leading world powers on the process of political and socio-economic transformations in the new former Soviet republics (except the Baltic States), as well as their interaction and mutual influence.

(кроме стран Балтии), а также их взаимодействие и взаимовлияние.

В заключении автор отметил, что для сохранения Россией ее ведущей роли на постсоветском пространстве ей необходимо будет начать процесс внутренней модернизации с целью формирования такой государственной модели, которая оказалась бы привлекательной для ее соседей на этом пространстве.

In conclusion, the author noted that in order for Russia to maintain its leading role in the Post-Soviet space, it will need to begin the process of internal modernization in order to form a state model that would be attractive to its neighbors in this space.

Ключевые слова:

Россия, постсоветское пространство, новые независимые государства, Центральная Азия, интеграционные проекты.

Key words:

Russia, the Post-Soviet Space, New Independent States, Central Asia, integrational projects.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2026-2-7-21>

Одним из наиболее важных последствий распада Советского Союза стало формирование на Евразийском континенте новообразования в виде так называемого постсоветского пространства (ПСП), которое объединило 12 из 15 бывшие советские республики кроме трех прибалтийских стран. За прошедшие более чем тридцать лет ПСП пережило ряд существенных трансформаций, для которых было характерно, с одной стороны, динамичность, а с другой, непоследовательность. В результате для нынешнего состояния ПСП характерен противоречивый симбиоз исторической общности, связанной с многолетним сосуществованием входящих в него новых независимых государств (ННГ), а, с другой, начавшийся в этих ННГ процесс становления их государственности.

При этом, очевидно, что процесс формирования государственности этих стран-членов ПСП, несмотря на их очевидные различия, имел и некоторые схожие моменты, которые были связаны с утверждением их собственных конституций, образованием институтов государственных власти, реформированием сложившейся за годы советской власти общественно-политической и социально-экономической модели, формированием их собственного внешнеполитического курса, направленного на встраивание этих стран в мировое сообщество, и пр. Важно также иметь в виду, что у ряда ННГ не было собственного опыта государственного строительства, и перед ними встали сложнейшие проблемы, которые они не всегда могли разрешить самостоятельно.

Важно также иметь в виду, что на ПСП остались несколько неурегулированных межгосударственных конфликтов, для разрешения которых сторо-

нам приходилось даже применять вооруженные силы. Результатом ряда этих конфликтов стало возникновение так называемых непризнанных или отчасти признанных мировым сообществом государств, а именно: Абхазии, Южной Осетии, Приднестровской Молдавской Республики, Нагорного Карабаха (до сентября 2023 года), а также ряд областей Украины. Особо следует отметить, что все это время Россия оставалась ведущей политической и экономической силой на ПСП, которая имела заметное влияние практически на все страны, в него входящие.

Но в последние 12-16 лет изначальная политическая автономность ПСП стала постепенно ослабевать за счет постепенного развития его связей с глобальной мировой системой. При этом на смену субординации в отношениях бывших советских республик с РФ стал приходиться прагматизм несмотря на то, что их руководство отдавало себе отчет в том, что в рамках высоко конкурентной мировой системы их государствам не просто будет сохранить независимость без российской поддержки.

Методологическую основу данной работы составил количественный и качественный анализ нормативных документов, регламентирующих деятельность таких институтов, регулирующих взаимоотношения между ННГ, как Содружество независимых государств (СНГ), Организация договора коллективной безопасности (ОДКБ), Евразийский экономический союз (ЕАЭС), а также тексты выступлений их лидеров, представленные в национальных средствах массовой информации, и другие материалы, касающиеся сотрудничества стран, входящих в ПСП.

После распада СССР в российской научно-теоретической литературе появилось большое число публикаций, посвященных анализу процесса развития ПСП. Среди них можно выделить работы следующих российских авторов: Н. Арбатова, Л. Вардомский, Б. Гуселетов, А. Гущин, О. Жирнов, Ф. Лукьянов, С. Маркедонов, А. Пылин, А. Рябов, Д. Тренин, Д. Фурман, В. Шишков, Б. Шмелев и др.

Автор использовал основные результаты этих исследований для анализа самого процесса формирования ПСП, его эволюции в последние 35 лет и конкретных интеграционных проектов, которые были реализованы на этом пространстве в указанный период времени.

В последнее время ряд отечественные и зарубежных исследователей (Т. Бордачев, А. Суздальцев и др.) считали, что термин «постсоветское про-

странство» уходит в прошлое¹, связывая это с началом процесса дезинтеграции общих экономических, политических и культурных сфер, основой которых являлась Россия². И хотя в настоящий момент для подобных выводов оснований нет, динамика идущих на ПСП политико-экономических процессов показывает, что конкуренция между ведущими мировыми державами за контроль над ним заметно усилилась, что потребовало от России приложения немалых усилий для сохранения ее роли ведущего центра силы на этом пространстве.

Хронологическими рамками данной работы является период с 1991 года до сегодняшних дней. При этом особое внимание было уделено последнему десятилетию, на которое пришлось специальная военная операция России на Украине, новый этап армяно-азербайджанского конфликта вокруг Нагорного Карабаха, смена политического руководства в Армении, Грузии, Казахстане, Кыргызстане, Молдове, Туркменистане, Узбекистане и Украине, а также усиление присутствия в регионе таких международных акторов как Евросоюз, Китай, США, Турция и др.

Основные этапы развития и эволюции постсоветского пространства с 1991 по 2021 годы

Анализ процесса развития и эволюции ПСП позволяет выделить в нем три основных этапа. Первый этап пришелся на период президентства в РФ Б.Н. Ельцина с декабря 1991 по конец 1999 года и был в первую очередь связан с становлением ННГ, которые в первые годы своей независимости оставались в основном слабыми в политическом и экономическом плане. Это усиливало их зависимость от явного лидера ПСП – России, которая стала играть ключевую роль в формировании его новой архитектуры. До 1993 г. единой валютой СНГ являлся российский рубль, тем самым России пришлось взять на себя финансовые издержки ННГ на начальном этапе их становления, для которого была характерна высокая инфляция (Рябов, 2018).

Кроме того, РФ играла ведущую роль в обеспечении безопасности в данном регионе за счет прекращения боевых действий в конфликтах между Молдовой и Приднестровьем, Азербайджаном и Арменией, Грузией и Абха-

¹ Суздальцев А.И. (2007). Постсоветское пространство: Уходящая реальность. «Мир вокруг России»: 2017. Контуры недалекого будущего». <http://www.polit.ru/research/2007/03/14/2017.html>.

² Бордачев Т. (2021). Валдайский доклад. Пространство без границ: Россия и её соседи. Валдайский клуб. <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/prostranstvo-bez-granits-rossiya-i-eye-sosedi/>

зией, и Южной Осетией, а также прекращения гражданской войны в Таджикистане, продолжавшейся с 1992 по 1997 гг. И именно Россия инициировала подписание в 1992 г. Договора Коллективной Безопасности (ДКБ), основной задачей которой было обеспечение региональной безопасности (Гуселетов, триг 2014). К концу 1993 года его подписали 9 из 12 бывших советских республик (кроме Молдовы, Туркменистана и Украины). В 2002 году на базе ДКБ была образована Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), в которую вошли 5 стран: Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия и Таджикистан. В 2006 году к ОДКБ присоединился Узбекистан, сохранявший членство в ней до 2012 г¹.

Именно эти обстоятельства предотвратили полный развод бывших советских республик, сохранив вокруг РФ новое политико-географическое образование в виде ПСП. Основным инструментом, цементирующим это пространство на данном этапе было СНГ, которое по мнению ряда российских ученых имело неплохой потенциал для более глубокой интеграции (Глазьев, Клоцвог, 2008; Кудрявцев, 2011; Строев, Бляхман, Кротов, 1997 и др.). Однако, эти надежды не оправдались в связи с тем, что со второй половины 90-х гг. XX столетия центробежные тенденции на ПСП стали расти из-за того, что, с одной стороны, в ходе своего второго президентского срока Ельцину пришлось все больше внимания уделять решению внутрироссийских проблем, а, с другой стороны, активизировали свое присутствие на ПСП Евросоюз и США, стремившиеся усилить свое влияние на СНГ, особенно Азербайджан, Армению, Беларусь, Грузию, Молдову и Украину, одновременно ослабляя их связи с Россией (Арбатова, 2018). Одним из ключевых событий, подтвердивших эту тенденцию стал саммит СНГ, прошедший 23 октября 1997 года в Кишиневе, на котором руководители некоторых его государств-членов выступили с критикой политики российского руководства в отношении учета их интересов (Затулин, 1997)².

Для второго этапа становления ПСП, продолжавшийся с 2000 года (Путин становится президентом РФ) до начала мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг., было характерно нарастание центробежных тенденций, триггером которых стали: заявление нового российского

¹ Узбекистан второй раз выходит из ОДКБ (2012). РИА Новости. <https://ria.ru/20120628/687288392.html>

² Адамишин А. (2021). Предлагаю упразднить Министерство по делам СНГ... Сайт РСМД. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/predlagayu-uprazdnit-ministerstvo-po-delam-sng/>

руководства о необходимости постепенного перехода во взаимодействии с бывшими советскими республиками особенно «в энергетической сфере на рыночные основы»¹, укрепление правящих элит в ННГ, а также начало роста их экономик после завершения затяжного кризиса (Постников 2009)². В результате этого правящие элиты ряда ННГ попытались создать два новых интеграционных формирования, в которых бы не участвовала Россия:

- в 1997 г. Азербайджан, Грузия, Молдова и Украина объявили о создании региональной организации за демократию и экономическое развитие ГУАМ, к которой в 1999 г. присоединился Узбекистан (в 2005 г. он ее покинул);

- в 2005 году было образовано сообщество демократий балто-черноморско-каспийского региона, получившее название Содружество Демократического Выбора (СДВ), в которое вошли Грузия, Молдова и Украина, а также Латвия, Литва, Македония, Румыния, Словения и Эстония.

Но обе эти интеграционные инициативы оказались безуспешными в первую очередь потому, что без России поддержание торгово-экономических связей между странами-членами ПСП оказалось безуспешным (Рябов, 2018).

При этом в ряде бывших советских республик оппозиционные политики при поддержке западных стран спровоцировали, так называемые «цветные революции»: Грузия (2003 г.), Украина (2004 г.), Киргизия (2005 г.) и Молдова (2009 г.), в ходе которых пришедшие к власти новые политические силы заявили о необходимости радикальных демократических перемен. В Грузии, Украине и Молдове они объявили о намерении интегрироваться в ЕС, а в первых двух странах – даже в НАТО (Манойло, 2014; Цветкова, 2019).

Очевидно, что все эти события способствовали дальнейшей фрагментации ПСП, и российское руководство, пытаясь не допустить разрастания этого процесса, выступило с инициативой запуска «разноскоростной интеграции», которая предполагала расширение сотрудничества со странами, заинтересованными в нем в различных областях: безопасность, политика, экономика, гуманитарная сфера (Барсенков, 2012; Беспалов, 2014; Гуселетов, 2023; Жирнов, 2009).

Попытки России инициировать в 2001 году Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) завершились ограниченным успехом. В него вступили

¹ В. Путин – о постсоветском пространстве (19.10.2007). Официальный сайт Постоянного Комитета Союзного государства.
<https://посткомсг.рф/news/politika/173361/>

² Гущин А. (2016). Постсоветское пространство – 25 лет фрагментации. Politcom.ru.
<http://politcom.ru/21248.html>.

лишь 5 бывших советских республик: Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия и Таджикистан. В 2006 году к ЕврАзЭС присоединился Узбекистан, но уже в 2008 году он это объединение покинул. Армения и Молдова имели статус наблюдателя в ЕврАзЭС. Основной целью создания ЕврАзЭС было развития торгово-экономического взаимодействия стран-участников и координация их действий в ходе интеграции в мировую экономику и международную торговую систему, а также формирование Таможенного союза и Единого экономического пространства (Шмелев, 2021).

Третий этап развития ПСП занял период с 2009 по 2022 гг. и характеризовался некоторым ослаблением влияния на него США и ЕС, что отчасти было связано с тем, что обещания новых властей Кыргызстана, Молдовы и Украины реально осуществить глубокие рыночные и демократические реформы, так и не были реализованы из-за жесточайшей внутриэлитной конкуренции и высокого уровня коррупции. В Грузии в период президентства М. Саакашвили (2004–2009 гг.) были проведены определенные общественно-политические и социально-экономические преобразования, но ее проигрыш России в военном конфликте из-за Абхазии и Южной Осетии в августе 2008 г. не позволил этой стране продолжить сотрудничество с ведущими западными странами. В результате руководству большинства ННГ пришлось пойти на серьезную смену их внешнеполитического и внешнеэкономического курса, в силу то, что они осознали, что на тот момент им без поддержки России не удалось бы сохранить стабильность, избежав дестабилизации.

Таким образом в первой половине этого этапа вновь произошла определенная консолидация и укрепление ПСП вокруг ее традиционного лидера России, наиболее ярким проявлением которого стало решение нового руководства Украины в лице В. Януковича, ставшего в апреле 2010 года ее новым президентом, начать осторожное сближение с ней. Российское руководство воспользовалось этой тенденцией, инициировав новое интеграционное объединение в виде Евразийского экономического союза (ЕАЭС), образованного на базе ЕврАзЭС и Таможенного союза. В состав ЕАЭС, официально сформированного в 2014 году, вошли Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Россия. Наблюдателями в ЕАЭС позднее стали Молдова (2018 год) и Узбекистан (2020 год) (Гринберг, Пылин, 2020).

Однако после того, как в феврале 2014 года на Украине произошла смена власти, в результате которой руководство этой страной перешло к прозападно настроенному президенту П. Порошенко, российско-украинские от-

ношения заметно ухудшились, что спровоцировало военный конфликт на территории Донецкой и Луганской областей. В 2018 году украинское руководство приняло решение о начале процедуры выхода из СНГ, открыто объявив тем самым о своем намерении уйти с ПСП. В конечном итоге это привело к тому, что в феврале 2022 г. руководство РФ объявило о начале специальной военной операции (СВО) против Украины, в результате которой серьезно ухудшившиеся после 2014 г. отношения между Россией и ведущими западным странами, в первую очередь США и Евросоюзом, окончательно деградировали из-за санкционной войны, которую стороны объявили друг другу.

После прихода к власти в Молдове в 2019 г. партии «Действие и солидарность» во главе с будущим премьер-министром (2019-2020 гг.) и президентом (2020 год - по настоящее время) этой страны М. Санду заметно усилилась ее антироссийская позиция.

В 2017 г. в Конституцию Грузии была внесена поправка, в соответствии с которой, органы государственного управления этой страны были обязаны принять необходимые меры для обеспечения ее интеграции в Евросоюз и НАТО¹.

В феврале 2024 года Армения объявила, что замораживает свое участие в ОДКБ, а в апреле 2025 года начала готовить законодательную базу для вступления в Евросоюз.

В 2024 году Запад объявил, что его экономические санкции будут распространены на те страны, которые будут поддерживать РФ, чтобы помочь ей обойти западные санкции, что неизбежно привело к усилению центробежных тенденций на ПСП. Опасаясь, что введение этих санкций будет способствовать еще большей изоляции России на мировой арене, и как следствие ее реальные возможности экономической и военно-политической поддержки ННГ ослабеют, эти страны, включая даже членов ЕАЭС, еще больше активизировать их многовекторный внешнеполитический и внешнеэкономический курс (Катагощина и др., 2024).

¹ Покидина К. (2024). Грузия на перепутье: процесс вступления в ЕС приостановлен. Сайт РСМД. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/gruziya-na-perepute-protsess-vstupleniya-v-es-priostanovlen/>.

Современная ситуация на постсоветском пространстве и трансформация российской политики в его отношении

Начало СВО РФ на Украине в феврале 2022 года обозначило начало нового современного этапа развития ситуации на ПСП, который продолжается до настоящего времени. Вскоре после ее начала весной 2022 года Грузия, Молдова и Украина подали заявку на вступление в Евросоюз. И хотя заявка Грузии была руководством ЕС отклонена, этот совместный шаг трех государств, входящих в СНГ, ясно показал, что тенденция распада ПСП стала приобретать все более очевидные очертания.

Еще одним важным фактором, оказывающим серьезное влияние на процесс трансформации ПСП, стала смена правящих элит в большинстве ННГ:

- в Армении в 2018 г. премьер-министром стал лидер партии «Гражданский договор» 43-летний Н. Пашинян, сменивший на этом посту С. Саргсяна, который занимал его с 2008 по 2018 гг. и был активным сторонником самого тесного сотрудничества с Россией;
- в 2012 году в Грузии на парламентских выборах победила партия «Грузинская мечта», лидером которой был самый богатый человек этой страны 56-летний Б. Иванишвили;
- в Казахстане в 2019 году бессменного главу государства Н. Назарбаева сменил Председатель Сената 66-летний К.-Ж. Токаев;
- в 2021 году в Кыргызстане новым президентом был избран 53-летний С. Жапаров;
- в Молдове в 2019 году главой правительства стала 47-летняя лидер партии «Действие и солидарность» М. Санду, которая в 2020 г. была избрана Президентом этой страны;
- в Туркменистане в 2022 году новым Президентом был избран 41-летний С. Бердымухамедов, сменивший на этом посту своего отца Г. Бердымухамедова;
- в Узбекистане в 2016 году на место неизменного Президента И. Каримова пришел 59-летний премьер-министр Ш. Мерзиёев;
- в 2019 году на Украине новым президентом был избран 41-летний В. Зеленский.

У новых лидеров этих ННГ было разное отношение к СНГ и будущему постсоветского пространства, но ряд из них, включая Зеленского, Иванишвили, Пашиняна и Санду весьма скептически относились к его перспективам, выступая за более активную интеграцию их стран в структуры ЕС и НАТО.

С. Бердымухамедов, С. Жапаров, Ш. Мерзиев и К.-Ж. Токаев официально поддерживали сохранение их государств в структурах СНГ, но тем не менее при них усилилась многовекторность во внешней политике, возглавляемых ими стран. С 2015 года начала действовать региональная дипломатическая платформа «C5+1», образованная США и пятью странами Центральной Азии (ЦА), которая изначально включала в себя диалог на уровне министров, встречи экспертов и работу тематических рабочих групп по экономике, энергетике, окружающей среде и безопасности. Этот формат особенно активизировался в последние годы: в 2023 году в Нью-Йорке по предложению американского президента Д. Байдена прошел первый саммит США-ЦА с участием президентов всех этих стран, который продемонстрировал переход их взаимодействия на качественно новый уровень. В ноябре 2025 г. новый американский президент Д. Трамп инициировал проведение в Вашингтоне второго саммита США-ЦА, на котором обсуждались вопросы доступа к минеральным ресурсам, развития возобновляемой энергетики, транспортных коридоров, экономических проектов и безопасности в регионе ЦА¹.

В апреле 2025 года в Самарканде прошел первый саммит ЕС-ЦА, на котором ЕС представляли Президент Евросовета А. Кошта, Председатель Еврокомиссии У. фон дер Ляйен и Президент европейского банка реконструкции и развития О. Рено-Бассо. На нем стороны обсудили перспективы расширения сотрудничества в сферах экономики, защиты прав человека и борьбы с политическими репрессиями в центральноазиатском регионе².

После 2021 года активизировалось сотрудничество этих стран (кроме Таджикистана) по линии Организации тюркских государств (ОТГ), инициатором которой был Президент Турции Р.Т. Эрдоган. Членом ОТГ является также еще один член СНГ: Азербайджан. 7 октября 2025 года на саммите ОТГ в Азербайджане Эрдоган заявил, что ОТГ превратилась из сугубо культурного альянса в «стратегическую платформу солидарности»³.

¹ Гегелашвили Н. (2025). Вашингтонский саммит «C5+1» определил ключевые направления политики США в регионе. Сайт РСМД. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vashingtonskiy-sammit-s5-1-opredelil-klyuchevye-napravleniya-politiki-ssha-v-regione/>.

² Столярова У.А. (2025). Первый саммит ЕС - Центральная Азия: ключевые итоги. ИМЭМО. Актуальные комментарии. <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/perviy-sammit-es-tsentralnaya-aziya-klyuchevye-itogi>

³ Организация тюркских государств растет вглубь и вширь. (08.10.2025). Kommersant.ru. <https://www.kommersant.ru/doc/8100186>

В последние годы страны ЦА активно развивают экономические и политические связи с Индией, Китаем, Южной Кореей (Буланакова, 2020), Японией и другими мировыми акторами.

При этом после начала санкционного противостояния между РФ и странами Запада, которое особенно обострилось после начала СВО, страны ЦА заметно расширили товарооборот с Россией за счет увеличения параллельного и «серого» импорта из стран, сокративших и даже прекративших импорт в нашу страну. К примеру, «в 2022–2023 гг. импорт товаров из стран ЦА в Россию вырос на 46,0% и достиг 14,0 млрд долл.» (Пылин, 2024). Однако после того, как ЕС и США начали вводить так называемые вторичные санкции против тех стран, которые участвовали в подобного рода схемах, они начали сокращать свое участие в них.

Что касается еще двух стран-членов СНГ: Азербайджана и Беларуси, то они тоже в последние годы активизируют свои экономические и политические связи с мировыми державами. Азербайджан после разрешения в 2020–2023 гг. конфликта с Арменией по вопросу о Нагорном Карабахе заметно укрепил свои контакты с Турцией.

Беларусь, хотя и оставалась все эти 35 лет наиболее надежным партнером России и в составе СНГ, и рамках Союзного государства, в последние годы, особенно после того, как она оказалась втянутой в санкционное противостояние между РФ и Западом. Для того, чтобы снизить это санкционное давление на белорусскую экономику, А. Лукашенко в конце 2025 года сделал ряд заявлений и практических шагов, способствующих налаживанию отношений с США и ЕС, не допуская при этом каких-то антироссийских высказываний.

Таким образом, можно констатировать, что ключевой проблемой того, что проект «евразийской» интеграции на ПСП пока оказался так и не реализованным, является то что, Россия не создала эффективной социально-экономической и общественно-политической модели, которую постсоветские страны восприняли бы как эталон их дальнейшего развития. Это во многом было связано с тем, что в последние 15–20 лет для российского руководства приоритетным стали вопросы обеспечения стабильного и безопасного развития государства в ущерб ее социально-экономической модернизации, которая в первую очередь должна была реформировать экономику России, основанную на экспорте ее энергетических и иных сырьевых ресурсов, которых

большинство стран СНГ просто не имели¹. Поэтому консервация ее устаревшей социально-экономической модели привела к тому, что РФ так и не стала для ее партнеров по ПСП безусловным лидером, вокруг которого они бы захотели объединиться в новом проекте «евразийской» интеграции.

Для упрочнения позиции РФ на ПСП важным элементом ее дальнейшего развития должно стать формирование современной политико-экономической модели на основе глубокой структурной трансформации ее экономики, государственно-политической системы и социальной сферы. В связи с этим можно утверждать, что возможность сохранения целостности ПСП при укреплении лидирующих позиций РФ в нем можно будет обеспечить при условии, что Россия сможет на практике имплементировать такую модернизационную модель, которая будет плодотворной для нее и притягательной для ННГ.

На основе проведенного исследования можно сделать вывод о том, что развитие ПСП в течение более чем тридцати лет, прошедших после распада Советского Союза, проходило циклично, когда этапы его консолидирования чередовались с периодами определенной дезинтеграции. Это было связано с тем, что сочетание центростремительных и центробежных факторов, оказывающих влияние на становление и развитии этого пространства, постоянно менялось в том числе из-за постоянного роста интереса к нему со стороны ведущих мировых держав, включая Евросоюз, США, Китай, Турцию и др., растущего стремления ННГ укреплять их суверенитет и смену в ряде из них правящих элит на представителей новых поколений. При этом именно России остается неоспоримым лидером на ПСП, стремящимся обеспечить его целостность за счет сохранения экономических связей между ННГ и обеспечения безопасности для тех стран, которые сохраняют связи с ней в этой сфере.

Первоначальная модель становления и развития ПСП, основанная на взаимодействии лидеров ННГ в рамках института СНГ, неизменно уходит в прошлое и ей на смену должна прийти конструкция, основанная на Евразийском экономическом союзе и ОДКБ, в которой необходимо усилить общегосударственно-политическую составляющую и сделать ее более современной.

Нынешнее состояние развития постсоветского пространства пока не привело к значительному снижению роли и влияния России, для которой

¹ Картунов А. (2022). Три десятилетия болезненных корректировок: Россия на постсоветском пространстве. Сайт РСМД. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tri-desyatiletiya-bolezennykh-korrektirovok-rossiya-na-postsovetskom-prostranstve/>

ННГ неизменно будут оставаться приоритетными партнерами. И те внешние и внутренние вызовы, которые сегодня стоят перед ННГ, включая Россию, требуют конструктивного ответа на них, который будет возможен в том числе и за счет приложения коллективных усилий в рамках евразийских интеграционных проектов.

При этом Россия придется формировать свою политику в отношении бывших советских республик, учитывая и их, и ее собственные интересы, что потребует от нее поиска возможных компромиссов в случае возникновения спорных ситуаций, чтобы обеспечить сохранение и дальнейшее развитие интеграционного процесса на ПСП. Это особенно важно в условиях роста социально-экономической и общественно-политической турбулентности в этих странах, которая может серьезно ослабить эти процессы.

Литература

Арбатова, Н. К. (2018). Фактор СНГ в отношениях России и Запада: истоки конфликта. *Мировая экономика и международные отношения*, 62(8), 77–87. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-8-77-87>

Барсенков, А. С. (2012). *20 лет СНГ: состояние и перспективы*. Институт стран СНГ.

Беспалов, С. В., & Меркушев, В. Н. (2014). *Политика России на постсоветском пространстве: историческая периодизация и перспективный прогноз*. РАНХиГС.

Буланаква, М. А. (2020). Евразийский вектор внешней политики Республики Корея: фактор Центральной Азии. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*, (4), 70–87. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2020-4-70-87>

Глазьев, С. Ю., & Клоцвог, Ф. Н. (2008). Перспективы экономического развития СНГ при интеграционном и инерционном сценариях взаимодействия стран-участниц. *Российский экономический журнал*, (7-8), 24–34.

Гринберг, Р. С., & Пылин, А. Г. (2020). Евразийский экономический союз: основные тренды развития на фоне глобальной неопределенности. *Экономика региона*, 16(2), 340–351.

Гуселетов, Б. П. (2014). Развитие политического диалога на постсоветском пространстве как фактор укрепления безопасности: роль и позиция России. В З. Станкевич, Т. Стемпневски, & А. Шабачук (ред.), *Безопасность постсоветского пространства: новые вызовы и угрозы* (с. 137–154). Издательство Люблинского католического университета Иоанна II; Институт Центрально-Восточной Европы в Люблине.

Гуселетов, Б. П. (2023). Трансформации постсоветского пространства. В В. К. Левашов (ред.), *Российское общество и государство в условиях глобальной многополярности: Социально-политическое положение России в 2022 году*. ФНИСЦ РАН. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-409-3.2023>

Жирнов, О. А. (2011). Политика России на постсоветском пространстве: Прошлое, настоящее, будущее (Обзор). *Актуальные проблемы Европы*, (2), 124–163.

Катагощина, М. В., Комлева, В. В., Кузьменко, Е. А., & Шеин, С. А. (2024). Многовекторность во внешней политике стран постсоветского пространства: актуальные

проблемы и тенденции. *Россия и мир: научный диалог*, (4), 105–123. [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4\(14\)-105-123](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4(14)-105-123)

Кудрявцев, И. С. (2011). Постсоветское пространство как отдельный регион: интеграционные перспективы. *Известия РГПУ им. А.И. Герцена*, (130), 261.

Манойло, А. В. (2014). Цветные революции и проблемы демонтажа политических режимов в меняющемся мире. *Вестник Московского государственного областного университета*, (2), 1–14.

Маркедонов, С. (2017). Постсоветское пространство: прощание с дефиницией? В *Эволюция постсоветского пространства: прошлое, настоящее, будущее* (с. 378). НП РСМД.

Плотников, А. Ю. (2009). Интеграционные тенденции на постсоветском пространстве и типология государственного развития бывших союзных республик (СНГ: основа будущего союза или «цивилизованный развод»?). В Б. А. Шмелёв (ред.), *Постсоветское пространство: реалии и перспективы*. ИЭ РАН.

Пылин, А. Г. (2024). Тренды торгово-экономического взаимодействия России со странами Центральной Азии. *Вестник Института экономики Российской академии наук*, (3), 76–87. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2024_3_76_87

Рябов, А. В. (2018). Постсоветское пространство: факторы и циклы развития. *Россия и новые государства Евразии*, (3), 67–82. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2018-3-67-82>

Строев, Е. С., Бляхман, Л. С., & Кротов, М. И. (1998). *Экономика Содружества Независимых Государств накануне третьего тысячелетия*. Наука.

Тренин, Д. (2017). Россия и страны СНГ: «взросление» отношений. 20 лет спустя. Как изменился мир после распада СССР? В *Эволюция постсоветского пространства: прошлое, настоящее, будущее: хрестоматия* (с. 18). НП РСМД.

Цветкова, Н. А. (2019). Дискурс «цветных революций». *Постсоветские исследования*, 2(2), 940–950.

Шишков, В. (2015). Политика России на постсоветском пространстве. *Россия и новые государства Евразии*, (1), 38–49.

Шмелев, Б. А. (2021). Социально-политическая турбулентность на постсоветском пространстве: причины и последствия. *Россия и современный мир*, (4), 85–100. <https://doi.org/10.31249/rsm/2021.04.04>

References

Arbatova, N. K. (2018). CIS factor in Russia-West relations: Origins of conflict. *World Economy and International Relations*, 62(8), 77–87. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-8-77-87>

Barsenkov, A. S. (2012). *20 let SNG: sostoyanie i perspektivy*. Institut stran SNG.

Bespalov, S. V., & Merkushev, V. N. (2014). *Politika Rossii na postsovetskom prostanstve: istoricheskaya periodizatsiya i perspektivnyy prognoz*. RANKhiGS.

Bulanakova, M. A. (2020). Eurasian vector of the foreign policy of the Republic of Korea: The Central Asian factor. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*, (4), 70–87. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2020-4-70-87>

Glaz'ev, S. Yu., & Klotsvog, F. N. (2008). Prospects for economic development of the CIS under integration and inertial scenarios of interaction of member countries. *Russian Economic Journal*, (7-8), 24–34.

Grinberg, R. S., & Pylin, A. G. (2020). Eurasian Economic Union: Main development trends against the background of global uncertainty. *Economy of Region*, 16(2), 340–351.

Guseletov, B. P. (2014). Development of political dialogue in the Post-Soviet space as a factor of strengthening security: Role and position of Russia. In Z. Stankevich, T. Stempovski, & A. Shabatsyuk (Eds.), *Bezopasnost' postsovetского prostranstva: novye vyzovy i ugrozy* (pp. 137–154). Izdatel'stvo Lyublinskogo katolicheskogo universiteta Ioanna II; Institut Tsentral'no-Vostochnoy Evropy v Lyubline.

Guseletov, B. P. (2023). Transformations of the Post-Soviet space. In V. K. Levashov (Ed.), *Rossiyskoe obshchestvo i gosudarstvo v usloviyakh global'noy mnogopolynarnosti: Sotsial'no-politicheskoe polozhenie Rossii v 2022 godu*. FNISTS RAN. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-409-3.2023>

Zhirnov, O. A. (2011). Russia's policy in the Post-Soviet space: Past, present, future (Review). *Current Problems of Europe*, (2), 124–163.

Katagoshchina, M. V., Komleva, V. V., Kuz'menko, E. A., & Shein, S. A. (2024). Multi-vectoriness in the foreign policy of Post-Soviet countries: Current problems and trends. *Russia and the World: Scientific Dialogue*, (4), 105–123. [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4\(14\)-105-123](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4(14)-105-123)

Kudryavtsev, I. S. (2011). Post-Soviet space as a separate region: Integration prospects. *Proceedings of the Herzen Russian State Pedagogical University*, (130), 261.

Manoylo, A. V. (2014). Color revolutions and problems of dismantling political regimes in a changing world. *Bulletin of Moscow State Regional University*, (2), 1–14.

Markedonov, S. (2017). Post-Soviet space: Farewell to definition? In *Evolutsiya postsovetского prostranstva: proshloe, nastoyashchee, budushchee* (p. 378). NP RSMD.

Plotnikov, A. Yu. (2009). Integration tendencies in the Post-Soviet space and typology of state development of former Soviet republics (CIS: Basis for a future union or 'civilized divorce?'). In B. A. Shmelev (Ed.), *Postsovetское prostranstvo: realii i perspektivy*. IE RAN.

Pylin, A. G. (2024). Trends in trade and economic cooperation between Russia and Central Asian countries. *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, (3), 76–87. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2024_3_76_87

Ryabov, A. V. (2018). Post-Soviet space: Factors and cycles of development. *Russia and New States of Eurasia*, (3), 67–82. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2018-3-67-82>

Stroyev, E. S., Blyakhman, L. S., & Krotov, M. I. (1998). *Ekonomika Sodruzhestva Nezavisimyykh Gosudarstv nakanune tret'yego tysyacheletiya*. Nauka.

Trenin, D. (2017). Russia and the CIS countries: 'Maturation' of relations. 20 years later. How has the world changed after the collapse of the USSR? In *Evolutsiya postsovetского prostranstva: proshloe, nastoyashchee, budushchee: khrestomatiya* (p. 18). NP RSMD.

Tsvetkova, N. A. (2019). Discourse of 'color revolutions'. *Post-Soviet Studies*, 2(2), 940–950.

Shishkov, V. (2015). Russia's policy in the Post-Soviet space. *Russia and New States of Eurasia*, (1), 38–49.

Shmelev, B. A. (2021). Socio-political turbulence in the Post-Soviet space: Causes and consequences. *Russia and the Contemporary World*, (4), 85–100. <https://doi.org/10.31249/rsm/2021.04.04>

Для цитирования: Гуселетов, Б. П. Современная роль России на постсоветском пространстве: в поисках ответов на новые вызовы / Б.П. Гуселетов // PolitBook. – 2026. – № 2. – С. 7-21. – DOI 10.24412/2227-1538-2026-2-7-21.

Т.Н. Юдина**T. Yudina****ФАКТОРНАЯ
АРХИТЕКТУРА
МИГРАЦИОННЫХ
ПОТОКОВ В СТРАНАХ
ПОСТСОВЕТСКОГО
ПРОСТРАНСТВА: ОТ
ИНТЕГРАЦИИ К
ТУРБУЛЕНТНОСТИ
(2000–2025)****THE FACTOR
ARCHITECTURE OF
MIGRATION FLOWS IN
THE POST-SOVIET
COUNTRIES: FROM
INTEGRATION TO
TURBULENCE
(2000–2025)****Аннотация**

На постсоветском пространстве с 1990-х годов сформировалась относительно целостная евразийская миграционная система, в которой доминируют внутрирегиональные потоки и сохраняется значительная взаимозависимость стран доноров и стран реципиентов. В 2000–2025 гг. эта система развивалась в условиях сменяющих друг друга фаз интеграции и геополитической турбулентности, что отразилось на масштабах, структуре и направленности миграционных потоков. Цель исследования – реконструировать факторную архитектуру миграционных потоков в странах постсоветского пространства в 2000–2025 гг. на основе официальных данных Межгосударственного статистического комитета СНГ и авторской периодизации перехода от интеграции к турбулентности. В работе используется вторичный анализ официальной статистики международной миграции стран СНГ, представленной в ежегодных публикациях CISSTAT, с применением сравнительно динамического подхода к оценке показателей прибытия, выбытия и миграционного прироста населения в целом по региону. Факторы, определяющие динамику миграционных потоков, структурированы по четырём блокам: демографический, экономический, институционально-правовой и геополитический, что позволяет рассматривать миграцию как результат сложного взаимодействия разноуровневых детерминант. Анализ показал, что в первой фазе рассматриваемого периода, связанной с посткризисным восстановлением и нарас-

Abstract

Since the 1990s, a relatively coherent Eurasian migration system has formed in the post-Soviet space, dominated by intra-regional flows and characterized by strong interdependence between sending and receiving countries. In 2000–2025 this system evolved under alternating phases of integration and geopolitical turbulence, which affected the scale, structure and direction of migration flows. The aim of the study is to reconstruct the factor architecture of migration flows in the post-Soviet countries in 2000–2025 based on official data of the Interstate Statistical Committee of the CIS and the author's periodization of the transition from integration to turbulence. The study relies on secondary analysis of official statistics on international migration in the CIS countries, presented in annual CISSTAT publications, using a comparative-dynamic approach to assessing arrival, departure and net migration indicators for the region as a whole. The factors shaping the dynamics of migration flows are structured into four blocks: demographic, economic, institutional-legal and geopolitical, which makes it possible to view migration as the outcome of a complex interaction of multi-level determinants. The analysis shows that in the first phase of the period under review, associated with post-crisis recovery and the strengthening of integration interactions, international migration within the CIS contributed to partially offsetting natural population decline in a number of countries and to strengthening their

танием интеграционного взаимодействия, международная миграция внутри СНГ способствовала частичной компенсации естественной убыли населения в ряде стран и укреплению их трудового потенциала. В последующие годы по мере институционального оформления интеграционных форматов и углубления экономических и демографических асимметрий усиливается концентрация миграционного притяжения в отдельных центрах, при этом сохраняется высокая доля внутрирегиональных перемещений. Геополитические кризисы середины 2010-х гг., а затем пандемия COVID-19 и события 2022 года, трансформируют миграционные маршруты, приводят к временному сжатию международной миграции, усилению неопределённости для мигрантов и росту демографических рисков для принимающих.

Миграционные потоки в странах постсоветского пространства в 2000–2025 гг. формируются под воздействием совокупности демографических, экономических, институционально правовых и геополитических факторов, при этом нарастание турбулентности делает миграцию одновременно ресурсом демографической устойчивости и зоной повышенной социально политической уязвимости. Уточнение факторной архитектуры миграционных потоков и её соотнесение с авторской периодизацией интеграционных и турбулентных фаз создают основу для выработки более согласованной миграционной и демографической политики в регионе.

Ключевые слова:

постсоветское пространство, международная миграция, евразийская миграционная система, интеграционные процессы, миграционные потоки, миграционная политика.

labour potential. In subsequent years, as integration formats were institutionally consolidated and economic and demographic asymmetries deepened, migration attraction became increasingly concentrated in a few centres, while the high share of intra-regional movements persisted. Geopolitical crises of the mid-2010s, followed by the COVID-19 pandemic and the events of 2022, transformed migration routes, leading to a temporary contraction of international migration, greater uncertainty for migrants and rising demographic risks for receiving countries.

Migration flows in the post-Soviet countries in 2000–2025 are shaped by a combination of demographic, economic, institutional-legal and geopolitical factors, while growing turbulence turns migration simultaneously into a resource of demographic resilience and an area of heightened socio-political vulnerability. Clarifying the factor architecture of migration flows and aligning it with the author's periodization of integration and turbulence phases creates a basis for developing a more coherent migration and demographic policy in the region.

Key words:

Post-Soviet space, Commonwealth of Independent States, international migration, Eurasian migration system, integration processes, migration flows, migration policy.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2026-2-22-44>

Распад СССР и формирование Содружества Независимых Государств (СНГ) задали долгосрочную рамку трансформации демографических и миграционных процессов на постсоветском пространстве, где в течение трёх десятилетий сосуществуют тенденции дезинтеграции и институциональной реинтеграции. На рубеже XX–XXI вв. именно миграционные потоки стали одним из ключевых механизмов адаптации государств региона к демографи-

ческому кризису, экономическим дисбалансам и изменению внешнеполитических приоритетов. Несмотря на рост внешних контактов отдельных стран, значительная часть миграции сохраняет внутрирегиональный характер и формирует особую евразийскую миграционную систему, в которой движение населения тесно связано с интеграционными проектами и геополитическими сдвигами¹. В этой системе сочетаются исторически сложившаяся взаимозависимость государств, единое советское наследие и новые формы регионального сотрудничества, что усиливает чувствительность миграционных процессов к изменениям демографической, экономической и политической конъюнктуры.

Период 2000–2025 гг. в развитии этой системы принципиально важен, поскольку объединяет несколько качественно различных фаз, выделенных в авторской периодизации: посткризисное восстановление и усиление интеграционных взаимодействий в первой половине 2000-х гг.; институциональное оформление интеграции и углубление асимметрий в 2009–2014 гг.; нарастание геополитической напряжённости и пандемический шок в 2015–2021 гг.; фундаментальная трансформация архитектуры региональных связей и системный кризис, радикально изменивший контекст миграционной политики и маршруты перемещения населения 2022–2025 гг.. В совокупности эти фазы отражают переход от относительно упорядоченной интеграционной динамики к состоянию структурной турбулентности, в котором миграционные потоки одновременно служат ресурсом развития и фактором нестабильности.

Демографическая ситуация в большинстве стран региона характеризуется низкой рождаемостью, старением населения и устойчивой естественной убылью, особенно в государствах – традиционных центрах притяжения мигрантов – России, Беларуси (рис. 1, 2, 3).

¹ Ивахнюк, И. В. (2020). Евразийская миграционная система: новые тренды и перспективы развития. В Материалы конференции (pp. 141–146). <https://dspace.kpfu.ru/xmlui/handle/net/184430>

Рисунок 1 – Динамика коэффициента рождаемости 2000-2024 гг. в Беларуси и России¹

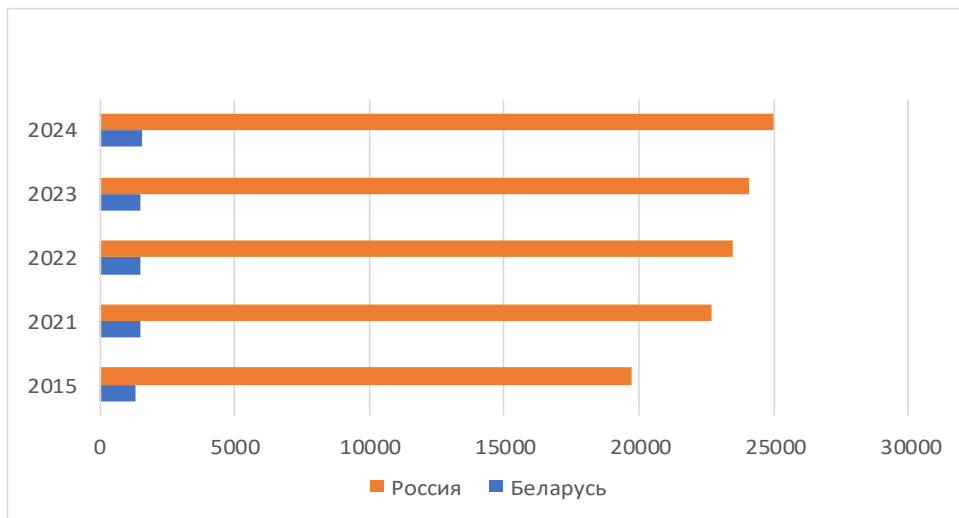

Рисунок 2 – Динамика численности населения в 2000-2024 гг. в возрасте старше 65 лет и старше в Беларуси и России²

¹ Расчет сделан на основе данных: База данных показателей Статкомитета СНГ «Статистика СНГ». Межгосударственный статистический комитет СНГ. <https://new.cisstat.org/web/guest/cis-stat-home?iFrameId=44176>; Данные по Беларуси за 2020-2023 гг. в базе данных показателей Статкомитета СНГ «Статистика СНГ» не представлены.

² Расчет сделан на основе данных: База данных показателей Статкомитета СНГ «Статистика СНГ». Межгосударственный статистический комитет СНГ. <https://new.cisstat.org/web/guest/cis-stat-home?iFrameId=44176>.

Рисунок 3 – Динамика естественного прироста населения в 2000-2024 гг. в Беларуси и России¹

В этих условиях международная миграция часто выступает компенсаторным механизмом восполнения трудоспособного контингента и поддержания численности населения, но её потенциал зависит от экономических возможностей принимающих стран, режимов правового регулирования и шире – от геополитического контекста.

Теоретико-методически постсоветское пространство может быть рассмотрено как региональная миграционная система, в которой взаимодействие стран доноров и стран реципиентов опосредовано общим историческим наследием, общими языковыми и культурными кодами, а также наднациональными институтами интеграции. В рамках такого подхода особое значение приобретает анализ «факторной архитектуры» миграционных потоков – совокупности демографических, экономических, институционально правовых и геополитических факторов, структурно определяющих направления и интенсивность перемещения населения (Иванов, 2025).

Настоящее исследование опирается на авторскую периодизацию развития миграционных процессов на постсоветском пространстве в 2000–2025 гг., выделяющую четыре взаимосвязанных этапа, каждый из которых отражает определённую конфигурацию интеграционных и турбулентных процес-

¹ Расчет сделан на основе данных: База данных показателей Статкомитета СНГ «Статистика СНГ». Межгосударственный статистический комитет СНГ. <https://new.cisstat.org/web/guest/cis-stat-home?iFrameId=44176>; Данные по Беларуси за 2020-2023 гг. в базе данных показателей Статкомитета СНГ «Статистика СНГ» не представлены.

сов (Юдина, 2025) Такая периодизация позволяет соотнести динамику количественных показателей международной миграции с трансформацией демографической ситуации, экономических условий, институционального дизайна интеграционных объединений и геополитической обстановки, что создаёт основу для комплексной оценки устойчивости евразийской миграционной системы.

Цель статьи – реконструировать факторную архитектуру миграционных потоков в странах постсоветского пространства в 2000–2025 гг. на основе официальных данных Межгосударственного статистического комитета СНГ по международной миграции и авторской периодизации перехода от интеграции к турбулентности.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней проводится комплексный анализ международной миграции в странах СНГ в 2000–2025 гг. исключительно на основе сопоставимых данных Межгосударственного статистического комитета СНГ (CISSTAT) (Чудиновских, 2014) с использованием авторской периодизации, позволяющей связать динамику миграционных показателей с ключевыми интеграционными и геополитическими сдвигами. Дополнительным результатом является концептуализация «факторной архитектуры» миграционных потоков, которая может быть использована как аналитический инструмент при разработке национальной и региональной миграционной политики.

Теоретико-методологическую основу исследования составляет комплексный подход, сочетающий элементы теории миграционных систем (Ивахнюк, 2008) и демографического анализа (Рыбаковский & Таянова, 2014), что позволяет рассматривать постсоветское пространство как особую евразийскую миграционную систему со специфической конфигурацией связей между странами донорами и странами реципиентами. В рамках этого подхода миграционные потоки интерпретируются как результат взаимодействия структурных факторов (демографических, экономических, институционально правовых, геополитических) и субъективных стратегий домохозяйств и отдельных мигрантов, однако в данной работе акцент делается на макроуровневой, структурной составляющей.

Ключевым аналитическим инструментом выступает концепция «факторной архитектуры» (Уханова & др., 2021; Ганебных & Моттаева, 2023) (архитектурно-демографического проектирования) миграционных потоков, под которой понимается совокупность и внутренняя иерархия факторов, определяющих масштаб, направленность и устойчивость миграции в пределах региональной системы. В контексте постсоветского пространства в эту архитектуру включаются демографический блок (рождаемость, смертность,

естественный прирост, возрастная структура населения), экономический блок (разрыв в уровнях доходов, структура занятости, потребность в рабочей силе), институционально правовой блок (режимы въезда, пребывания и трудоустройства, интеграционные соглашения и двусторонние договоры) и геополитический блок (конфликты, санкции, изменение внешнеполитических ориентаций) (Бычкова, 2025).

Эмпирическую базу исследования составляют официальные статистические данные Межгосударственного статистического комитета СНГ по разделу «Международная миграция», включающие показатели численности прибывших и выбывших, миграционного прироста и соответствующих коэффициентов для стран СНГ и региона в целом в 2000–2024 гг. Используются данные сводных таблиц, размещённых на официальном сайте CISSTAT, а также данные, интегрированные в ранее подготовленные авторские аналитические материалы, что обеспечивает сопоставимость показателей во времени и между странами. Анализ статистики строится исключительно на основе единого источника – CISSTAT, что позволяет избежать методологических расхождений, связанных с различиями национальных систем учета миграции. Методический инструментарий включает: вторичный анализ официальной статистики международной миграции стран СНГ; сравнительно динамический анализ показателей прибытия, выбытия и миграционного прироста по четырем временным интервалам, отражающим авторскую периодизацию 2000–2025 гг.; использование нормированных показателей (на 10 тыс. населения), представленных в статистических сборниках CISSTAT, что позволяет учитывать демографический масштаб стран и сопоставлять интенсивность миграционных процессов; качественную интерпретацию статистической динамики через призму демографических, экономических, институционально правовых и геополитических процессов, протекающих в регионе.

Авторская периодизация развития миграционных процессов на постсоветском пространстве в 2000–2025 гг., использованная в работе, выделяет четыре этапа, каждый из которых соотносится с определенной конфигурацией интеграционных и турбулентных процессов, зафиксированных как в статистике, так и в институциональной и геополитической плоскостях. Первый этап охватывает начало 2000-х гг. и связан с посткризисным восстановлением и нарастанием интеграционных взаимодействий; второй этап характеризуется институциональным оформлением интеграционных объединений и усилением асимметрий; третий этап отражает период нарастающей геополитической напряженности и пандемического шока; четвертый этап связан фундаментальной трансформацией архитектуры региональных связей и системного кризиса начала 2020-х гг. Такая логика позволяет анализировать миграцию

не как линейный процесс, а как последовательность фаз, в которых меняются доминирующие факторы и баланс интеграции и турбулентности.

Ограничения исследования обусловлены, во-первых, рамками официальной статистики международной миграции, которая не полностью отражает масштабы временной, сезонной и нелегальной миграции, а во-вторых, невозможностью в рамках одной статьи детально рассмотреть различия между отдельными странами СНГ, что требует отдельного анализа. Тем не менее использование сопоставимых данных CISSTAT и опора на авторскую периодизацию позволяют проследить ключевые тенденции и реконструировать факторную архитектуру миграционных потоков в целом по региону.

Этап посткризисного восстановления и углубления интеграционных взаимодействий (2000–2008 гг.)

Первый этап рассматриваемого периода связан с преодолением последствий системного кризиса 1990-х гг. и постепенным формированием более устойчивой конфигурации миграционного обмена между странами СНГ. В условиях стабилизации экономической ситуации, снижения масштабов социального шока и укрепления межгосударственных рамок сотрудничества в сфере СНГ международная миграция начинает выполнять функцию канала перераспределения трудовых ресурсов и частичной компенсации естественной убыли населения в странах реципиентах (Choudinovskikh & Denisenko, 2014).

По данным CISSTAT, в первой половине 2000-х гг. фиксируется рост показателей прибытия и выбытия населения в большинстве стран СНГ, при этом для ряда государств характерно положительное сальдо международной миграции, позволяющее частично компенсировать отрицательный естественный прирост (рис. 4, 5, 6).

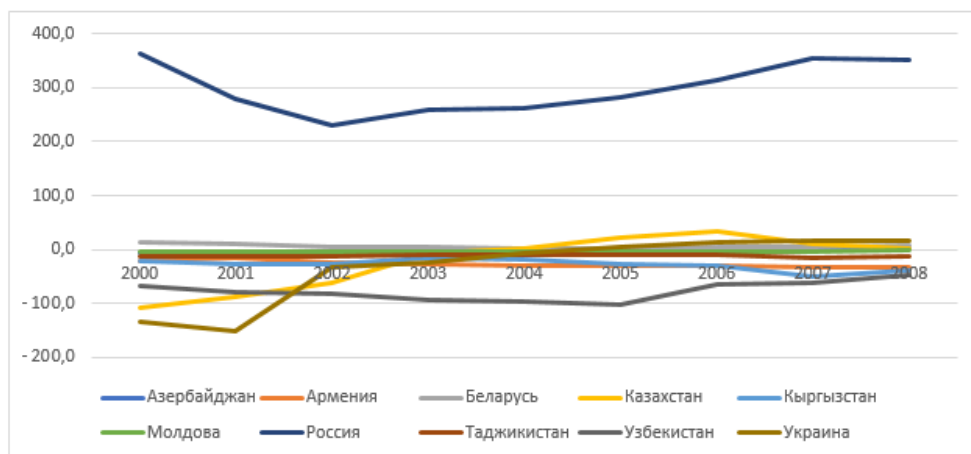

Рисунок 4 – Динамика миграционного прироста по странам СНГ 2000-2008 гг. (тыс. человек)¹

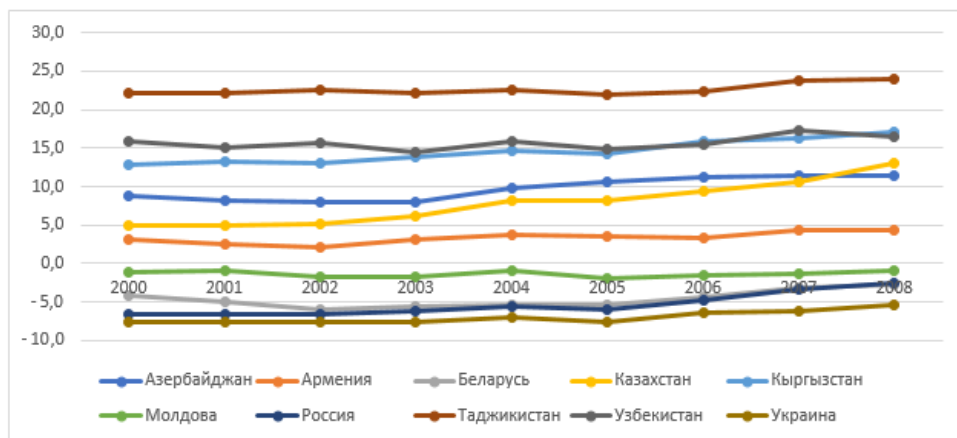

Рисунок 5 – Динамика общего коэффициента естественного прироста населения по странам СНГ²

¹ Расчет сделан на основе данных: База данных показателей Статкомитета СНГ «Статистика СНГ». Межгосударственный статистический комитет СНГ. <https://new.cisstat.org/web/guest/cis-stat-home?iFrameId=44176>

² Расчет сделан на основе данных: База данных показателей Статкомитета СНГ «Статистика СНГ». Межгосударственный статистический комитет СНГ. <https://new.cisstat.org/web/guest/cis-stat-home?iFrameId=44176>

На уровне региона в целом это выражается в формировании устойчивого миграционного притока, который смягчает демографические последствия низкой рождаемости и повышенной смертности, особенно в старших возрастных группах (Вишневский, 2015).

Структура миграционных потоков на данном этапе во многом определяется наследием советского периода – общими языковыми и образовательными пространствами, связями между крупными индустриальными центрами и периферийными регионами, а также сетями родственных и профессиональных контактов. В то же время уже в начале 2000-х намечается переход от преимущественно вынужденной миграции, характерной для 1990-х годов, к более «обычной» трудовой миграции, связанной с поиском занятости и более высоких доходов в странах реципиентах (Зайончковская & Тюрюканова, 2019).

Интеграционные процессы в рамках СНГ, включая развитие договорно-правовой базы и координацию миграционной политики, вносят вклад в упрощение процедур перемещения и регистрации мигрантов, что отражается в постепенной стабилизации показателей международной миграции и повышении их предсказуемости. На этом этапе факторная архитектура миграционных потоков характеризуется относительным доминированием демографического и экономического блоков при еще ограниченном воздействии геополитических факторов, что позволяет говорить о преимущественно интеграционной логике развития евразийской миграционной системы (Apanovich, 2020).

Этап институционального оформления интеграции и усиления асимметрий (2009–2014 гг.)

Второй этап, приходящийся на конец 2000-х – первую половину 2010-х гг., связан с углублением интеграционных проектов и институциональным оформлением новых форм сотрудничества, включая Таможенный союз и Евразийский экономический союз (ЕАЭС), что оказывает значимое влияние на миграционные процессы. Расширение свободы движения рабочей силы между отдельными странами, упрощение режимов пребывания и трудоустройства для граждан государств – участниц интеграционных объединений стимулируют рост внутрирегиональной миграции и закрепление определенных маршрутов (Apanovich, 2020).

Данные CISSTAT свидетельствуют о сохранении и в ряде случаев усилении положительного миграционного прироста в странах – центрах притяжения (см., рис. 6), что позволяет им компенсировать продолжающуюся естественную убыль населения, фиксируемую в сводных таблицах естественного движения населения СНГ за этот период (см., табл. 1).

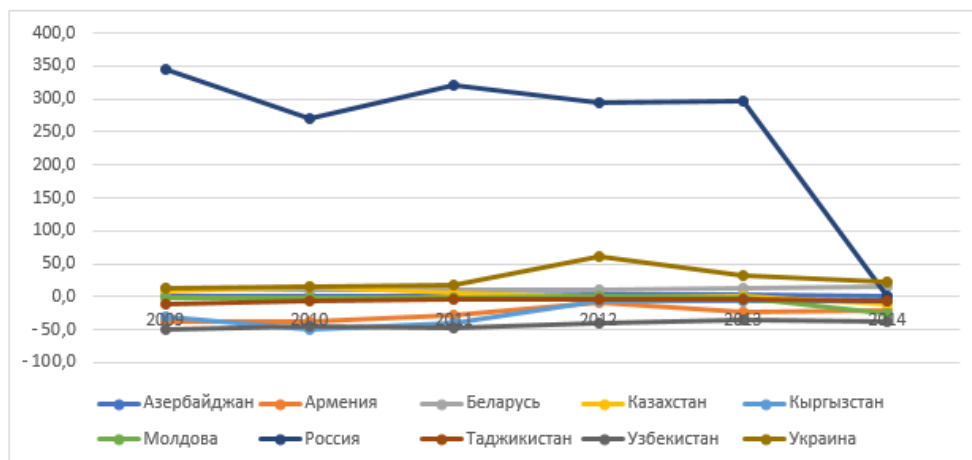

Рисунок 6 – Динамика миграционного прироста/убыли 2009-2014 гг. по странам СНГ (тыс. чел.)¹

Таблица 1. Динамика общего коэффициента естественного прироста населения по странам СНГ 2009-2015 гг.

Страны	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Азербайджан	11,3	12,5	13,5	13,0	12,8	12,2
Армения	5,5	5,5	5,1	4,9	4,8	5,1
Беларусь	-2,7	-3,0	-2,8	-1,2	-0,7	-0,3
Казахстан	13,3	13,6	13,8	14,2	14,7	15,5
Кыргызстан	18,1	20,1	20,5	21,0	20,9	21,4
Молдова	-0,4	-0,9	0,0	0,0	-0,1	0,4
Россия	-1,8	-1,7	-0,9	0,0	0,2	0,3
Таджикистан	22,8	27,5	24,7	23,5	22,0	23,8
Узбекистан	18,6	17,2	16,3	16,1	17,7	18,4
Украина	-4,2	-4,4	-3,5	-3,1	-3,5	-3,9

¹ Расчет сделан на основе данных: База данных показателей Статкомитета СНГ «Статистика СНГ». Межгосударственный статистический комитет СНГ. <https://new.cisstat.org/web/guest/cis-stat-home?iFrameId=44176>; Данные по России за 2024 год в базе данных показателей Статкомитета СНГ «Статистика СНГ» не представлены.

Вместе с тем в этот период становится более выраженной асимметрия между странами донорами и странами реципиентами: первые сталкиваются с устойчивыми демографическими потерями, а вторые – с нарастающей структурной зависимостью от притока мигрантов для поддержания своих рынков труда (Баранов, 2022).

Институционализация интеграции сопровождается усложнением нормативно правовой архитектуры миграционной политики: появляются новые соглашения о правовом статусе трудящихся мигрантов, механизмы признания квалификаций, инструменты контроля и учета, что серьезно влияет на качественный состав миграционных потоков. Факторная архитектура в этот период характеризуется усилением роли институционально правового блока, который начинает в значительной степени задавать рамки миграции, при этом демографические и экономические факторы сохраняют свою значимость, но действуют уже в модифицированной институциональной среде (Тарасьев, 2016).

Одновременно нарастают внутренние и внешние асимметрии: различия в уровне экономического развития, качестве институтов, динамике демографических показателей и устойчивости политических режимов усиливают неоднородность евразийской миграционной системы. Это проявляется как в концентрации миграционного притяжения в ограниченном числе стран и крупнейших агломераций, так и в росте уязвимости государств доноров, испытывающих отток трудоспособного населения на фоне собственных демографических вызовов (Kaushik, 2024).

Этап нарастающей геополитической напряженности и пандемического шока (2015–2021 гг.)

Третий этап авторской периодизации охватывает период с середины 2010-х до начала 2020-х гг. и характеризуется комбинацией трех групп факторов: углублением геополитических противоречий вокруг постсоветского пространства, трансформацией санкционных режимов и масштабным шоком, обусловленным пандемией COVID-19. Эти факторы радикально усложняют внешнюю и внутреннюю среду функционирования евразийской миграционной системы и усиливают роль политико-правовых ограничений по отношению к традиционным демографическим и экономическим драйверам миграции (Глушкова, 2024).

По данным Межгосударственного статистического комитета СНГ, в середине 2010-х гг. международная миграция продолжает вносить вклад в демографическую динамику стран-реципиентов: сохраняется положительное сальдо международной миграции, позволяющее компенсировать отрицательный естественный прирост и стабилизировать численность населе-

ния (см., рис. 7). Однако темпы роста миграционного прироста замедляются, а в ряде государств наблюдаются эпизоды снижения его величины, что отражает повышение чувствительности миграционных потоков к санкционным и кризисным шокам (Рязанцев & Хорхордин, 2020).

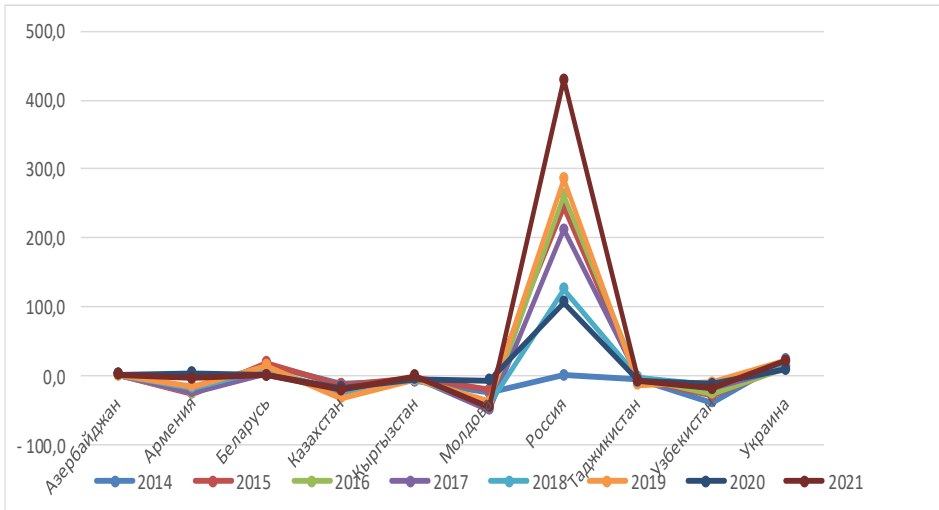

Рисунок 7 – Динамика миграционного прироста международной миграции в странах СНГ, 2015–2021 гг.¹.

Геополитическая напряженность, связанная с конфликтом на Украине и последующим распространением санкционной практики, изменяет структуру стимулов для мигрантов и принимающих стран: усиливаются риски правовой и экономической нестабильности, возрастает неопределенность долгосрочных траекторий развития, что снижает привлекательность отдельных направлений миграции. В то же время сохраняющаяся дифференциация уровней заработной платы и качества занятости между странами СНГ продолжает поддерживать миграционное давление со стороны государств-доноров, особенно в отношении молодого трудоспособного населения (Денисенко, 2023).

¹ Расчет сделан на основе данных: База данных показателей Статкомитета СНГ «Статистика СНГ». Международная миграция. Межгосударственный статистический комитет СНГ. <https://new.cisstat.org/web/guest/cis-stat-home?iFrameId=44176>; Данные по России за 2014 год в базе данных показателей Статкомитета СНГ «Статистика СНГ» не представлены.

Кульминацией данного этапа становится пандемия COVID-19 в 2020–2021 гг., которая приводит к беспрецедентному по масштабу и скорости введению ограничений на международную мобильность населения. Закрытие границ, сокращение международного авиасообщения, введение карантинных режимов и санитарных требований неминуемо отражаются на объемах и структуре международной миграции: официальная статистика CISSTAT фиксирует существенное снижение числа прибывших и выбывших в 2020–2021 гг., а также изменение интенсивности миграционного прироста¹.

Для евразийской миграционной системы это означает временный разрыв устоявшихся маршрутов и практик мобильности: многие трудовые мигранты оказываются в ситуации невозможности вернуться на родину или выехать в страну назначения, регулярно сталкиваются с потерей занятости и необходимостью адаптации к новым формам работы и контроля. Для стран-доноров это чревато сокращением денежных переводов, ухудшением положения домохозяйств и усилением социальной уязвимости, особенно в регионах с высокой долей миграционных доходов (Картографирование..., 2021).

В рамках факторной архитектуры миграционных потоков в 2015–2021 гг. заметно усиливается роль геополитического и рискованного компонентов: миграция становится объектом не только экономического и демографического регулирования, но и инструментом внешнеполитического давления, а также индикатором устойчивости национальных систем здравоохранения и социальной защиты. При этом демографический и экономический блоки сохраняют свое значение, однако их воздействие опосредуется растущей ролью ограничений и запретов, что приводит к временной «заморозке» части миграционного потенциала и формированию отложенного спроса на миграцию в постпандемийный период (Тарасьев, 2016).

Этап фундаментальной трансформации архитектуры региональных связей и системный кризис (2022–2025 гг.)

Четвертый этап охватывает период, когда геополитическая турбулентность достигает максимальной интенсивности: события 2022 года, расширение и ужесточение санкционных режимов, изменение внешнеполитических и экономических ориентиров ряда государств. Эти процессы радикально трансформируют контекст функционирования евразийской миграционной

¹ Измерение масштабов миграции в условиях пандемии: результаты опроса ЕЭК ООН в странах Восточной Европы, Кавказа и Центральной Азии [Measuring migration in times of pandemic: Results of a UNECE survey in Eastern Europe, Caucasus and Central Asia]. (2021, 26–28 октября). Онлайн-встречи ЕЭК ООН по вопросам статистики миграции. <https://unece.org/info/Statistics/events/358455>

системы, одновременно усиливая ее внутренние напряжения и стимулируя поиск новых маршрутов и форматов взаимодействия (Глушкова, 2023).

Доступные на момент подготовки исследования данные CISSTAT, охватывающие временной интервал до 2024-2025 гг., фиксируют неоднозначную динамику международной миграции: в одних случаях наблюдается сокращение официально регистрируемых потоков, в других – их частичная перестройка с изменением направленности и состава мигрантов (см., рис. 8).

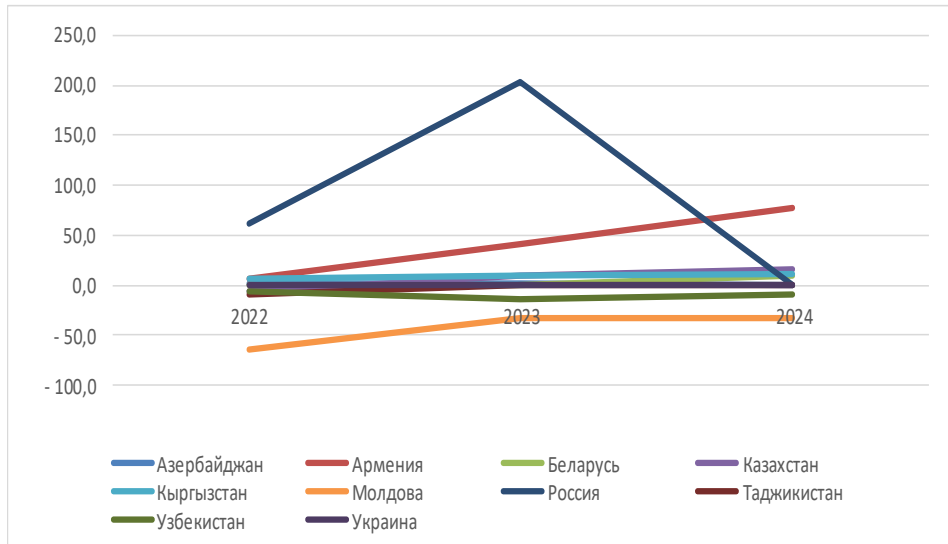

Рисунок 8. Динамика миграционного прироста/убыли в странах СНГ в 2022- 2024 гг. (в тыс. человек)¹

Важной тенденцией становится переориентация части миграционных потоков за пределы СНГ, в том числе в третьи страны, при сохранении значимого объема внутрирегиональной миграции, обусловленной демографическими и экономическими факторами (Леденева, 2024).

Для стран реципиентов миграция по-прежнему остается важным инструментом демографической компенсации и поддержания трудового потен-

¹ Расчет сделан на основе данных: База данных показателей Статкомитета СНГ «Статистика СНГ». Международная миграция // Межгосударственный статистический комитет СНГ. <https://new.cisstat.org/web/guest/cis-stat-home?iFrameId=44176>; Данные по Украине за 2022 и 2023 гг; по Беларуси, Таджикистан за 2023-2024 гг., Россия за 2024 год в базе данных показателей Статкомитета СНГ «Статистика СНГ» не представлены.

циала, однако ее использование осложняется неопределенностью санкционных режимов, изменением логистики и финансовых каналов, а также необходимостью адаптации национального законодательства к быстро меняющемуся контексту. Для стран-доноров, прежде всего с относительно молодым возрастным составом и сохраняющейся высокой рождаемостью, сохраняется риск усиления демографических потерь и «утечки» трудоспособного населения, особенно в условиях ограниченных возможностей для его продуктивного использования в национальных экономиках.

В факторной архитектуре миграционных потоков в 2022–2025 гг. геополитический блок фактически задает рамки для действия демографических, экономических и институционально правовых факторов, переводя миграцию в разряд одновременно жизненно важного ресурса и чувствительного геополитического индикатора. Евразийская миграционная система в этих условиях функционирует в режиме высокой турбулентности, что требует от государств региона более гибкой и координированной миграционной политики и развития механизмов мониторинга и прогнозирования миграционных процессов (Волкова & др., 2025).

Демографический блок факторной архитектуры миграционных потоков включает показатели рождаемости, смертности, естественного прироста и возрастной структуры населения, которые в странах СНГ в 2000–2025 гг. демонстрируют устойчивые признаки демографического старения и в ряде случаев – депопуляции. Для государств – центров миграционного притяжения характерно сочетание низкой рождаемости, повышенной смертности в отдельных возрастных группах и дефицита трудоспособного населения, что объективно усиливает потребность в миграционной подпитке рынков труда (Топилин, 2019).

Данные CISSTAT показывают, что во всех выделенных периодах международная миграция вносит вклад в компенсацию естественной убыли населения, однако этот вклад неодинаков: в интеграционных фазах он более выражен, тогда как в фазах турбулентности влияние миграции ослабляется из-за сокращения потоков и роста В долгосрочной перспективе это формирует риск устойчивой демографической зависимости от миграции при ограниченности внутренних резервов обновления населения¹.

Особое значение имеет дифференциация демографических траекторий внутри постсоветского пространства: «старые» демографически развитые

¹ Round of population censuses 2020: Migration of the population of the CIS countries. (2024, May 7–8). Conference of European Statisticians, Group of Experts on Migration Statistics, Geneva, Switzerland. <https://unece.org/sites/default/files/2024-04/7.Census%20WP13%20CIS%20Zbarskaya%20ENG.pdf>

страны с завершенным демографическим переходом и высокой долей пожилого населения соседствуют с более «молодыми» обществами с относительно высокой рождаемостью. Такое сочетание создает структурную основу для постоянного демографического «перетока» населения в рамках евразийской миграционной системы и закрепляет долгосрочную зависимость ряда стран от притока мигрантов из государств-доноров.

Экономический блок факторов охватывает различия в уровне экономического развития, доходов населения, структуре рынков труда и качестве занятости, которые формируют мотивацию к выезду и притяжение стран реципиентов. В рамках евразийской миграционной системы экономические дисбалансы между странами СНГ играют роль классического push–pull механизма: дефицит рабочих мест и низкий уровень заработной платы в странах донорах сочетаются с относительным избытком вакансий в секторах, ориентированных на мигрантский труд, в странах реципиентах (Kaushik, 2024)

В интеграционных фазах экономический блок способствует росту объемов и относительной стабильности миграционных потоков, поскольку интеграционные соглашения снижают транзакционные издержки и повышают предсказуемость условий занятости и пребывания мигрантов. В фазах турбулентности экономические факторы сохраняют свое значение, но их действие модифицируется санкциями, кризисами и пандемическими ограничениями, что может приводить как к временной «заморозке» миграционных планов, так и к усилению отложенного миграционного давления (Choudinovskikh & Denisenko, 2013).

Таким образом, экономический блок выступает одновременно источником устойчивого миграционного давления и каналом адаптации к кризисам, однако степень его влияния на миграционные потоки существенно зависит от того, в какой мере геополитический и институционально-правовой блоки позволяют реализовать экономические мотивации мигрантов (Тарасьев и др., 2016).

Институционально правовой блок включает в себя нормативно правовые акты СНГ и ЕАЭС, двусторонние соглашения, национальное миграционное законодательство и практики его применения, которые определяют режимы въезда, пребывания и трудоустройства граждан стран региона. В 2000–2025 гг. происходит существенная эволюция этого блока: от относительно фрагментарного регулирования в начале периода к более сложной и

дифференцированной архитектуре, включающей наднациональные элементы, механизмы координации и контроля¹.

Институционализация интеграции в форме Таможенного союза и ЕАЭС создает дополнительные стимулы для легальной миграции в пределах объединения, расширяя пространство свободного перемещения рабочей силы и снижая барьеры для мобильности граждан стран-участниц. В то же время в условиях нарастающей геополитической турбулентности усиливаются контрольные и ограничительные элементы миграционной политики: ужесточаются отдельные режимы, вводятся новые требования и механизмы мониторинга, что способно как повышать защищенность мигрантов, так и осложнять доступ к легальным каналам миграции

В логике рассматриваемого периода институционально-правовой блок постепенно превращается из «фона» миграционных процессов в один из ключевых инструментов их регулирования. Через него государства региона одновременно реагируют на демографические и экономические вызовы, управляют социальными рисками и адаптируются к внешнеполитической конъюнктуре.

Геополитический блок в рассматриваемый период и особенно на его финальных этапах становится ключевым источником турбулентности для евразийской миграционной системы. Конфликты, санкционные режимы, изменение внешнеполитических приоритетов и конкуренция внешних центров силы приводят к тому, что миграция превращается не только в демографический и экономический ресурс, но и в чувствительный геополитический индикатор, влияющий на восприятие региональной стабильности.

В фазах геополитической напряженности и открытых конфликтов традиционные миграционные маршруты частично блокируются или становятся менее предсказуемыми, усиливается роль третьих стран как альтернативных направлений для мигрантов, а также возрастает значение внутрисистемных перемещений в пределах СНГ. Пандемия COVID 19, будучи глобальным, а не только региональным фактором, усиливает влияние геополитического блока за счет временного закрытия границ и необходимости координации санитарных и миграционных режимов².

¹ Гулина, О. Р. (2021). Миграция как (гео)политический вызов на постсоветском пространстве. <https://infosphereinvaders.wilsoncenter.org/book/migration-geo-political-challenge-post-soviet-space>

² Измерение масштабов миграции в условиях пандемии: результаты опроса ЕЭК ООН в странах Восточной Европы, Кавказа и Центральной Азии [Measuring migration in times of pandemic: Results of a UNECE survey in Eastern Europe, Caucasus and Central Asia]. (2021, 26–28 октября). Онлайн-встречи ЕЭК ООН по вопросам статистики миграции. <https://unece.org/info/Statistics/events/358455>

В результате к концу рассматриваемого периода геополитический блок начинает перекрывать действие экономических и демографических стимулов, задавая рамки возможного и допустимого для миграции и превращая ее в индикатор устойчивости и направления развития постсоветского пространства. Это усиливает значимость согласованной внешней и миграционной политики, а также механизмов стресс-тестирования региональной миграционной системы на предмет ее устойчивости к внешним шокам

Анализ международной миграции в странах постсоветского пространства в 2000–2025 гг. на основе данных Межгосударственного статистического комитета СНГ и авторской периодизации показал, что эволюция евразийской миграционной системы представляет собой последовательность фаз, в которых меняется баланс интеграционных и турбулентных процессов. В интеграционно ориентированных этапах миграционные потоки выполняют функцию демографической и экономической компенсации, способствуя сглаживанию дисбалансов и укреплению взаимозависимости стран региона, тогда как в фазах турбулентности усиливаются геополитические риски, возрастает неопределенность и сокращается потенциал миграции как ресурса устойчивого развития. Такое чередование фаз задает для государств региона принципиально различный контекст формирования и реализации миграционной политики.

Реконструкция факторной архитектуры миграционных потоков позволила показать, что демографический, экономический, институционально правовой и геополитический блоки не действуют изолированно, а образуют динамичную иерархию, в которой роль каждого из них меняется от этапа к этапу. В условиях демографического старения и депопуляции миграция выступает важным инструментом поддержания численности и структуры трудоспособного населения, однако ее эффективность определяется не только экономическими стимулами, но и качеством институциональной среды и устойчивостью геополитического контекста. Именно сочетание этих блоков задает рамки того, в какой мере миграция способна выполнять компенсаторные и развивающие функции в долгосрочной перспективе

Практическая значимость проведенного анализа состоит в том, что он позволяет более четко обозначить условия, при которых миграция может использоваться как инструмент демографической и экономической стабилизации, и те риски, которые возникают в условиях нарастающей геополитической турбулентности. Для стран СНГ и интеграционных объединений критически важно развивать согласованные подходы к миграционной и демографической политике, усиливать координацию статистического и аналитического обеспечения на базе CISSTAT, а также выстраивать механизмы мо-

ниторинга и прогнозирования миграционных процессов, учитывающие многослойную факторную архитектуру. Особое значение приобретает интеграция демографических, экономических и политико-правовых индикаторов в единую систему аналитической поддержки принятия решений.

Перспективы дальнейших исследований связаны с более детальным сравнительным анализом стран-доноров и стран-реципиентов, оценкой влияния миграции на региональные рынки труда и социальную структуру, а также изучением новых маршрутов и форм мобильности, обусловленных цифровизацией, транснациональными сетями и продолжающимися геополитическими изменениями. Дополнительным направлением может стать анализ микроуровневых стратегий мигрантов и домохозяйств в увязке с макроуровневыми структурными факторами, что позволит глубже понять взаимосвязь между индивидуальными траекториями мобильности и архитектурой региональной миграционной системы.

Литература

Apanovich, M. (2020). Current migration trends in Russia: The role of the CIS region twenty years after the collapse of the Soviet Union. *Transnational Migration and Border-Making* (pp. 145–163). Edinburgh University Press. <https://doi.org/10.3366/edinburgh/9781474453486.003.0007>

Choudinovskikh, O., & Denisenko, M. (2014). Migration between CIS countries. XIV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4-х книгах. Книга 2 М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2014. С. 151–162.

Gulina, O. R. (2021). Migration as a (geo-) political challenge in the Post-Soviet space: Border regimes, policy choices, visa agendas. *ibidem Press*.

Kaushik, H. (2024). An analysis of the implications of Post-Soviet migration from CIS. *Journal of Research Administration*, 6(2), 155–176. <https://journalra.org/index.php/jra/article/view/1986>

Баранов, А. В. (2022). Миграционные процессы на постсоветском пространстве: демографические вызовы и политические ответы. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*, 22(4), 587–605.

Бычкова, А. А. (2025). Классификация социально-экономических факторов пространственной неоднородности, влияющих на миграционные потоки. *Векторы благополучия: экономика и социум*, 53(2), 13–25. <https://doi.org/10.18799/26584956/2025/2/1965>

Вишневский, А. Г. (2015). Демографическая модернизация России 1900–2000. Новое издательство.

Волкова, О. А., Юдина, Т. Н., & Леденева, В. Ю. (2025). Показатели демографической безопасности Евразийского экономического союза. *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*, 18(8), 1622–1632.

Ганебных, Е. В., & Моттаева, А. Б. (2023). Миграционный фактор в проектировании развития территории. Экономика, предпринимательство и право, 13(5), 1423–1434.

Глушкова, И. И. (2023). Евразийская миграционная система в условиях геополитической турбулентности. Россия и современный мир, 1(118), 45–63.

Денисенко, М. Б. (2023). Демографические изменения в странах СНГ и национальные трансферты. Доклад Межгосударственного статистического комитета СНГ.

Иванов, М. С. (2025). Эволюция миграционной политики стран Евразийского экономического союза. ДЕМИС. Демографические исследования, 5(2), 157–173. <https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.10>

Ивахнюк, И. В. (2008). Евразийская миграционная система: теория и политика. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения, (2), 21–28.

Ивахнюк, И. В. (2008б). Факторы формирования миграционной системы в постсоветской Евразии. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика, (3), 5–13.

Леденева, В. Ю. (2024). Управление миграционными процессами в странах Евразийского экономического союза: сравнительный анализ. ДЕМИС. Демографические исследования, 4(3), 154–166.

Рыбаковский, О. Л., & Таюнова, О. А. (2014). О некоторых аспектах демографического анализа. Народонаселение, (1), 44–53.

Рязанцев, С. В., & Хорхордин, А. П. (2020). Евразийская миграционная система в условиях мировых кризисов. Социологические исследования, (9), 34–45.

Тарасьев, А., Цао, Г., & Ровенская, Е. (2016). Миграционные потоки и эффекты в странах СНГ: динамическое моделирование. Современная экономика, 7, 799–814. <https://doi.org/10.4236/me.2016.77082>

Топилин, А. В. (2019). Демографическая безопасность России и стран СНГ: фактор миграции. Наука.

Уханова, А. В., Смиренникова, Е. В., & Воронина, Л. В. (2021). Классификация факторов миграции населения Российской Арктики. Фундаментальные исследования, (4), 123–129. <https://doi.org/10.17513/fr.43011>

Чудиновских, О. С. (2014). Статистика международной миграции в России и странах СНГ: проблемы сопоставимости. Вопросы статистики, (6), 3–15.

Юдина, Т. Н. (2025). Мониторинг динамики миграционных процессов стран постсоветского пространства в условиях интеграционных процессов и геополитической турбулентности. Т. К. Ростовская (Ред.), VI Всероссийский демографический форум с международным участием: Сб. материалов (pp. 182–186). ФНИСЦ РАН.

Зайончковская, Ж. А., & Тюрюканова, Е. В. (2019). Трудовая миграция в странах СНГ: новые тенденции и регулятивные режимы. Демографическое обозрение, 6(1), 6–33.

References

- Apanovich, M. (2020). Current migration trends in Russia: The role of the CIS region twenty years after the collapse of the Soviet Union. In *Transnational migration and border-making* (pp. 145–163). Edinburgh University Press. <https://doi.org/10.3366/edinburgh/9781474453486.003.0007>
- Baranov, A. V. (2022). Migration processes in the Post-Soviet space: Demographic challenges and political responses. *RUDN Journal of Sociology*, 22(4), 587–605. (In Russ).
- Bychkova, A. A. (2025). Classification of socio-economic factors of spatial heterogeneity affecting migration flows. *Vectors of Well-Being: Economics and Sociology, 53*(2), 13–25. <https://doi.org/10.18799/26584956/2025/2/1965> (In Russ).
- Choudinovskikh, O., & Denisenko, M. (2014). Migration between CIS countries. In *XIV April International Academic Conference on Economic and Social Development: In 4 books* (Book 2, pp. 151–162). HSE Publishing House. (In Russ).
- Chudinovskikh, O. S. (2014). International migration statistics in Russia and CIS countries: Problems of comparability. *Statistical Issues*, (6), 3–15. (In Russ).
- Denisenko, M. B. (2023). *Demograficheskie izmeneniya v stranakh SNG i natsional'nye transferty* [Demographic changes in CIS countries and national transfers]. Mezhdgosudarstvennyy statisticheskiy komitet SNG. (In Russ).
- Ganebnykh, E. V., & Mottaeva, A. B. (2023). Migration factor in territory development planning. *Economics, Entrepreneurship and Law*, 13(5), 1423–1434.
- Glushkova, I. I. (2023). Eurasian migration system in the context of geopolitical turbulence. *Russia and the Contemporary World*, 1(118), 45–63. (In Russ).
- Gulina, O. R. (2021). *Migration as a (geo-)political challenge in the Post-Soviet space: Border regimes, policy choices, visa agendas*. ibidem Press.
- Ivanov, M. S. (2025). Evolution of migration policy in the Eurasian Economic Union countries. *DEMIS. Demographic Studies*, 5(2), 157–173. <https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.10> (In Russ).
- Ivakhnyuk, I. V. (2008). Eurasian migration system: Theory and politics. *RUDN Journal of International Relations*, (2), 21–28. (In Russ).
- Ivakhnyuk, I. V. (2008b). Factors of formation of the migration system in Post-Soviet Eurasia. *RUDN Journal of Economics*, (3), 5–13. (In Russ).
- Kaushik, H. (2024). An analysis of the implications of Post-Soviet migration from CIS. *Journal of Research Administration*, 6(2), 155–176. <https://journlra.org/index.php/jra/article/view/1986>
- Ledeneva, V. Yu. (2024). Management of migration processes in the Eurasian Economic Union countries: Comparative analysis. *DEMIS. Demographic Studies*, 4(3), 154–166. (In Russ).
- Rybakovskiy, O. L., & Tayunova, O. A. (2014). On some aspects of demographic analysis. *Population*, (1), 44–53. (In Russ).
- Ryazantsev, S. V., & Khorkhordin, A. P. (2020). Eurasian migration system in the context of global crises. *Sociological Studies*, (9), 34–45. (In Russ).

Tarashev, A., Cao, G., & Rovenskaya, E. (2016). Migration flows and effects in CIS countries: Dynamic modeling. *Modern Economy*, 7, 799–814. <https://doi.org/10.4236/me.2016.77082> (In Russ).

Topilin, A. V. (2019). *Demograficheskaya bezopasnost' Rossii i stran SNG: faktor migratsii* [Demographic security of Russia and CIS countries: The migration factor]. Nauka. (In Russ).

Ukhanova, A. V., Smirennikova, E. V., & Voronina, L. V. (2021). Classification of migration factors of the population of the Russian Arctic. *Fundamental Research*, (4), 123–129. <https://doi.org/10.17513/fr.43011> (In Russ).

Vishnevskiy, A. G. (2015). *Demograficheskaya modernizatsiya Rossii 1900–2000* [Demographic modernization of Russia 1900–2000]. Novoe izdatel'stvo. (In Russ).

Volkova, O. A., Yudina, T. N., & Ledeneva, V. Yu. (2025). Indicators of demographic security of the Eurasian Economic Union. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 18(8), 1622–1632. (In Russ).

Yudina, T. N. (2025). Monitoring of migration dynamics in Post-Soviet states under integration processes and geopolitical turbulence. In T. K. Rostovskaya (Ed.), *VI Vserossiyskiy demograficheskiy forum s mezhdunarodnym uchastiem: Sb. materialov* [6th All-Russian Demographic Forum with International Participation: Collection of materials] (pp. 182–186). FNISTS RAN. (In Russ).

Zayonchkovskaya, Zh. A., & Tyuryukanova, E. V. (2019). Labor migration in CIS countries: New trends and regulatory regimes. *Demographic Review*, 6(1), 6–33. (In Russ).

Для цитирования: Юдина, Т. Н. Факторная архитектура миграционных потоков в странах постсоветского пространства: от интеграции к турбулентности (2000–2025) / Т. Н. Юдина // PolitBook. – 2026. – № 2. – С. 22–44. – DOI 10.24412/2227-1538-2026-2-22-44.

**А.А. Голосеева,
А.А. Хохлов**

**A. Goloseyeva,
A. Khokhlov**

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЕВРАЗИЙСТВА: ОТ ИСТОРИИ К СОВРЕМЕННОСТИ

THE POLITICAL CONCEPT OF EURASIANISM: FROM HISTORY TO THE PRESENT

Аннотация

В статье анализируются специфические черты евразийского учения на всех этапах его эволюции. Предпринята попытка показать инвариантные характеристики евразийских концепций, с одной стороны, и отличия в научных подходах основателей учения, с другой. В целях большей наглядности учение евразийцев условно разделено на два периода: классическое евразийство и неоевразийские концепции. Отмечены принципиальные различия в понимании евразийских перспектив России в работах основателей учения и у современных авторов. Авторы подчеркивают принципиально разные подходы в отношении к евразийской идее у политиков Российской Федерации и в странах СНГ. Актуальные межгосударственные проекты в рамках Большой Евразии практически не имеют ничего общего с политическими взглядами российских евразийцев всех периодов. Особый акцент в статье сделан на анализе сходства некоторых фундаментальных идей ранних евразийцев с идеологическими концептами большевиков. Вместе с тем, выявлены и причины политической неудачи лидеров классического евразийства, которые видели в СССР воплощение собственных идей. Проанализированы концепции авторов, которые не являются продолжателями учения, но которые повлияли на становление неоевразийских концепций: Л.Н. Гумилева и В.Л. Цымбурского. Будучи эклектичным и амбивалентным социально-философским и политическим учением, неоевразийство показано в контексте актуальных политических конфликтов. В статье анализируются концепты неоевразийства как радикаль-

Abstract

This article analyzes the specific features of Eurasianism throughout its evolution. An attempt is made to demonstrate the invariant characteristics of Eurasian concepts, on the one hand, and the differences in the scholarly approaches of the founders of the doctrine, on the other. For clarity, the Eurasianist doctrine is conventionally divided into two periods: classical Eurasianism and neo-Eurasian concepts. Fundamental differences in the understanding of Russia's Eurasian prospects in the works of the founders of the doctrine and those of contemporary authors are noted. The authors emphasize the fundamentally different approaches to the Eurasian idea among politicians in the Russian Federation and in the CIS countries. Current interstate projects within Greater Eurasia have virtually nothing in common with the political views of Russian Eurasianists of all periods. The article places particular emphasis on analyzing the similarities between some of the fundamental ideas of the early Eurasianists and the ideological concepts of the Bolsheviks. At the same time, it also identifies the reasons for the political failure of the leaders of classical Eurasianism, who saw the USSR as the embodiment of their own ideas. The concepts of authors who are not successors of this teaching, but who influenced the development of neo-Eurasian concepts, are analyzed: L. Gumilev and V. Tsymbursky. As an eclectic and ambivalent socio-philosophical and political doctrine, neo-Eurasianism is presented in the context of current political conflicts. The article analyzes the concepts of neo-

ной, антилиберальной утопии. Сделан вывод о том, что российская политическая элита относится к евразийским идеям прагматично: заимствуются отдельные понятия (многополярность, англо-саксы, поворот на Восток), но не оригинальные положения учения.

Eurasianism as a radical, anti-liberal utopia. It concludes that the Russian political elite has a pragmatic approach to Eurasian ideas: they borrow individual concepts (multipolarity, Anglo-Saxons, the turn to the East), but not the original tenets of the doctrine.

Ключевые слова:

евразийство, неоевразийство, евразийская интеграция, П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой, А.Г. Дугин.

Key words:

Eurasianism, neo-Eurasianism, Eurasian integration, P. Savitsky, N. Trubetskoy, A. Dugin.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2026-2-45-59>

Евразийская интеграция на постсоветском пространстве заявлена руководством России в качестве одного из приоритетов стратегического развития государства. «Приоритет – укрепление позиции России в мире. И прежде всего через новую интеграцию на евразийском пространстве. Привлекательность идеи новой евразийской интеграции неуклонно растёт»¹.

Реализация данной стратегии представлена в виде ряда международных проектов, таких как СНГ, ОДКБ, ЕАЭС и т.п. Российская модель Евразийской интеграции предполагает вовлеченность в общий континентальный проект не только республик бывшего СССР, но и сближение с другими крупными международными проектами – БРИКС, ШОС и др. Россия при этом пытается утвердить свое лидерство в большинстве интеграционных начинаний на всем Евразийском пространстве.

Сама идея интеграции бывших советских республик была впервые публично сформулирована президентом Республики Казахстан Нурсултаном Назарбаевым в 1994 году². В его представлении Евразийский Союз должен был служить исключительно прагматическим целям: укреплению торговых связей, доступу к российским рынкам и обеспечение беспешинного транзита товаров через Казахстан. Однако уже тогда обнаружались расхождения в подходах к «философии» интеграции постсоветских регионов у российского руководства и лидеров новообразованных государств.

¹ Путин: Евразийская интеграция – главный приоритет. (2012). Выступление в Государственной Думе 11 апреля 2012. <https://er.ru/activity/news/putin-evrazijskaya-integraciya-vazhnejshij-prioritet>

² 25 лет идеи евразийской интеграции Н.А. Назарбаева. (2019). Нур-Султан: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан. 296.

Несмотря на общую терминологию, Россия и республики СНГ преследуют совершенно разные цели в контексте Евразийского проекта. Если для российских элит интеграция Евразии остается одним из способов гарантировать свое влияние на политические процессы в регионах бывшего СССР, то лидеры новых государств стремятся упрочить свой государственный суверенитет и снизить зависимость своих экономик от Москвы. Между тем, в Москве считают, что Россия – это «государство-мир», центр силы, который должен объединить вокруг себя бывшие республики СССР для геополитического противостояния Западу.

Нынешняя внешняя политика Москвы носит антилиберальный и антизападнический характер. В действиях коллективного Запада видят стремление нанести максимальный ущерб национальным интересам России. Евразийские проекты в данной логике мыслятся как цивилизационная альтернатива англо-саксонской идеологической экспансии. Не удивительно, что в странах Западной демократии российская модель консолидации Большой Евразии воспринимается как форма экспансионистской политики нынешнего руководства России (Базавлук, 2021).

Лидеры стран СНГ, преимущественно из региона Центральной Азии предлагают другие подходы к Евразийской интеграции. Они исходят из принципа политической многовекторности. Для Казахстана, Узбекистана или Киргизии Большая Евразия – это не стена между ними и Западом, а один из инструментов обеспечения баланса сил и влияния. Они стремятся одновременно дружить с Россией, торговать с Китаем и привлекать инвестиции из США и ЕС.

Чтобы лучше понять специфику российской позиции в отношении своего лидерства на евразийском пространстве, следует обратиться к истокам евразийской концепции.

Основателями учения принято считать русских ученых-эмигрантов – экономиста, географа и этнографа Петра Савицкого и лингвиста и историка Николая Трубецкого. В разное время к этой группе примыкали такие мыслители, как: Борис Ширяев, Георгий Вернадский, Лев Карсавин и ряд других выдающихся русских философов (Люкс, 2018; Антропов, 2012).

В строго научном смысле учение евразийцев не было цельной и систематизированной теорией. Скорее, это некая концептуальная рамка, объединяющая идейно разных авторов, занятых поиском национальной идеи вне контекста европейской цивилизации.

Цель статьи – охарактеризовать эволюцию учения, выделить те его элементы, которые оказали влияние на современный официальный политический нарратив, и определить место евразийских идей в процессе

конструирования государственной стратегии развития Российской Федерации. Используются историко-социологический метод, методы системного и сравнительного анализа.

Классическая концепция евразийства

Возникнув как уникальное явление русской социально-философской и политической мысли в эмиграции, евразийство эволюционировало с течением времени. Поэтому, с точки зрения теоретического анализа, целесообразно разделить это интеллектуальное учение на два больших периода: классический и современный.

Общее у его представителей разных эпох – это попытка предложить целостную мировоззренческую альтернативу западнцентричной модели в науке и в геополитике. Представления о России как ядре особой Евразийской цивилизации, вобравшей в себя черты Европейской и Азиатской социокультурных общностей, является основной мыслью «старых» и «новых» сторонников этого учения.

П. Савицкого можно определить как сторонника экономико-географического детерминизма: он считал, что география и климат делают отечественную продукцию неконкурентоспособной на мировых рынках. Поэтому необходимо сосредоточить усилия на развитии отдельной экономики, независимой от влияния международной торговли. Торговля «леса» со «степью» – вот основа суверенной евразийской экономической политики. Все природные богатства России находятся в материковой зоне, в отличие от «океанических» стран (Британия, США). Это и есть особое «месторазвитие» нашей страны. При этом, миссия России, по мнению Савицкого, собирать земли и народы вокруг себя, являясь неким особым народом, вне известных этнических классификаций: «Надо осознать факт: мы не славяне и не туранцы (хотя в ряду наших биологических предков есть и те, и другие), а – русские» (Евразийство..., 1992, с. 374).

Для всех ранних евразийцев было характерно преувеличивать значение ордынского владычества на Руси. Неслучайно, идеи П. Савицкого в 90-е годы были созвучны тогда еще весьма маргинальному философскому кругу А. Дугина. Именно Дугин выступил публикатором наследия Савицкого: он составитель и автор послесловия «Евразийский триумф» к одной из первых опубликованных в России работ Савицкого «Континент Евразия» (Савицкий, 1997, с. 433–453).

В отношении же к западной цивилизации позиции евразийцев довольно существенно различались. Например, тот же П. Савицкий не отвергал западный мир, настаивая лишь на самобытности русской культуры: «ощуще-

ние самостоятельности неравнозначно ни “желанию порвать связи”, ни тем более “ненависти”» (Савицкий, 1997, с. 173).

Его коллега Николай Трубецкой был более категоричен в своем неприятии западных влияний на русскую культуру. По его мнению, подражание Западу формировало у русских чувство второсортности, так как народы, которые берут за образец чужую культуру, будут всегда плестись в хвосте без шанса угнаться за оригиналом (Трубецкой, 2019). Он представлял Запад как экзистенциального врага: «Затаенной мечтой всякого европейца, – является полное обезличение всех народов земного шара, разрушение всех своеобразных и обособленных национальных обликов и культур, кроме одной, европейской» (Трубецкой, 1995, с. 257).

Если П. Савицкий развивал идеи геополитического противоборства разных цивилизаций, то Н. Трубецкой стремился обосновать тезис родства культур в рамках одной цивилизации с помощью концепции языковых союзов. Языковой союз – группа языков, которые не являются родственниками, но приобрели общие черты из-за географической близости и культурных контактов. Таким лингвистическим выводом Н. Трубецкой обосновывал неизбежность появления на просторах Евразии единого имперского пространства. Если география создает «языковой союз», значит, объединение народов России в одно государство – это не «захват», а естественный процесс. Народы Евразии уже связаны на уровне «менталитета», поэтому они должны стать фундаментом для новой политической системы (Трубецкой, 2019).

Несмотря на некоторые отличия во взглядах, обоих авторов объединяет неприятие славянофильства и симпатии к идеократическим политическим системам. Они были уверены, что государство должно управляться не интересами капитала или формальной демократией, а единой, организующей идеей. Их коллега, религиозный философ Лев Карсавин, выдвигал концепцию «симфонической личности», согласно которой народ или социальная группа являются целостным организмом, обладающим волей и сознанием, превосходящим сумму отдельных индивидов (Карсавин, 1992).

Евразийство и большевизм: идеологические основания для политического сближения

Неприятие Запада для евразийцев стало, своего рода, идеологическим мостом к сближению с Советской властью.

Поворот на Восток в концепции евразийцев не противоречил советской концепции «дружбы народов». Н. Трубецкой считал, что в будущей России сформируется «многонародная нация» (полное сходство с советской доктриной о «новой исторической общности»).

Симпатии к авторитарным режимам и идеократической «симфонии» как оптимальной модели цивилизационного развития России побуждали авторов евразийского учения пристальнее вглядываться в социальный эксперимент, осуществляемый большевистским правительством.

Идея уникальности коммунистического проекта, провозглашаемая первым Советским правительством, созвучна утверждению Георгия Вернадского о том, что нет отдельно Азиатской и Европейской России, есть только одна – Евразийская – Россия (Вернадский, 2023).

Вероятно, евразийцев очаровывала сила и уверенность, с какой действовали большевики в окружающем мире. Сохранение единого политического пространства в границах Российской Империи стало навязчивой идеей, ради которой они были готовы на сближение с кем угодно. Кроме того, русским теоретикам нравилась политическая структура нового Советского государства, в которой они увидели идеальные формы народного представительства: «Мы подчеркиваем связь советской системы с бытовым демократизмом, снимающим психологический антагонизм между барин-интеллигентом и мужиком» (Савицкий, 1997, с. 63).

Наконец, сама мысль приверженцев евразийского учения о возможности искусственного отбора правящей элиты поразительно напоминает проект большевиков по созданию «нового, советского человека».

Евразийцы могли публично критиковать коммунистическую идеологию, но, в то же время, они стремились разглядеть в политике большевиков болезненный, но крайне важный метод «очищения» России от чуждого Западного влияния. Если большевики говорили о Западе, как о центре империализма, который надо разрушить с помощью революции, то евразийцы приветствовали «очищающий ураган» революции как способ остановить духовного агрессора, воплощенного в романо-германской культуре.

Идеологический утопизм евразийцев гармонировал с идейным фанатизмом большевиков: те и другие были уверены в том, что государство служит высшей цели, а социальный порядок, трудовая дисциплина и активное вмешательство централизованной власти в экономику, культуру и частную сферу – необходимые политические задачи (Трубецкой, 1995).

Тем не менее, различия между этими двумя учениями оказались весьма существенными: коммунизм был атеистической идеологией, а Россия мыслилась большевиками плацдармом для продолжения классовой борьбы на мировой политической сцене. Евразийцы же, напротив, выступали за религиозное «оправдание» культуры и оставались «великодержавниками». Именно по этим принципиальным вопросам полного идеологического слияния евразийцев с большевиками не случилось.

В какой-то момент произошел раскол и в евразийском лагере: образовались условные «левые», издававшие газету «Евразия» (Петр Сувчинский и Сергей Эфрон), и «правые» (Николай Трубецкой, Николай Алексеев и Петр Савицкий). Левые заявляли, что СССР – это и есть Евразийская держава в полном смысле; а советская идеология – только временная «оболочка» подлинного перерождения коммунизма в евразийскую доктрину.

Закат евразийства классического периода происходил на фоне обрушившейся на них критики. Практически все видные интеллектуалы русского зарубежья, такие как Н. Бердяев, С. Булгаков, И. Ильин, С. Франк, А. Кизеветтер, П. Милюков, П. Струве и др., крайне негативно отзывались о евразийском учении. Предметом критики были следующие положения «доктрины» евразийства: цивилизационная близость русских и кочевников, обусловленная географией; политизация православия; этатизм; идеализация советского строя и отказ от «сопротивления злу».

Даже те, кто разделял некоторые идеи евразийцев, быстро разочаровались в перспективах этого движения. Например, русский филолог Петр Бицилли резко возражал не только против попыток создать «евразийскую политическую партию», но и подчеркивал эклектичность идеологии своих коллег. Он писал в 1928 году: «Здесь не место спорить о преимуществах того или иного режима; ясно, во всяком случае, что между различными формами необходимо сделать выбор: или синдикализм, или фашизм, – или свобода, или диктатура, ибо непонятно, зачем, с какой целью требуется это нагромождение внутренне противоречивых принципов» (Бицилли, 1995, с. 42).

Другой бывший участник евразийского движения, Георгий Флоровский, считал евразийское учение не поворотом на Восток, а старым западничеством наизнанку. Он критиковал ключевое понятие концепции П. Савицкого – «месторазвитие» – за географический детерминизм. Для Г. Флоровского нет ничего биологического и природного в культуре; она, по мнению ученого, акт духовного выбора, а не результат обитания в лесах или в степи и тундре. Кроме того, Г. Флоровский упрекал евразийцев в том, что они оправдывают атеистический характер большевизма, видя в этом оправдании признаки тоталитарной идеологии: «Допустим, выветривается коммунистическая идеология, ничтожная по предельному суду, но разве не оставляет она в душах больного и ядовитого наследия и последствий? И разве выздоровела одержимая ею душа? И исцелят ли ее «идеи»? В сущности, евразийцы стремятся перевести опустошенных людей из одной одержимости в другую, в «подданство» другой, новой, евразийской идее» (Флоровский, 1998, с. 314).

Вспыхнув яркой звездой на общественно-политическом небосклоне Европы 20-х годов прошлого столетия, это учение быстро пришло к упадку и к началу Второй мировой войны было практически забыто.

Евразийские идеи в советской и постсоветской общественной мысли

Прямых идеологических наследников евразийцы классического периода не оставили. В некотором отношении можно считать продолжателем евразийского учения советского этнографа и историка Льва Гумилева (1912–1992). Он в некотором роде опирался на труды Н. Трубецкого, П. Савицкого и, в первую очередь, Георгия Вернадского. Он использовал в своих исследованиях евразийскую идею полицентризма (противопоставление европоцентричности западной гуманитарной мысли) и на этой основе разработал собственную теорию пассионарности. Пассионарность, согласно концепции Л. Гумилева, это особый биохимический избыток энергии, который заставляет людей (пассионариев) стремиться к великим целям, жертвуя собой ради идеи или Отечества. В представлении Л. Гумилева Европа (Запад, в целом) – это старый, умирающий суперэтнос, чьи ценности чужды и даже опасны для молодой евразийской цивилизации. Сам Л. Гумилев называл себя «последним евразийцем», но его мировоззренческие идеи и произвольное толкование начала и конца этносов отличаются от научных исканий Н. Трубецкого и П. Савицкого. Если Н. Трубецкой и П. Савицкий искали доказательства единства Евразии в языке, культуре и правовых нормах, то Л. Гумилев рассматривает общественную историю исключительно в формах этногенеза. Кроме того, будучи детерминистом, советский этнограф объяснял все социально-политические процессы «ритмами пассионарности», в то время как евразийцы предоставляли человеку право выбора: идеократии или свободы (Гумилев, 2018).

На закате СССР идеи Льва Гумилева пользовались спросом в среде интеллигенции. В определенном смысле они востребованы и сегодня: В. Путин неоднократно высказывал свой интерес к работам ученого: «Я верю в пассионарность, в теорию пассионарности. Это, собственно, как в природе, обществе, – идет развитие, пик, затухание. Россия не достигла своего пика. Мы на марше, на марше развития».

Другим ярким и самобытным представителем отечественной геополитики, который интересовался наследием евразийцев, был историк и политолог Вадим Цымбурский (1957–2009). Его концепция, которую часто называют «цивилизационным геополитическим подходом», радикально отличается как от классического евразийства, так и от теории пассионарности Л. Гуми-

лева. Его мысль состоит в том, что Россия стремится не к расширению имперского пространства, но к геополитическому уединению. «Самососредотачивается», как выражался Александр Солженицын. В отличие от евразийцев, призывавших к контролю над всем континентом, В. Цымбурский утверждал, что России нужно осваивать собственные огромные пространства (Сибирь, Дальний Восток). При этом нет необходимости сливаться с Азией. Россия представляет собой отдельную, не похожую на других, цивилизацию, которая должна сепарироваться от избыточных контактов с остальными культурами. Главной концептуальной метафорой политолога является «Остров Россия». Задача России не заниматься мессианством, а отгородиться на своем «острове» от других цивилизаций поясом промежуточных территорий, отделяющих нас от Европы, исламского мира, Китая. Эти промежуточные земли В. Цымбурский назвал Великим Лимитрофом, куда входят: Восточная Европа, Прибалтика, Закавказье и Центральная Азия. России не нужно никого поглощать; достаточно использовать энергию соседних народов для управления их конфликтами друг с другом, чтобы обеспечить себе «подушку безопасности» (Цымбурский, 2007).

Можно предполагать, что мысль Цымбурского о том, что «цивилизация – хозяин» имеет право направлять в нужном для себя русле «цивилизации – спутники» (Корея по отношению к Китаю, например) оказала влияние на формирование некоторых современных внешнеполитических концепций. С евразийцами автора сближает глубокое недоверие Западу. Стремление догонять Запад, «похищать Европу», по его мнению, стало причиной культурной усталости российской цивилизации. При этом в противовес евразийцам В. Цымбурский продвигает идею геополитического минимализма: нам требуется «отдых» от всех народов и культур в относительно безопасном уединении (Цымбурский, 2011).

Эта оригинальная рецепция классического евразийского учения трансформировалась в концепцию «здорового эгоизма» российской цивилизации, которая, якобы, хочет выжить в меняющемся мире, не становясь пешкой в чужих играх.

Неоевразийство и его практическое воплощение в политических реалиях современной России

Несмотря на общее название, классическое евразийство 20-х годов и современное неоевразийство – это разные интеллектуальные проекты, рожденные в принципиально разных исторических условиях. Участие в разработке новой «евразийской идеологии» в современной России с конца 1990-х годов принимали В.В. Кожин (1930–2001), В.В. Малявин, А.С. Панарин

(1940–2003) и др., но самым последовательным и убежденным апологетом евразийской идеи является А.Г. Дугин.

Если евразийцы Русского зарубежья пытались переосмыслить причины гибели Российской империи, то нынешние его условные последователи и эпигоны позиционируются как политические технологи и геополитики. Ранние евразийцы искали «национальную идею» в культурном симбиозе «леса» и «степи». В манифестах наших современников акцент смещен на глобальное противостояние «Суши» (теллуократии) и «Моря» (талассократии, то есть США и НАТО). Культура здесь вторична по сравнению с вопросами контроля над большими территориями с помощью военно-политического доминирования: «Культурный фактор является естественным дополнением чисто геополитической предопределенности России. Геополитическая миссия осознается на культурном уровне, и наоборот, культура осмысляет, оформляет и активизирует геополитический импульс» (Дугин, 1999, с. 198).

Много несовпадений и в отношении к государству. При всей своей «имперскости» евразийцы классического периода мечтали создать этическую альтернативу западной демократии. В концепциях неоевразийцев отчетливо просматривается восприятие государства как самоцель политического развития. Этот онтологический этатизм наиболее ярко представлен в работах А. Дугина: «Существование русского народа как органической исторической общности немыслимо без имперостроительного, континентального созидания. Русские останутся народом только в рамках Новой Империи» (Дугин, 1999, с. 213).

Опираясь на Х. Маккиндера, Дугин утверждает, что Россия занимает «осевое» пространство планеты. Без контроля над Хартлендом (высококонтинентальный регион Евразии) невозможно построить государство, способное противостоять «атлантизму», который ассоциируется с Британией и США (Дугин, 1999).

Интересам народов «Хартленда» соответствует многополярная картина мироустройства. Эта политологическая теория Дугина рассматривает многополярность как сосуществование на планете различных цивилизационных «полюсов». Эти цивилизации обладают собственной культурной и религиозной идентичностью, экономической самодостаточностью и военным суверенитетом. К ним относятся: Россия; Китай; Исламские государства; Латинская Америка и будущая Европа (после ее освобождения от диктата США). Россия в этом многополярном мире больших пространств играет ключевую роль по интеграции этих народов в Евразийский Союз (Дугин, 2024).

Новые евразийцы весь свой творческий пыл направляют на борьбу с либерализмом, считая эту идеологию тоталитарной и нигилистической. Одна

из главных претензий Дугина к либерализму заключается в том, что эта идеология разрушает все формы коллективной идентичности: религиозной, национальной, сословной, гендерной. Задача человечества – восстать против диктатуры западных элит, пытающихся контролировать мир с помощью цифровых технологий: «Самое страшное впереди. Инерция постлиберальных процессов такова, что изменение курса невозможно – «раскрепощенная техника» (О. Шпенглер) будет искать для спасения Запада все более эффективных, но чисто технических, технологических средств» (Дугин, 2009, с. 12). В определенной степени мысль Дугина имеет некоторые параллели с идеей «большой перезагрузки» Клауса Шваба: технологии способствуют не только повышению комфорта, но и угрожают свободе и жизни человечества (Кушнир, Кушнир, 2023).

21 апреля 2001 года в Москве состоялся учредительный съезд Общероссийского политического общественного движения «Евразия». Мечты Савицкого о евразийской партии на родине начали сбываться. Однако с самого начала в этой среде вспыхнули противоречия и конфликты. Авторы, которые идентифицируются, как новые евразийцы (А.Г. Дугин, В.В. Кожин, В.В. Малявин, Г.Д. Чесноков, А.С. Панарин, В.Я. Пащенко и др.) не смогли договориться о целостной и непротиворечивой политической программе действий. Очень быстро движение перестало интересовать общественность России и не получило государственной поддержки.

Развивая мысль об интеграции евразийского «большого пространства», Дугин выделяет несколько этапов формирования неоевразийства как научно-политической теории:

В 1985–1990 гг. формируется правоконсервативный, традиционалистский дискурс; затем, в 1991–1993 гг. происходит сближение идеологов неоевразийства и оппозиционных политиков, что повлияло на программные изменения политики КПРФ.

В последующие годы 1994–1998, складывается неоевразийская ортодоксия, и эти идеи берет на вооружение ЛДПР.

Наконец, в период 1998–2001 гг. неоевразийцы формулируют политическую позицию и поддерживают политический курс президента Путина (Основы, 2002, с. 40–49).

В настоящее время нет оснований утверждать, что актуальная внешняя доктрина Российской Федерации наследует идеям авторов евразийского учения. Безусловно, темы Евразийской интеграции остаются в политической повестке правящего слоя в качестве приоритетных целей. Однако эти цели реализуются в совершенно других политических условиях и требуют качественно новых теоретических подходов к их анализу. Вместе с тем некор-

ректно совсем игнорировать интеллектуальное наследие евразийцев и отрицать их опосредованное влияние на современные политические процессы.

Несомненно, нынешний внешнеполитический курс Москвы на идеологическую конфронтацию с коллективным Западом вообрал в себя ряд основополагающих идей евразийцев классического периода. Прежде всего, это представление о России как об особой цивилизации, геополитическом центре Евразийского континента. Как сформулировал эту мысль президент России: «Россия – это не просто страна, это действительно отдельная цивилизация: это многонациональная страна с большим количеством традиций, культур, вероисповеданий»¹. Данное концептуальное обоснование государственного суверенитета восходит к учению ранних евразийцев.

Восприятие Запада как источника враждебных отечественной культуре и традиционным ценностям идей, также повторяет евразийские тезисы о пагубности сближения с «чуждой» цивилизацией.

Убежденность П. Савицкого и Н. Трубецкого в том, что Евразия, во многом, совпадает с границами Российской Империи, перекликается со словами Владимира Путина о возвращении исконно российских земель. «Казалось бы, [Петр I] воевал со Швецией, что-то отторгал... Ничего он не отторгал, он возвращал... На нашу долю тоже выпало возвращать и укреплять»².

С известной долей условности можно говорить о прагматическом использовании отдельных положений евразийского учения Владимиром Путиным для обоснования своей концепции государственного суверенитета России, и ее права влиять на политику республик постсоветского пространства. Если искать в выступлениях российского президента евразийские тезисы, то в них нет присущего «ранним» и «поздним» евразийцам революционного пафоса; «евразийство» Путина – «охранительное» и консервативное, оно ставит цель – гарантировать сохранение политической системы в условиях внешнеполитической неопределенности.

Провозглашенный нынешним политическим руководством России курс на Восток, и интенсификация всесторонних отношений с Китаем и растущими Азиатскими государствами, обусловлен не только глубоким кризисом в отношениях с Западом, но и представлениями об общности национальных интересов в рамках Большой Евразии.

Можно предположить, что представления «старых» и новых евразийцев о «большом пространстве» и «многополярном мире» воплотились в уже

¹ Путин В. В. (2020). Из интервью программе «Москва. Кремль. Путин» телеканала «Россия 1» <https://tass.ru/info/15972421>

² Путин: Петр I возвращал и укреплял территории, эта участь выпала и на нашу долю. (2022). Коммерсант. <https://www.kommersant.ru/doc/5396004>

рассмотренных в начале статьи, крупных межгосударственных интеграционных проектах.

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что российская власть весьма селективно использует в своей риторике евразийские идеи. В то время как Дугин проповедует мистический традиционализм и жесткую антизападную эсхатологию, в публичных выступлениях и публикациях высших государственных чиновников обнаруживается только схожая терминология, с помощью которой происходит легитимация принимаемых решений.

Таким образом, можно говорить о том, что интеллектуальный вклад евразийцев и радикальные идеи современных «наследников» их учения в актуальную политику России крайне незначителен. Идеи ранних евразийцев оказались слишком абстрактными, а новые евразийцы предлагают очередной мобилизационный проект, в котором перемешаны политологические и эзотерические теории, которые невозможно воплотить в реальную политическую практику. Чего стоит, например, ожесточение неоевразийца Александра Дугина против персонажа детского мультфильма – Чебурашки, в котором геополитик разглядел опасного демона.

Как справедливо заметил И.И. Орлик, «Разнообразные взгляды большинства неоевразийцев носят в основном умозрительный, общефилософский характер. Они никак не связаны с осмыслением современной социально-экономической и политической ситуации на постсоветском пространстве. Не учитываются и весьма определенные действия внешних факторов (прежде всего политики США и Евросоюза) в отдельных государствах СНГ. Именно поэтому неоевразийские проекты являются в своем большинстве утопическими» (Орлик, 2010, с. 19).

В публичном информационном пространстве можно увидеть не столько воплощение его радикальных концепций, сколько заимствование некоторыми отечественными политиками его терминологии: «многополярный мир», «англосаксы», «традиционные ценности» и «закат Европы», которые были центральными в работах Дугина еще в 90-х. Поскольку стратегия российского руководства не содержит геополитические фантазии интеллектуальных экстремистов, то можно сделать вывод о том, что влияние неоевразийцев на властную элиту государства больше похоже на медийный феномен, чем на политическую реальность.

Литература

- Антропов, О. К. (2012). Евразийство: феномен и историческая судьба. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, (2), 200–208.
- Базавлук, С. В. (2021). Внешний анализ и критика евразийской интеграции. *Постсоветские исследования*, 4(7), 542–555.
- Бицилли, П. М. (1995). Два лика евразийства. В *Мир России – Евразия: Антология* (сс. 335–349). Высшая школа.
- Вернадский, Г. В. (2023). *Начертания русской истории*. Центрполиграф.
- Гумилев, Л. Н. (2012). *Всем нам завещана Россия* (Е. М. Гончарова, ред.). Айрис-пресс.
- Гумилев, Л. Н. (2018). *Этногенез и биосфера Земли*. Азбука.
- Дугин, А. Г. (1999). *Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством*. АРКТОГЕЯ.
- Дугин, А. Г. (2009). *Четвертая политическая теория. Россия и политические идеи XXI века*. Амфора.
- Дугин, А. Г. (2024). *Теория многополярного мира. Плюриверсум*. Академический проект.
- Евразийство. Опыт систематического изложения*. (1992). В *Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России* (сс. 427). Русская книга.
- Карсавин, Л. П. (1992). *Религиозно-философские сочинения* (Т. 1). Ренессанс. (Обратите внимание: в АРА 7 том многотомного издания указывается в круглых скобках после названия без курсива).
- Кушнир, А. М., & Кушнир, А. А. (2023). Критический анализ концепции четвертой промышленной революции Клауса Шваба. *Социально-политические науки*, 13(4), 105–124.
- Люкс, Л. (2018). Евразийство. *Евразийство и мир*, (1), 3–15.
- Орлик, И. И. (2010). Евразийская идея: возникновение и эволюция. *Вестник РУДН: Серия «Всеобщая история»*, (4), 7–20.
- Основы евразийства*. (2002). Арктогея центр.
- Савицкий, П. Н. (1997). *Континент Евразия*. Аграф.
- Трубецкой, Н. С. (1995). *История. Культура. Язык*. Прогресс.
- Трубецкой, Н. С. (2019). Европа и человечество. Наследие Чингисхана. В *Европа и человечество. Наследие Чингисхана* (с. 89–141). Эксмо.
- Флоровский, Г. В. (1998). *Из прошлого русской мысли*. Аграф.
- Цымбурский, В. Л. (2007). *Остров Россия: геополитические и хронополитические работы, 1993–2006*. РОССПЭН.
- Цымбурский, В. Л. (2011). *Конъюнктуры земли и времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования*. Европа.

References

- Antropov, O. K. (2012). Evraziistvo: fenomen i istoricheskaya sud'ba [Eurasianism: Phenomenon and historical fate]. *Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, (2), 200–208. (In Russ)
- Bazavluk, S. V. (2021). Vneshniy analiz i kritika evraziyskoy integratsii [External analysis and criticism of Eurasian integration]. *Post-Soviet Studies*, 4(7), 542–555. (In Russ)
- Bitsilli, P. M. (1995). Dva lika evraziystva [Two faces of Eurasianism]. In *Mir Rossii – Evraziya: Antologiya* [The world of Russia – Eurasia: Anthology] (pp. 335–349). Vysshaya shkola. (In Russ)

- Vernadskiy, G. V. (2023). *Nachertaniya russkoy istorii* [Outlines of Russian history]. Tsentrpoligraf. (In Russ)
- Gumilev, L. N. (2012). *Vsem nam zaveschana Rossiya* [Russia is bequeathed to us all] (E. M. Goncharova, Ed.). Ayris-press. (In Russ)
- Gumilev, L. N. (2018). *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and the biosphere of the Earth]. Azbuka. (In Russ)
- Dugin, A. G. (1999). *Osnovy geopolitiki. Geopoliticheskoe budushchee Rossii. Myslit' prostranstvom* [Foundations of geopolitics. Geopolitical future of Russia. Thinking in space]. ARKTOGEYA. (In Russ)
- Dugin, A. G. (2009). *Chetvertaya politicheskaya teoriya. Rossiya i politicheskie idei XXI veka* [The fourth political theory. Russia and political ideas of the 21st century]. Amfora. (In Russ)
- Dugin, A. G. (2024). *Teoriya mnogopolyarnogo mira. Plyuriversum* [Theory of the multipolar world. Pluriverse]. Akademicheskii proekt. (In Russ)
- Evraziystvo. Opyt sistematicheskogo izlozheniya [Eurasianism. An attempt at systematic exposition]. (1992). In *Put' Evrazii. Russkaya intelligentsiya i sud'by Rossii* [The path of Eurasia. Russian intelligentsia and the destinies of Russia] (p. 427). Russkaya kniga. (In Russ)
- Karsavin, L. P. (1992). *Religiozno-filosofskie sochineniya* [Religious-philosophical works] (Vol. 1). Renessans. (In Russ)
- Kushnir, A. M., & Kushnir, A. A. (2023). Kriticheskii analiz kontseptsii chetvertoy promyshlennoy revolyutsii Klavusa Shvaba [Critical analysis of Klaus Schwab's concept of the fourth industrial revolution]. *Socio-Political Sciences*, 13(4), 105–124. (In Russ)
- Lyuks, L. (2018). Evraziystvo [Eurasianism]. *Eurasianism and the World*, (1), 3–15.
- Orlik, I. I. (2010). Evraziyskaya ideya: vzniknoenie i evolyutsiya [The Eurasian idea: Origin and evolution]. *RUDN Journal of World History*, (4), 7–20. (In Russ)
- Osnovy evraziystva* [Foundations of Eurasianism]. (2002). Arktogeya tsentr.
- Savitskiy, P. N. (1997). *Kontinent Evraziya* [The continent Eurasia]. Agraf. (In Russ)
- Trubetskoy, N. S. (1995). *Istoriya. Kul'tura. Yazyk* [History. Culture. Language]. Progress. (In Russ)
- Trubetskoy, N. S. (2019). Evropa i chelovechestvo. Nasledie Chingiskhana [Europe and humanity. The legacy of Genghis Khan]. In *Evropa i chelovechestvo. Nasledie Chingiskhana* [Europe and humanity. The legacy of Genghis Khan] (pp. 89–141). Eksmo.
- Florovskiy, G. V. (1998). *Iz proshlogo russkoy mysli* [From the past of Russian thought]. Agraf. (In Russ)
- Tsyburskiy, V. L. (2007). *Ostrov Rossiya: geopoliticheskie i khronopoliticheskie raboty, 1993–2006* [Island Russia: Geopolitical and chronopolitical works, 1993–2006]. ROSSPEN. (In Russ)
- Tsyburskiy, V. L. (2011). *Kon'yunktury zemli i vremeni. Geopoliticheskie i khronopoliticheskie intellektual'nye rassledovaniya* [Conjunctures of earth and time. Geopolitical and chronopolitical intellectual investigations]. Evropa. (In Russ)

Для цитирования: Голосеева А. А. Политическая концепция евразийства: от истории к современности / А. А. Голосеева, А. А. Хохлов // PolitBook. – 2026. – № 2. – С. 45–59. – DOI 10.24412/2227-1538-2026-2-45-59.

Н.М. Великая**N. Velikaya****ЖЕНЩИНЫ В
ПУБЛИЧНОМ ДИСКУРСЕ
РОССИИ, КАЗАХСТАНА И
УЗБЕКИСТАНА В
КОНТЕКСТЕ
ТРАНСФОРМАЦИИ
ПОЛИТИЧЕСКИХ
РЕЖИМОВ В XXI ВЕКЕ
(СРАВНИТЕЛЬНЫЙ
АНАЛИЗ)****WOMEN IN THE PUBLIC
DISCOURSE OF RUSSIA,
KAZAKHSTAN AND
UZBEKISTAN IN THE
CONTEXT OF POLITICAL
REGIME
TRANSFORMATION IN
THE 21ST CENTURY (A
COMPARATIVE ANALYSIS)****Аннотация**

В статье анализируется специфика репрезентации женской тематики в публичном дискурсе России, Казахстана и Узбекистана в контексте трансформации политических режимов и неоконсервативного поворота в XXI веке. Исследование опирается на гендерный подход, концепцию дискурсивной конструируемости социальных ролей.

На основе анализа официальных документов (стратегий демографического развития, законов о гендерном равенстве, о защите материнства и детства) более чем за 20 лет, авторы показывают изменение содержания законодательства в области обеспечения прав женщин, особенности государственной семейной и демографической политики.

Показано, что Россия, на фоне демографического старения и низкой рождаемости, выступает «матрицей» неоконсервативного поворота с акцентом на традиционалистский семейно-демографический дискурс, постепенно отказывается от гендерного подхода в разработке политических решений, а в публичном дискурсе вопросы о реализации прав женщин вытесняются вопросами об обязанностях женщин в демографической сфере. Казахстан и Узбекистан, обладая более молодым населением и относительно более высокой рождаемостью, воспроизводят близкие по содержанию традиционалистские нарративы, адаптированные к мусульманскому кон-

Abstract

The article examines the specifics of the representation of women's issues in the public discourse of Russia, Kazakhstan and Uzbekistan in the context of the transformation of political regimes and the neoconservative turn in the 21st century. The research is based on the gender approach, the concept of discursive constructibility of social roles.

Based on the analysis of official documents (demographic development strategies, laws on gender equality, protection of motherhood and childhood) for more than 20 years, the authors show a change in the content of legislation in the field of women's rights, the specifics of state family and demographic policy.

It is shown that Russia, against the background of demographic aging and low birth rate, acts as a "matrix" of a neoconservative turn with an emphasis on a traditionalist family demographic discourse, gradually abandoning the gender approach in developing policy decisions, and in public discourse, questions about the realization of women's rights are replaced by questions about women's responsibilities in the demographic sphere. Kazakhstan and Uzbekistan, with their younger populations and relatively higher birth rates, reproduce similar traditionalist narratives adapted to the Muslim context and the specifics of the evolution of political regimes. At the same time, the formal

тексту и специфике эволюции политических режимов. При этом формальный интерес политических элит и СМИ к гендерной проблематике происходит там на фоне сближения с общемировой повесткой.

Распространение политики «неотрадиционализма» сказывается на содержании публичного дискурса: при декларируемой приверженности принципам равенства государственная политика и официальные нарративы закрепляют приоритет материнства и семейной роли женщин, в той или иной мере маргинализируя темы репродуктивных прав, гендерного насилия, экономической автономии и доступа к политике. Выделяя основные фреймы женского публичного дискурса, делается вывод о том, что консервативный консенсус вокруг «традиционных ценностей» в трёх странах становится важным ресурсом стабилизации режимов, но одновременно воспроизводит структурное неравенство и ограничивает возможности для расширения политической и социальной субъектности женщин.

interest of political elites and the media in gender issues is taking place there against the background of convergence with the global agenda.

The spread of the policy of "neo-traditionalism" affects the content of public discourse: while declaring commitment to the principles of equality, government policy and official narratives reinforce the priority of motherhood and the family role of women, marginalizing to one degree or another the themes of reproductive rights, gender-based violence, economic autonomy and access to politics. Highlighting the main pillars of women's public discourse, it is concluded that the conservative consensus around "traditional values" in the three countries is becoming an important resource for stabilizing regimes, but at the same time reproduces structural inequality and limits opportunities for expanding women's political and social subjectivity.

Ключевые слова:

гендерная политика, гендерный порядок, публичный дискурс, неоконсервативный поворот, Россия, Казахстан, Узбекистан, традиционные семейные ценности.

Key words:

gender policy, gender order, public discourse, neoconservative turn, Russia, Kazakhstan, Uzbekistan, traditional family values.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2026-2-60-82>

К XXI веку гендерный порядок, понимаемый как взаимообусловленность институтов и гендерной идентичности (Conell, 1987), стал рассматриваться как один из индикаторов трансформации политических режимов и степени институционализации прав человека в широком смысле. При этом публичный дискурс все чаще становится полем гендерных конфликтов, обостряемых глобализационными процессами, которые меняют рынки труда, трансформируют семейные отношения и формы родительства, ведут к усложнению пространства идентичностей и формируют новые социальные практики и социальные отношения (Fonow, Cook, 2005).

Что касается постсоветского пространства, сама по себе гендерная проблематика здесь то становилась одним из центров общественной дискуссии, то вытеснялась на периферию публичного дискурса. Разные страны де-

монстрируют существенные расхождения в плане оценки значимости этой темы, различия в гендерной политике и дифференциацию социальных практик. Мы разделяем точку зрения Г.Г. Силласте о том, каждому социальному времени соответствует свой социальный порядок и его гендерное выражение. При этом в разных странах становление гендерного порядка формируются исходя из ранее достигнутых экономических и социальных возможностей настоящего и сложившегося в нации морального, генетически закрепленного в исторической памяти и сознании культурно-ценностного кода (Силласте, 2020, с. 40). Так же и понятие «женщина» является историческим и социальным конструктом, наполненным разным смыслом в разных дискурсивных ситуациях и социально-политических контекстах.

Заметим, что публичный дискурс о женщинах и для женщин в постсоветских странах формируется на пересечении наследия советской модели формального равенства, религиозно-культурных традиций и новых стратегий политического управления, ориентированных, с одной стороны, на контроль над репродуктивными практиками и семейными отношениями, а с другой, на необходимость следовать международным нормам обеспечения гендерного равенства.

Мы намерены рассмотреть, как репрезентируются женские права и обязанности в публичном пространстве, каким образом гендерная повестка встраивается в процессы укрепления гибридных и неоавторитарных политических режимов. Выбор стран для анализа определяется геополитическим и цивилизационным контекстом. Россия и Казахстан являются активными участниками интеграционных проектов на Евразийском пространстве, прежде всего в рамках Евразийского экономического союза. Это предполагает определенную координацию политических и правовых подходов, в том числе в сфере демографической и семейной политики (Karabayeva, 2021). Узбекистан, оставаясь вне ЕАЭС, тем не менее активно взаимодействует с Россией и Казахстаном в сфере миграции, безопасности и экономического сотрудничества (Asanbekova et al., 2021).

При этом все три государства являются наследниками советской модели модернизации, в рамках которой было институционализировано формальное равноправие мужчин и женщин, обеспечен массовый выход женщин на рынок труда и расширен доступ к образованию, но при этом сохранялась двойная нагрузка и репродукция традиционного распределения домашних обязанностей (Tartakovskaya, 2000). Воспроизводство этих паттернов на фоне традиционализации социальных отношений, связанных в том числе с ростом религиозности в разных масштабах, формирует социокультурную среду, на фоне которой разворачиваются современные дискуссии о «насто-

ящей женской роли» и о значимости гендерного равенства в современных социальных процессах.

Современные исследователи гендерной проблематики в России и странах Центральной Азии рассматривают социальный и социокультурный статус женщин в постсоветский период в контексте особенностей трудовой занятости и уровня образования (Осмонова, 2018; Козик, 2025; Милованова, 2025). Значительное количество работ посвящено проблемам правового обеспечения гендерного равенства (Собирова, Ганиева, 2016), роли гендерных стереотипов в воспроизводстве неравенства (Рябова, 2001; Мекебаева, 2018).

Цель работы – выявить специфику репрезентации женской тематики в публичном дискурсе России, Казахстана и Узбекистана в контексте неоконсервативного поворота и трансформации политических режимов в XXI веке, сопоставив демографические, социально-экономические и дискурсивные параметры гендерной политики.

Теоретической основой исследования является гендерный подход в политической науке (Scott, 2000), в сочетании с концепцией гегемонной маскулинности Р. Конелла, разделяющего гендерный порядок и гендерный режим. В этой логике именно государство осуществляет нормативное регулирование отношений и формирует особенности гендерных режимов в разных общественных сферах (Connell, 1987, с. 126), а также контролирует гендерные отношения через доминирующие официальные идеологические дискурсы.

Субъектами, разворачивающими дискурс, выступают в данном случае различные группы интересов, имеющие доступ к медийным ресурсам и пользующиеся значительным влиянием. Наша исследовательская стратегия в данном случае предполагает выделение идеологических элементов, артикулированных политическими субъектами, представленными в официальных документах, заявлениях, публичных текстах и выступлениях, а также выявление доминирующих фреймов текста, связанных с социальными репродуктивными правами женщин. В настоящую статью не вошел анализ репрезентации политических и экономических прав, прежде всего в силу слабой представленности в политическом дискурсе выбранных стран темы равенства и социальной справедливости.

Статья опирается на сочетание качественного контент-анализа и критического дискурс-анализа публикаций в СМИ и выступлений лидеров мнений. В том числе применяется контент-анализ и фрейм-анализ стратегий демографического развития, национальных программ по обеспечению гендерного равенства, законов о семье, материнстве и детстве, парламентариев, членов правительств, лидеров партий и религиозных организаций России, Казахстана и Узбекистана.

Россия, Казахстан, Узбекистан: трансформации политических режимов и гендерного порядка

Трансформация политических режимов в постсоветской Евразии давно стала предметом научного анализа, охватывающего переход от неопределенных форм «переходной демократии» к устойчивым конфигурациям конкурентного авторитаризма, персоналистских и гибридных моделей (Виноградов, Рябов 2019; Абрамов, Алексеев, 2023). В этой перспективе Россия, Казахстан и Узбекистан демонстрируют различные сценарии концентрации власти в руках президентских институтов, перераспределения полномочий между ветвями власти, трансформации партийных систем и управления электоральными процессами (Гуселетов, Великая, 2025). С одной стороны, их объединяет общность постсоветского происхождения политических институтов и близость стартовых условий модернизационного проекта, с другой, они демонстрируют различающиеся траектории эволюции политических режимов, партийно-политической конкуренции и религиозной институционализации. Если в Казахстане и Узбекистане электоральный авторитаризм сложился уже в первое десятилетие после распада советского Союза (Абрамов, Алексеев, 2024, с. 58), то Россия поначалу оценивалась как переходная политическая система гибридного характера, а эволюция персоналистской автократии в России началась в первые десятилетие XXI века (Нисневич, Рябов, 2017).

Российская власть, демонстрируя устойчивое движение в направлении консолидированного авторитаризма с сильной президентской властью и ограниченной политической конкуренцией на фоне ухудшения отношений с европейскими странами, апеллировала к уникальности российской цивилизации и ориентацию на традиционные ценности сделала важным элементом официальной идеологии. Казахстан и Узбекистан, проходя собственные траектории авторитарной модернизации и точечных реформ, на фоне постколониального дискурса сохраняют значительную роль президентской власти и элитных групп, однако используют более сложные комбинации риторики модернизации при сохранении национальной самобытности. При этом можно говорить о всплеске интереса к гендерным исследованиям в национальных научных сообществах и активизации женской проблематики в публичном дискурсе по сравнению с началом нулевых.

Учитывая, что Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 1979 года ратифицировал еще Советский Союз, понятно, что и многие другие важнейшие документы подписывались вновь образованными на постсоветском пространстве государствами, Пекинской де-

кларации и Платформе действия от 1995 года. При этом во всех трех странах равенство мужчин и женщин закреплено конституционно.

Гендерная повестка весьма активно распространялась в научном и публичном пространстве России в конце 1990-х – начале 2000-х гг., чему способствовали как центры гендерных исследований в различных регионах РФ, так и разнообразные женские движения и организации, феминистского толка. Уже в начале нулевых были разработаны проект федерального закона «О государственных гарантиях равных прав и свобод и равных возможностей мужчин и женщин в Российской Федерации» (в 2003), и гендерная Стратегия Российской Федерации (2004). Однако ни закон о гендерном равенстве, ни гендерная стратегия приняты не были, а сам термин гендер постепенно перешел в разряд «неодобряемых», обрастая ложными коннотациями. В публичном дискурсе конструировался образ феминизма, как социально вредной и опасной идеологии, о чем мы подробно писали на основании наших исследований (Великая, Овчарова 2018). В 2018 году депутат Милонов предлагал ввести уголовное наказание за любую пропаганду феминизма; а в 2023 году Законопроект о признании феминизма экстремистской идеологией подготовил замглавы комитета по информационной политике Олег Матвейчев. Эта тема вплоть до сегодняшнего дня с известной периодичностью освещается в СМИ именно в таких коннотациях. Необходимо обратить внимание на новые явления цензурирования, которые затрагивают свободу выражения взглядов на вопросы семьи и деторождения. Недавнее принятие закона о запрете пропаганды отказа от детей сопровождается блокированием интернет-сообществ, СМИ, частных аккаунтов социальных сетей для борьбы с «отрицанием семейных ценностей». Некоторые ньюсмейкеры из депутатского корпуса называют такие воззрения экстремистской идеологией, которая нарушает права человека и в глазах государства должна стоять наравне с самыми мерзкими идеологиями и воззрениями, то эксперты обращают внимание на репрессивный потенциал этого закона, под действие которого может подпасть любой контент от художественных произведений до личных постов в социальных сетях, если он будет интерпретирован надзорными органами как призыв не иметь детей.

Можно констатировать, что за последние два десятилетия в России существенно изменились акценты в законах и стратегиях, формально направленных на обеспечение гендерного равенства. Если ранние документы, принятые в 1990-е – начале 2000-х гг., преимущественно воспроизводили язык международных конвенций о равных правах и возможностях мужчин и женщин, то сегодня гендерная политика увязывается с задачами демографического роста, укрепления семьи, профилактики «девиаций» и контроля

над репродуктивным поведением. Как результат, Россия так и не ратифицировала Конвенцию Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (Стамбульская конвенция), что ограничивает и затрудняет в том числе законодательную работу в этой сфере. В 2004 году была ликвидирована Комиссия при правительстве РФ по вопросам улучшения положения женщин. Работающий в Государственной Думе Комитет по вопросам семьи, женщин и детей сосредотачивается главным образом на демографической и семейной политике. Начиная с 2008 г. Комитет не продвинул ни одного закона в интересах именно женщин и в целях достижения гендерного равенства (Гнедаш, Резвушкина, 2017, с. 27). Не продвигается и принятие закона о Насилии против женщин при том, что последние поправки о декриминализации семейного насилия имели следствием рост количества жертв домашнего насилия. В 2019 году шло активное обсуждение внесенного в Государственную Думу Российской Федерации законопроект «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации», на который пришло более 11 тыс. отзывов. Он был подвергнут жесткой критике не только рядом депутатов Государственной Думы, но и представителями общественных и религиозных организаций. Так, с точки зрения религиозных деятелей, принятие закона о домашнем насилии подрывает традиционные семейные устои, искажает саму суть института семьи и позволяет государственным органам вмешиваться в семейную жизнь. Кроме этого, 181 общественные организации (среди которых «Родительское Всероссийское Сопротивление» (РВС), Общероссийскую общественную организацию в защиту семьи и традиционных семейных ценностей «АРКС», Всероссийское Общественное Движение «Сорок Сороков») подписали открытое письмо В.В. Путину против принятия данного закона.

Согласимся с коллегами, считающими, что «несмотря на гарантированное Конституцией страны равенство мужчин и женщин, «в реальности гендерная дискриминация сохраняется во всех сферах жизни российского общества», а предпринимаемые государством меры по улучшению демографической ситуации «усиливают дискриминацию по признаку пола»¹.

Казахстан, после присоединения к Пекинской декларации в 1995 году, сохранял курс на формирование гендерной политики, а в декабре 1998 года Указом Президента Республики Казахстан была создана Национальная комиссия по делам женщин и семейно-демографической политике, которая

¹ Альтернативный доклад «Выполнение Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин в Российской Федерации». (2010). Консорциум женских неправительственных объединений. <http://www.cdep.ru/mps/4/ch4/4-2.pdf>

функционирует и по сей день; в регионах работают соответствующие консультативно-совещательные органы.

В Казахстане стратегические установки в области гендерного равенства и семейной политики были систематизированы в «Концепции семейной и гендерной политики в Республике Казахстан до 2030 года»¹, утвержденной Указом Президента Республики Казахстан 6 декабря 2016 года, где декларируется обеспечение равных прав, выгод, обязанностей и возможностей для женщин и мужчин во всех сферах общественной жизни; необходимость устранения всех форм гендерной дискриминации и усиления мер по предотвращению бытового насилия. При этом традиционно важная часть документа посвящена именно семейной политике, укреплению института семьи, повышения рождаемости при сохранении национально-культурных традиций.

Несмотря на существование широкого спектра формальных прав и механизмов защиты, включая квоты для женщин и молодежи в партийных списках, развитие инфраструктуры кризисных центров и программ поддержки женского предпринимательства, практики реализации законодательных норма нередко сталкиваются с сопротивлением патриархальных норм и религиозных установок, что находит отражение в риторике о «недопустимости заимствования чуждых ценностей» и необходимости учитывать национальные особенности при проведении гендерной политики». При этом многие эксперты, активисты, имеющие доступ к СМИ, обращают внимание, что развитию гендерного равенства в стране препятствует сохранение некоторых архаичных традиций. Так, недавно один из депутатов РК Мурат Абенов, который ранее был инициатором статьи о принуждении к браку, предлагая наказывать имамов за незаконные браки, подчеркнул, что любые попытки узаконить второй брак или признать детей от «токал» нарушают права женщин и детей, состоящих в официальном браке, что вызвало критику со стороны ряда общественных организаций традиционалистского толка.

Добавим, что Республика Казахстан, так же как Россия и Узбекистан, не подписала Стамбульскую конвенцию о предотвращении насилия, хотя такая возможность рассматривается². Резонансное убийство Салтанат Нукеновой экс-министром экономики К. Бишимбаевым и последующий судебный процесс, активное обсуждение пробелов в законодательстве и правоприме-

¹ Концепция семейной и гендерной политики Республике Казахстан до 2030 года. Официальный сайт GOV.Kz. Единая платформа интернет-ресурсов государственных органов. <https://www.gov.kz/memleket/entities/fam/documents/details/18533?lang=r>

² Демократический курс «Справедливого Казахстана» в центре внимания Совета Европы. (2023). Официальный сайт Правительства РК. Единая платформа интернет-ресурсов государственных органов. <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa/press/news/details/631814?lang=ru>

нительной практики общественностью, в том числе женскими организациями по сути привели к тому, что 15 апреля 2024 года президент Казахстана К.-Ж. Токаев подписал Закон по вопросам обеспечения прав женщин и безопасности детей, хотя ранее в 2021 года аналогичный законопроект был отозван из Меджлиса после первого чтения. Принятие закона, ужесточающего наказание за преступления в сфере семейно-бытового насилия, стало знаковым, учитывая, что в Казахстане, как и в других странах Центральной Азии сохраняется высокая степень толерантности общества к домашнему насилию, а его противники и в 2023 году довольно активно выступали в публичном пространстве. Принципиальным является тот факт, что уполномоченный по правам человека в Республике Казахстан поддерживал принятие этого закона и в своем докладе «О противодействии семейно-бытовому насилию» обратил внимание, что после криминализации бытового насилия на 3 года, с 2015 по 2017 гг., количество убийств снизилось в 2–3 раза.

В 2024 году депутаты РК выразили намерение разработать модельный закон о домашнем насилии для стран СНГ. Показательно, что в России эти новации были восприняты без энтузиазма. В частности, председатель Комитета Госдумы по вопросам семьи, женщин и детей Нина Останина в беседе с сетевым изданием «360», выразила сомнения в том, что подобный закон нужен в России, аргументируя отсутствием «большой общественной поддержки».

С другой стороны, в плане регулирования и ограничения нежелательных явлений в сфере семейных отношений, Казахстан во многом повторяет путь Российской Федерации. Так, ориентируясь на опыт работы с женскими организациями в России и деятельность Союза женских сил, в 2019 году была создана общенациональная организация Альянс женских сил Казахстана, куда вошли представители более 20 женских НКО. В конце 2025 года были приняты поправки о запрете пропаганды ряда организаций; а в предложенных в 2025 году поправках в Конституцию РК, которые выносятся на референдум в 2026 году, помимо всего прочего, содержится положение о том, что «Брак – это добровольный и равноправный союз мужчины и женщины, зарегистрированный государством в соответствии с законом».

В Узбекистане в 1990-е гг. продолжали функционировать традиционные для советского времени крупнейшие организации – «Комитет женщин Республики Узбекистан», «Ассоциация женщин-предпринимателей», «Ассоциация женщин-ученых». Особенно возросла активность женских общественных организаций в 1995-1996 гг. В этот период в Ташкенте были организованы центр «Женщины-лидеры» и ассоциация «Женщины-ветераны», во многих городах страны – многочисленные центры доверия, которые оказывали психологическую помощь женщинам (Собирова, Ганиева, 2016). В

настоящее время продолжает работать зарегистрированный еще в 2017 году проект «Не молчи.UZ», направленный на борьбу с насилием против женщин и ставящий целью изменить отношение общества к подобному вопросу.

Вместе с тем, гендерная повестка активно вышла в публичный дискурс с 2016 года, после избрания нового президента Ш. Мирзиёева, который начал проводить либерализацию как экономической, так и политической сферы (Гуселетов, Великая, 2025, с. 84). Помимо трансформации партийно-политической системы, которая стала более открытой, расширился доступ в информационное пространство лидерам общественного мнения, выступающих с женской повесткой. Однако главным спикером и ньюсмейкером в этой области являлся сам президент. В 2019 году Президентом Республики Узбекистан было предложено в Сенате новую структуру Комитет по вопросам женщин и гендерного равенства. Главное, что в это же время был принят Закон «О гарантиях равных прав и возможностей для женщин и мужчин», закрепивший принцип равноправия в личной, политической, экономической и социальной сферах. Закон предусматривает не только разработку государственных программ и национальных планов в области гендерной политики, но также создает институт уполномоченных лиц по вопросам обеспечения равных прав и возможностей и вводит обязательную гендерно-правовую экспертизу нормативно-правовых актов, направленную на выявление их несоответствия принципам гендерного равенства и возможных рисков дискриминационного характера. 2 сентября 2019 года принят Закон «О защите женщин от притеснений и насилия», который выходит за рамки понятия «домашнее насилие» и регулирует отношения в области защиты женщин в быту, на рабочих местах и т.д. Ориентируясь на показатели ООН, была разработана и принята в 2021 году Стратегия достижения гендерного равенства в Республике Узбекистан до 2030 года (Гендерная стратегия) и Комплексная программа мер по реализации Гендерной стратегии с широким комплексом мер, в сфере защиты от насилия в семье. Целый ряд административных решений институционализировал специальные органы, отвечающие за работу с женщинами. В частности, созданный Республиканский общественный совет женщин во главе с Председателем Сената Олий Мажлиса, решает задачи всесторонней поддержки женщин и девушек и выполнения положений Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин наряду с др. международными документами. В стране также функционируют Министерство по поддержке махалли и семьи, Фонд по поддержке женщин и семьи, который в том числе организует программы по организации семейного и частного предпринимательства, обучению и переобучению женщин востребованным на рынке труда профессиям. Женская тема стала предметом

интереса и со стороны региональных и местных властей. Запущенная по инициативе президента программа «железная тетрадь» реализуется Министерством по поддержке махалли и семьи и Федерацией профсоюзов и фактически формируют новую модель социальной защиты в стране. Программа «женская тетрадь» в известном смысле компенсирует отсутствие институтов гражданского общества в социальной сфере, нацелена на организацию адресной работы с женщинами¹.

Существенным сдвигом стали и принятые в 2023 году поправки в уголовный и административный кодекс, криминализирующие домашнее насилие, которое теперь рассматривается как уголовно наказуемое преступление. Кроме того, была ужесточена ответственность за экономическое и психологическое насилие, а также за насилие в отношении несовершеннолетних. Эту работу также курировала старшая дочь президента страны и С. Мирзиеева, которая до 2025 г. занимала должность заведующей сектором по коммуникациям и информационной политике Исполнительного аппарата Администрации президента, была заместителем директора Агентства информации и массовых коммуникаций при Администрации Президента.

Действующие власти различными способами регулируют деятельность НКО, включенных в женскую повестку. В России в последние годы целый ряд правозащитных женских организаций был признан ино-агентами, но деятельность организаций, так или иначе ассоциированных с властью поддерживается при условии продвижения основных идей государственной семейной политики, в более радикальных версиях. В Узбекистане, где сектор гражданского общества был значительно сжат, только в последние годы идет процесс формирования сети женских организаций, деятельность которых направлена, главным образом на социальную защиту и поддержку.

Государственная семейная политика и национальные цели

Во всех трех странах женские интересы рассматриваются прежде всего через призму семейной политики, которая в публичном дискурсе репрезентируется как ключевой элемент национальных стратегий.

В России государство реализует широкий спектр социально-экономических мер поддержки семьи и рождаемости: ежемесячные пособия, материнский капитал, налоговые вычеты и др., что широко освещено в научной литературе. Реализуемые национальные проекты по демографии, были призваны повысить рождаемость и поддержать многодетность в Российской Федерации.

¹ Социальные тетради в Узбекистане: новый механизм поддержки населения? (2025). ANHOR.UZ. <https://anhor.uz/vzglyad-iznutri/social-notebooks/>

Результативность этих программ неоднозначно оценивается экспертами, а ведущие демографы, анализируя полный спектр предпринимаемых государством мер, подчеркивают ограниченность эффекта таких шагов: без реальных условий для совмещения родительства и занятости женщин, без развитой инфраструктуры, без стимулирования социально-экономических условий устойчивого роста рождаемости ожидать маловероятно (Демографическое, 2024).

В российском президентском дискурсе демографическая и семейная повестка на протяжении последних лет занимает центральное место, связывается с идеями народосбережения и суверенитета. На заседании по социальным вопросам в 2025 году президент, отметил, что семья и дети являются «главным смыслом жизни большинства наших граждан» и ключевым ресурсом развития страны¹. Показательными здесь будут и выступления лидеров политических партий. Так, Г. Зюганов, критикуя политику правительства, часто рассуждает о вымирании русского народа, о низком уровне рождаемости и высоком уровне смертности, предлагая некоторые дополнительные меры стимулирования роста населения: «Чтобы выжить, нужно минимум 200-250 млн. Поэтому вопрос о многодетной семье – это вопрос исторического выживания и страны, и государства, и каждого из нас.... А на любого новорожденного нужно смотреть как на будущего труженика и солдата, и государству нужно брать на свои плечи очень многие заботы в деле поддержке семей². Рецепты повышения рождаемости и решения демографической проблемы часто принимают гротескные формы, как идеи В.В. Жириновского о необходимости введения многоженства в России, озвученные с думской трибуны в ходе круглого стола «Традиционные ценности и правовые гарантии их обеспечения»³.

В Казахстане в выступлениях президента и членов правительства гендерная тематика чаще связывается с задачами модернизации и вхождения в число 30 наиболее развитых стран мира, что требует «полного раскрытия потенциала женщин в экономике и управлении» при одновременном сохранении семейных ценностей». Президент Токаев неоднократно отмечал, ссылаясь на индекс гендерного равенства, что государство на системном уровне расширяет возможности для участия женщин в политике, государственном

¹ Путин В. В. (2025). Совещание по социальным вопросам: стенограмма выступления. Официальный сайт Президента Российской Федерации. <http://kremlin.ru/events/president/news/77439>

² Заседание Госсовета по вопросам семьи 20.12.2024. Стенограмма. Официальный сайт Президента России Kremlin.ru. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75918>

³ Жириновский призвал ввести многоженство в России. (2019). Известия. <https://iz.ru/934612/2019-10-21/zhirinovskii-prizval-razreshit-mnogozhenstvo-v-rossii>

управлении, бизнесе: «Дочери Великой степи были надежными хранительницами культурных традиций и духовно-нравственных ценностей нашего народа. Поэтому неуклонно продвигаясь по пути прогресса и созидания, мы не должны поддаваться чуждым нашему менталитету веяниям, ограничивая права женщин¹. В официальных речах нередко подчеркивается, что усиление экономической автономии женщин и борьба с насилием, это не только требование международных обязательств, но и условие устойчивого развития самой казахстанской государственности).

В Узбекистане президентский дискурс в последние годы сочетает модернизационные мотивы повышения роли женщин в экономике и управлении с традиционалистскими акцентами на семейной стабильности и духовных ценностях. Как правило президент Республики Узбекистан подчеркивает формальные успехи в плане повышения представительство женщин в органах власти, в росте количества женщин, получающих высшее образование. В ряде выступлений подчеркивается необходимость расширения участия женщин в бизнесе и публичной сфере: «Активное участие женщин в управлении делами общества и государства – это актуальный вопрос сегодня. Благородная цель, лежащая в основе нашей национальной политики в этой области, это обеспечение прочности семьи, правовой защиты и благополучия женщин и девочек. Мы также проводим системную работу по достижению гендерного равенства»². При этом неизменно отмечается их «особая миссия» в семье и воспитании детей, что задает рамку для социально приемлемых с точки зрения власти форм женской активности. Что касается мер социальной политики в интересах женщины, то она проходит скорее стадию апробации в рамках программ адресной социальной помощи, создания дополнительных ресурсов для получения образования и новой квалификации и т.д. Как справедливо заметила советник президента Мирзиёева, комментируя вхождение Узбекистана в топ-5 стран мира с наилучшим прогрессом в области гендерного равенства, «то не значит, что мы вдруг стали жить в самом прогрессивном обществе и искоренили насилие. Это значит, что мы должны работать над применением этих законов каждый день, продолжать работу над созданием более равных условий труда и равных экономических возможностей»³.

¹ Президент высказался о статусе женщины в Казахстане. (2022). Наша страна по гендерному равенству входит в число ведущих азиатских стран. LITER. Новости Казахстана. <https://liter.kz/o-vazhnosti-zashchity-prav-zhenshchin-vyskazalsia-tokaev-1668574098/>

² Мирзиёев сообщил о проводимой Узбекистаном работе по достижению гендерного равенства. (2023). <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18789763>.

³ Это не значит, что мы вдруг стали жить в самом прогрессивном обществе – Мирзиёева о достижении прогресса в гендерном равенстве. (2024). PODROBNO.UZ.

Институционализация консервативного консенсуса

Как мы уже отметили, Россия, Казахстан и Узбекистан, находясь в поле взаимного влияния и заимствования практик как в политической сфере, так и в социальной, функционирование которой в значительной мере определяется в том числе особенностями воспроизводства населения. Статистические данные за 1991-2024 гг. свидетельствуют о доминировании тенденции снижения рождаемости практически во всех странах СНГ. Суммарный коэффициент рождаемости в 2024 году в России составил 1,4 ребенка на одну женщину, в Казахстане - 2,8, в Республике Узбекистане - 3,4¹. При этом расширенное воспроизводство населения в Узбекистане и Казахстане обеспечивается суммарной рождаемостью (около 3 детей на женщину и более), что является основой для быстрого роста численности населения и его очень молодого состава². В России же фиксируется устойчивое старение населения и рост доли лиц старше трудоспособного возраста. Для Казахстана и Узбекистана возрастная структура демонстрирует так называемое «демографическое окно» с высоким удельным весом молодежи и значительно меньшей долей пожилых. В России и Казахстане, в отличие от Узбекистана, сохраняется традиционный «женский перевес» в старших возрастных группах³. Эти различия становятся важным фоном для неоконсервативного дискурса: в России акцент делается на «демографическом выживании», тогда как в Казахстане – на управлении ростом, а в Узбекистане – на мягком сдерживании демографического роста и управлении структурными дисбалансами. Если в Казахстане и Узбекистане неоконсервативный поворот произвел в первые годы обретения независимости на фоне суверенизации и выстраивания национальной идентичности, противопоставляемой «советской», то в России он опирался на уже сложившийся к началу 2010-х годов дискурс «традиционных ценностей», кристаллизовавшийся в ходе обсуждения законов об ограничении «пропаганды нетрадиционных отношений», реформ семейного законодательства и конституционных поправок.

<https://podrobno.uz/cat/obchestvo/eto-ne-znachit-chto-my-vdrug-stali-zhit-v-samom-progressivnom-obshchestve-mirziyeva-o-dostizhenii-p/>

¹ База данных Статкомитета СНГ. (2025). <https://new.cisstat.org/web/guest/cis-stat-home?iFrameId=44176>;

² Население стран СНГ. Часть 1. Демоскоп weekly. (2025). <https://www.demoscope.ru/weekly/2025/01101/barom05.php>

³ Половозрастной состав населения стран СНГ. (2025). Межгосударственный статистический комитет содружества независимых государств. <https://new.cisstat.org/web/guest/cis-stat-home?iFrameId=44176>

Женское предназначение и женственность конструируются в рамках четырех доминирующих фреймов публичного дискурса. Первый фрейм, где женщина-мать рассматривается как ключевой субъект демографической политики. В многочисленных выступлениях президента и представителей правительства подчеркивается, что «демографическое будущее» России зависит от готовности женщин рожать «второго и третьего ребенка», а материнство представляется не только личным выбором, но и гражданским долгом (Чурилова, Захаров, 2019; Великая, Князькова, 2021). В программных заявлениях о национальных целях развитие семейной политики увязывается с укреплением государственности, а повышение рождаемости – с преодолением последствий исторических потрясений и войн. Основными дискурсивными практиками здесь являются апеллирование к долгу, чести, обязанностям.

Второй фрейм – женщина как хранительница традиционных ценностей. В политическом и медийном дискурсе активно конструируется образ «правильной» женственности, предполагающей сочетание профессиональной самореализации с безусловным приоритетом семьи и детей; феминизм и радикальные формы борьбы за гендерное равенство нередко описываются как разрушительные по отношению к «естественному» порядку. На этом поприще отметились и Председатель Союза женщин и бывший депутат ГД ФС РФ пяти созывов Е. Лахова, и многочисленные представители церкви, и бывший уполномоченный по правам ребенка П. Астахов, поддержавший браки с несовершеннолетними девушками, и уже упоминаемая И. Яровая, которая выступила против сексуального образования детей, что фактически противоречит ст. 16 п. Е. Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, где предусмотрено сексуальное образование и просвещение, которое увязывается с сохранением репродуктивного здоровья женщин.

Казахстан и Узбекистан демонстрируют адаптацию аналогичных традиционалистских нарративов к иной политико-культурной среде. В Казахстане стратегия гендерного равенства и многочисленные государственные программы по поддержке женщин и семьи соседствуют с устойчивым акцентом на сохранении «традиционных ценностей». В Узбекистане, где ислам играет более значимую роль в общественной жизни, консервативные установки на многодетность, ранние браки и иерархическую структуру семьи еще более явно вплетены в публичный дискурс. Таким образом, официальные документы, фиксируют необходимость ликвидации дискриминации и расширения экономического участия женщин, но в публичных выступлениях политических и религиозных лидеров

нередко звучат тезисы о «недопустимости копирования чуждых моделей» и приоритете национально-культурных норм в регулировании семейных отношений.

В рамках третьего фрейма женщина становится объектом социального патернализма. Государственные программы поддержки семей, материнства и детства, расширяя спектр льгот и пособий, одновременно закрепляют асимметричное распределение ответственности: именно женщины рассматриваются в качестве основных адресатов социальной политики, тогда как государство и бизнес сохраняют патриархальные практики организации труда и ограниченные возможности для совмещения профессиональной и семейной сфер.

Четвертый фрейм, где женщины представлены как деперсонализированный объект в социальных отношениях, которым часто отказано в субъектности и праве принимать решения. Дискурсивные стратегии этого фрейма агрессивны и наполнены коннотациями мизогинии, связаны с множественными запретами для женщин как в сфере репродуктивного поведения, так и семейных отношений, быта и внешнего вида (Velikaya, Rodionova, 2025). Этот дискурс часто разворачивается религиозными лидерами и представителями организаций традиционалистского толка.

Так, представители Русской православной церкви, подчеркивая особую духовную миссию женщины в семье и обществе, весьма активны в продвижении инициатив по ужесточению регулирования аборт и расширению программ «профилактики» прерывания беременности, таких как программы фонда «Женщины за жизнь», который активно работал с региональными общественными палатами и парламентами при принятии законов о штрафах за склонение к аборт. В настоящее время такие законы приняты в 24 субъектах РФ. Патриарх Кирилл призвал распространить запрет на "склонение к абарту" на федеральный уровень как ответ на демографический кризис, церковь тем самым поддерживает стратегию сокращения аборт, что вызывает закономерную критику правозащитников и экспертов. В частности, член совета по правам человека (СПЧ) Е. Меркачева спрашивает: «Для кого этот закон? Разве он не дискредитирует наших врачей? Я не знаю ни одного доктора, который без медицинских показаний советовал бы женщине сделать аборт»¹.

На узбекоязычном сайте религиозно-исламского направления в марте было опубликовано обращение к прихожанам главного имама-

¹ В СПЧ раскритиковали принятый в Мордовии закон о запрете склонять к аборт. (2023). Лента.ру. <https://lenta.ru/news/2023/08/03/merkachhg/>

хатыба Юнусабадского района, преподавателя Ташкентского исламского института, имама мечети «Мирза Юсуф» Рахматулло Сайфуддинова, в котором он призвал запретить мужчинам работать гинекологами.

Управление по делам религий города Алма-Аты, рассказывая, как в современных обществах переплетены религиозные установки и светские ценности, подчеркивает доминирование мужчины в семье: ...роль женщины в исламе сводится к семейным заботам. Но это не значит, что религия ущемляет свободу женщины. У нее есть права! В том числе на труд, на образование. Другое дело, что вера обязывает ее подчиняться мужчинам. Именно от них зависит, сможет ли женщина-мусульманка вести полноценную жизнь в обществе или будет заниматься сугубо семейным бытом¹. При этом и в Узбекистане, и в Казахстане власти декларируют курс на модернизацию, и штрафы за призывы к насилию выносятся даже священнослужителям. Так, в мае 2024 года штраф в размере 6,8 млн сумов был назначен заместителю имама мечети в Сырдарьинской области на свадьбе своего знакомого прочитал религиозную лекцию, где призвал женщин рожать. Таким образом неоконсервативный поворот проявляется не в отказе от формальных обязательств по обеспечению гендерного равенства, сколько в постепенном смещении акцентов с прав и свобод личности на обязанности по отношению к семье, нации и государству. Женская субъектность в публичном дискурсе редуцируется до совокупности ролей – матери, жены, хранительницы традиций, в то время как вопросы политического участия, свободы от насилия остаются на периферии или трактуются как второстепенные по сравнению с задачами демографического и морального «возрождения».

Неоконсервативный консенсус в России, Казахстане и Узбекистане целесообразно рассматривать как совокупность институциональных и дискурсивных изменений, затрагивающих конституционные нормы, законодательство о семье и гендерном равенстве, доминирующие социальные практики в разных общественных сферах.

Сравнительное исследование позволяет говорить о трех вариантах консервативного консенсуса. Российский вариант отличается высокой степенью институциональной оформленности и идеологической артикулированности: гендерная повестка встроена в «национальные цели» развития.

Казахстанский вариант демонстрирует баланс между модернизационной риторикой и традиционалистскими ожиданиями: государство де-

¹ Современная женщина и ислам. (2020). Ценности, традиции и перемены. Informburo.kz. <https://informburo.kz/special/sovremennaya-zhenshchina-i-islam-cennosti-tradicii-i-peremeny.html>

кларирует приверженность международным стандартам гендерного равенства, развивает программы по противодействию насилию и поддержке женского лидерства, но одновременно ограничивает политизацию феминистской повестки и оставляет неизменным патриархальный каркас семейного уклада.

Узбекский вариант характеризуется более сильной интеграцией религиозно-культурных норм в государственную политику: закон о равных правах и возможностях женщин и мужчин сосуществует с установками на многодетность, ранние браков и подчиненную роли женщины в семье. НКО выступают преимущественно как инструменты реализации программ по борьбе с насилием и социальной поддержке, а не как площадки для критики существующего гендерного порядка.

Однако, подчеркивая необходимость сохранения традиционной модели гендерных ролей, основные спикеры с властными полномочиями в Казахстане и Узбекистане в настоящее время используют гендерный подход и терминологию международных и европейских документов.

Во всех трех странах неоконсервативный дискурс опирается на союз государства, религиозных институтов и лояльной части гражданского общества. Неоконсервативный поворот в этих странах проявляется в нескольких взаимосвязанных измерениях.

Во-первых, происходит постепенное вытеснение либеральной риторики прав человека на периферию публичного пространства при одновременном усилении апелляций к «традиционным ценностям», «исторической памяти», религиозным и семейным нормам (Айвазова, 2017; Козлова, 2022), а женские права редуцируются до функций материнства, заботы о семье и воспроизводства «демографического ресурса». При этом противоположная точка зрения, выражаемая женскими правозащитными и феминистскими организациями, маргинализируется и нередко маркируется как «чуждые ценности» или «угроза национальной идентичности». В этом смысле Россия, Казахстан и Узбекистан формируют своеобразный «треугольник» постсоветского неоконсерватизма, в котором пересекаются наследие советской эмансипации, транснациональные консервативные тренды и локальные религиозно-культурные особенности.

Во-вторых, конструируется образ внешней и внутренней угрозы в виде «гендерной идеологии», радикального феминизма, которые представляются как инструменты подрыва культурной и политической суверенности.

В-третьих, женская тематика функционализируется как ресурс демографической политики: женщина мыслится прежде всего, как мать, хранительница семейного очага и носительница национальной идентич-

ности, а ее участие в политике и рынке труда признается желательным лишь постольку, поскольку оно не противоречит этим базовым ролям.

Проведенный анализ гендерной проблематики в публичном дискурсе России, Казахстана и Узбекистана позволяет констатировать, что гендерная повестка в трех странах стала важным элементом неоконсервативного поворота, обеспечивая символический ресурс для легитимации авторитарных и гибридных режимов через апелляции к традиционным ценностям через противопоставление ценностям Запада. Неоконсервативный поворот в этом смысле не столько возвращение к исторической «традиции», сколько конструирование нового консервативного консенсуса, отвечающего задачам стабилизации режимов и мобилизации поддержки в условиях социально-экономической неопределенности.

Несмотря на различия в демографических режимах и уровне экономического развития, во всех трех кейсах наблюдается тенденция к редукции женской субъектности до набора ролей, совместимых с задачами демографической и моральной стабилизации.

Формальная институционализация гендерного равенства в законах, стратегиях и международных обязательствах конструирует своего рода «фасадное равенство», которое не всегда сопровождается реальными изменениями в распределении власти, ресурсов и возможностей между мужчинами и женщинами. Это проявляется в устойчивости патриархальных практик в семье и на рынке труда, ограниченном доступе женщин к политическим решениям и контроле над их репродуктивным выбором.

В этой перспективе дальнейшее развитие гендерной политики в России, Казахстане и Узбекистане будет зависеть от того, удастся ли преодолеть парадокс «равенства без субъектности» и перевести дискуссию из плоскости демографических и моральных аргументов в плоскость прав и свобод личности. Пока же консервативный консенсус сохраняет устойчивость, а женская повестка в публичном дискурсе остается одновременно заметной и структурно ограниченной, что задает рамки для будущих исследований о возможных сценариях трансформации и контрмобилизации.

Литература

- Ashwin, S. (Ed.). (2000). *Gender, state and society in Soviet and Post-Soviet Russia*. Routledge.
- Connell, R. W. (1987). *Gender and power: Society, the person and sexual politics*. Stanford University Press.
- Fonow, M. M., Cook, J. A., & Jorge, J. A. (2005). Feminist methodology: New applications in the academy and public policy. *Signs: Journal of Women in Culture and Society*, 30(4).
- Graff, A. (2016). 'Gender ideology': Weak concepts, powerful politics. *Religion and Gender*, 6(2), 268–272.
- Karabayeva, A. (2021). Leaders, ideas, and norm diffusion in Central Asia and beyond. *Asian Journal of Comparative Politics*, 6(1), 25–44. <https://doi.org/10.1177/2057891119887813>
- Tartakovskaya, I. (2000). The changing representation of gender roles in the Soviet and Post-Soviet press. In S. Ashwin (Ed.), *Gender, state and society in Soviet and Post-Soviet Russia* (pp. 118–136). Routledge.
- Velikaya, N., & Rodionova, M. (2025). Reproductive right vs reproductive responsibilities: Particularities of political gender discourse in Russia in the context of the population crisis. *Power Asymmetries: Gender, Ideology and Democracy*, (2), 69–96. <https://doi.org/10.13133/3103-4667/140>
- Абрамов, А. В., & Алексеев, Р. А. (2023). К оценке траекторий трансформаций постсоветских политических систем. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*, 28(3), 54–64. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.5>
- Айвазова, С. Г. (2017). Гендерный дискурс в поле консервативной политики. *Женщина в российском обществе*, (4), 3–13. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2017.4.1>
- Великая, Н. М. (2018). Женщины vs феминистки: парадоксы гендерного дискурса в России. В О. В. Гаман-Голутвина, Л. В. Сморгун, & Л. Н. Тимофеева (ред.), *Политика развития, государство и новый порядок: Материалы VIII Всероссийского конгресса политологов* (с. 107–108). Аспект-Пресс.
- Великая, Н. М., & Князькова, Е. А. (2021). Репродуктивные права женщин в политическом дискурсе современной России. *Женщина в российском обществе*, (5), 25–37. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.0.2>
- Великая, Н. М., & Овчарова, О. Г. (2018). Гендерная риторика на фоне консервативного поворота в современной России. В *Интеллигенция и проблемы социокультурной модернизации современного общества: Материалы XII Международной научной конференции «Байкальская встреча»* (с. 29–34). Бурятский государственный университет.
- Виноградов, А. В., & Рябов, А. В. (2019). Политические системы постсоветских государств и Китая в процессе межсистемной трансформации. *Политические исследования*, (3), 69–86. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.05>
- Воронина, О. В. (2013). Политика гендерного равенства в современной России: проблемы и противоречия. *Женщина в российском обществе*, (3), 12–20.
- Гнедаш, А. А., & Резвушкина, Т. А. (2017). Национальные механизмы гендерного равенства в России и Казахстане: акторы, уровни, институциональные ресурсы. *Вестник Карагандинского университета. Серия: История. Философия*, 87(3), 25–31.
- Гуселетов, Б. П., & Великая, Н. М. (2025). Трансформация партийных систем в странах Центральной Азии в контексте укрепления политических режимов. *Регионоведение*, 33(1), 77–90. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.033.202501.077-090>

Козик, И. В., & Деметрадзе, М. Р. (2025). Социокультурный статус женщин в государствах Центральной Азии в постсоветский период. В М. А. Булавина & В. И. Герасимов (ред.), *Женское лицо нового миропорядка: Материалы первого всероссийского симпозиума (18 марта 2025 года)* (с. 55–70). УМЦ.

Козлова, Н. Н., Овчарова, О. Г., & Рассадин, С. В. (2022). Государственная семейная политика в субъектах Российской Федерации: официальный и гражданский дискурсы в регионах с тенденцией увеличения рождаемости. *Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки*, 15(1), 124–134. <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-124-134>.

Ломова, Т. Е. (2021). Женские организации как сегмент гражданского общества современной России. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*, 14(2), 124–142. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2021.202>

Малышева, Д. Б. (2018). Политические процессы в республиках постсоветской Центральной Азии. *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 11(3), 36–52. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2018-11-3-36-52>

Мекебаева, М. А. (2018). К вопросу изучения гендерной проблематики в Казахстане. *Вестник Казахского государственного педагогического университета*, (1), 103–108.

Мемешева, Л. А. (2020). Гендерное равенство как один из факторов социально-экономического развития Узбекистана. *Бюллетень науки и практики*, 6(7), 257–261. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/56/28>

Милованова, М. Ю. (2025). Социо-гендерный потенциал новой евразийской интеграции. В М. А. Булавина & В. И. Герасимов (ред.), *Женское лицо нового миропорядка: Материалы первого всероссийского симпозиума (18 марта 2025 года)* (с. 126–133). УМЦ.

Могилевский, Р. (2021). Рынок труда и технологическое развитие в Центральной Азии. *Доклад Института государственного управления и политики Университета Центральной Азии*, (58), 1–45.

Мусурманкулов, Ф. У., & Бердалиева, Г. А. (2016). Роль женщин в духовной жизни Республики Узбекистан. *Молодой ученый*, (13), 632–634.

Нисневич, Ю. А., & Рябов, А. В. (2017). Постсоветский авторитаризм. *Общественные науки и современность*, (4), 84–97.

Осмонова, Д. А. (2018). Особенности противоречий и взаимодействия гендера и религии в современной Центральной Азии. *International Journal of Applied and Fundamental Research*, (11), 170–171.

Ростовская, Т. К., Шабунова, А. А., Архангельский, В. Н., и др. (2025). *Демографическое самочувствие регионов России: Национальный демографический доклад – 2024*. Вологодский научный центр РАН.

Рябова, Т. Б. (2001). Гендерные стереотипы и гендерная стереотипизация: методологические подходы. *Женщина в российском обществе*, (3-4), 3–12.

Силласте, Г. Г. (2020). Рынок труда, занятости и профессий как экономическое пространство формирования нового гендерного порядка. *Женщина в российском обществе*, (2), 38–51. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2020.2.4>

Собирова, Д. Т., & Ганиева, М. А. (2016). Защита интересов женщин в независимом Узбекистане. *Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты*, (4), 36–39.

Чурилова, Е., & Захаров, С. (2019). Репродуктивные установки населения России: есть ли повод для оптимизма. *Вестник общественного мнения*, (2), 66–87.

References

- Abramov, A. V., & Alekseev, R. A. (2023). Toward an assessment of the transformation trajectories of Post-Soviet political systems. *Bulletin of Volgograd State University. Series 4, History. Regional Studies. International Relations*, 28(3), 54–64. (In Russ)
- Ashwin, S. (Ed.). (2000). *Gender, state and society in Soviet and Post-Soviet Russia*. Routledge.
- Ayvazova, S. G. (2017). Gender discourse in the field of conservative politics. *Woman in Russian Society*, (4), 3–13. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2017.4.1> (In Russ)
- Churilova, E., & Zakharov, S. (2019). Reproductive attitudes of the Russian population: Is there reason for optimism? *Bulletin of Public Opinion*, (2), 66–87.
- Connell, R. W. (1987). *Gender and power: Society, the person and sexual politics*. Stanford University Press.
- Fonow, M. M., Cook, J. A., & Jorge, J. A. (2005). Feminist methodology: New applications in the academy and public policy. *Signs: Journal of Women in Culture and Society*, 30(4).
- Gnedash, A. A., & Rezvushkina, T. A. (2017). National mechanisms of gender equality in Russia and Kazakhstan: Actors, levels, institutional resources. *Bulletin of Karaganda University. Series: History. Philosophy*, 87(3), 25–31. (In Russ)
- Graff, A. (2016). 'Gender ideology': Weak concepts, powerful politics. *Religion and Gender*, 6(2), 268–272.
- Guseletov, B. P., & Velikaya, N. M. (2025). Transformation of party systems in Central Asian countries in the context of strengthening political regimes. *Regionology*, 33(1), 77–90. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.033.202501.077-090> (In Russ)
- Karabayeva, A. (2021). Leaders, ideas, and norm diffusion in Central Asia and beyond. *Asian Journal of Comparative Politics*, 6(1), 25–44. (In Russ)
- Kozik, I. V., & Demetradze, M. R. (2025). Sociocultural status of women in Central Asian states in the Post-Soviet period. In M. A. Bulavina & V. I. Gerasimov (Eds.), *Zhenskoe litso novogo miroponyadka: Materialy pervogo vserossiyskogo simpoziuma (18 marta 2025 goda)* [The female face of the new world order: Proceedings of the first all-Russian symposium (March 18, 2025)] (pp. 55–70). UMTs. (In Russ)
- Kozlova, N. N., Ovcharova, O. G., & Rassadin, S. V. (2022). State family policy in the constituent entities of the Russian Federation: Official and civil discourses in regions with a tendency to increase the birth rate. *Bulletin of South Russian State Technical University. Series: Socio-Economic Sciences*, 15(1), 124–134. (In Russ)
- Lomova, T. E. (2021). Women's organizations as a segment of civil society in modern Russia. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 14(2), 124–142. (In Russ)
- Malysheva, D. B. (2018). Political processes in the republics of Post-Soviet Central Asia. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 11(3), 36–52. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2018-11-3-36-52> (In Russ)
- Mekebaeva, M. A. (2018). On the issue of studying gender issues in Kazakhstan. *Bulletin of Kazakh State Pedagogical University*, (1), 103–108. (In Russ)
- Memesheva, L. A. (2020). Gender equality as one of the factors of socio-economic development of Uzbekistan. *Bulletin of Science and Practice*, 6(7), 257–261. (In Russ)
- Milovanova, M. Yu. (2025). Socio-gender potential of new Eurasian integration. In M. A. Bulavina & V. I. Gerasimov (Eds.), *Zhenskoe litso novogo miroponyadka: Materialy pervogo vserossiyskogo simpoziuma (18 marta 2025 goda)* [The female face of the new world order: Proceedings of the first all-Russian symposium (March 18, 2025)] (pp. 126–133). UMTs. (In Russ)

- Mogilevskiy, R. (2021). *Rynok truda i tekhnologicheskoe razvitie v Tsentral'noy Azii* [Labor market and technological development in Central Asia]. *Doklad Instituta gosudarstvennogo upravleniya i politiki Universiteta Tsentral'noy Azii*, (58), 1–45. (In Russ)
- Musurmankulov, F. U., & Berdalieva, G. A. (2016). The role of women in the spiritual life of the Republic of Uzbekistan. *Young Scientist*, (13), 632–634. (In Russ)
- Nisnevich, Yu. A., & Ryabov, A. V. (2017). Post-Soviet authoritarianism. *Social Sciences and Contemporary World*, (4), 84–97. (In Russ)
- Osmonova, D. A. (2018). Features of contradictions and interaction of gender and religion in modern Central Asia. *International Journal of Applied and Fundamental Research*, (11), 170–171. (In Russ)
- Rostovskaya, T. K., Shabunova, A. A., Arkhangelskiy, V. N., et al. (2025). *Demograficheskoe samochuvstvie regionov Rossii: Natsional'nyy demograficheskiy doklad – 2024* [Demographic well-being of Russian regions: National demographic report – 2024]. Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. (In Russ)
- Ryabova, T. B. (2001). Gender stereotypes and gender stereotyping: Methodological approaches. *Woman in Russian Society*, (3-4), 3–12. (In Russ)
- Sillaste, G. G. (2020). Labor market, employment and professions as an economic space for the formation of a new gender order. *Woman in Russian Society*, (2), 38–51.
- Sobirova, D. T., & Ganieva, M. A. (2016). Protection of women's interests in independent Uzbekistan. *Fundamental and Applied Research: Problems and Results*, (4), 36–39. (In Russ)
- Tartakovskaya, I. (2000). The changing representation of gender roles in the Soviet and Post-Soviet press. In S. Ashwin (Ed.), *Gender, state and society in Soviet and Post-Soviet Russia* (pp. 118–136). Routledge.
- Velikaya, N. M. (2018). Women vs feminists: Paradoxes of gender discourse in Russia. In O. V. Gaman-Golutvina, L. V. Smorgunov, & L. N. Timofeeva (Eds.), *Politika razvitiya, gosudarstvo i novyy poryadok: Materialy VIII Vserossiyskogo kongressa politologov* [Politics of development, state and new order: Proceedings of the 8th All-Russian Congress of Political Scientists] (pp. 107–108). Aspekt-Press. (In Russ)
- Velikaya, N. M., & Knyazkova, E. A. (2021). Women's reproductive rights in the political discourse of modern Russia. *Woman in Russian Society*, (5), 25–37. (In Russ)
- Velikaya, N. M., & Ovcharova, O. G. (2018). Gender rhetoric against the background of the conservative turn in modern Russia. In *Intelligentsiya i problemy sotsiokul'turnoy modernizatsii sovremennogo obshchestva: Materialy XII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "Baykal'skaya vstrecha"* [Intelligentsia and problems of socio-cultural modernization of modern society: Proceedings of the 12th International Scientific Conference "Baikal Meeting"] (pp. 29–34). Buryat State University. (In Russ)
- Velikaya, N., & Rodionova, M. (2025). Reproductive right vs reproductive responsibilities: Particularities of political gender discourse in Russia in the context of the population crisis. *Power Asymmetries: Gender, Ideology and Democracy*, (2), 69–96. (In Russ)
- Vinogradov, A. V., & Ryabov, A. V. (2019). Political systems of Post-Soviet states and China in the process of intersystem transformation. *Polis. Political Studies*, (3), 69–86.
- Voronina, O. V. (2013). Gender equality policy in modern Russia: Problems and contradictions. *Woman in Russian Society*, (3), 12–20. (In Russ)

Для цитирования: Великая Н. М. Женщины в публичном дискурсе России, Казахстана и Узбекистана в контексте трансформации политических режимов в XXI веке (сравнительный анализ) / Н. М. Великая // PolitBook. – 2026. – № 2. – С. 60-82. – DOI 10.24412/2227-1538-2026-2-60-82.

О.А. Волкова**O. Volkova****СОЦИАЛЬНО-
ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ
ДИВЕРГЕНЦИЯ В
СТРАНАХ
ПОСТСОВЕТСКОГО
ПРОСТРАНСТВА:
КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ
НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА
ДИНАМИКИ СОЦИАЛЬНО-
ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ
ПОКАЗАТЕЛЕЙ****SOCIAL AND
DEMOGRAPHIC
DIVERGENCE IN THE
POST-SOVIET
COUNTRIES:
CONCEPTUALIZATION
BASED ON THE ANALYSIS
OF THE DYNAMICS OF
SOCIO-DEMOGRAPHIC
INDICATORS****Аннотация**

В статье представлен анализ динамики ключевых социально-демографических показателей рождаемости, смертности, ожидаемой продолжительности жизни и миграции в 2014–2024 гг. в странах СНГ. В рамках исследования концептуализируется понятие социально-демографической дивергенции применительно к постсоветскому региону: оно трактуется как устойчивое расхождение уровней и тенденций демографического развития между европейскими, закавказскими и центрально-азиатскими подсистемами. Источниковую базу исследования составляют данные Межгосударственного статистического комитета СНГ и национальных статистических ведомств. В работе используются методы сравнительного и ретроспективного анализа, статистического описания и межстранового сопоставления динамики показателей. На этой основе понятие социально-демографической дивергенции операционализируется через систему количественных индикаторов, что позволяет интегрировать результаты разрозненных национальных и индикаторных исследований в единую аналитическую рамку. Обосновано, что центральноазиатские государства в рассматриваемый период сохраняют инерцию социально-демографического роста, европейские страны сталкиваются с системным кризисом депопуляции и старения, частично

Abstract

The article presents an analysis of the dynamics of key socio-demographic indicators of birth rate, mortality, life expectancy, and migration in 2014–2024 in the CIS countries. The study conceptualizes the concept of socio-demographic divergence in relation to the Post-Soviet region: it is interpreted as a persistent divergence in the levels and trends of demographic development between the European, Transcaucasian, and Central Asian subsystems. The study is based on data from the CIS Interstate Statistical Committee and national statistical agencies. The study uses comparative and retrospective analysis, statistical description, and cross-country comparison of indicator dynamics. On this basis, the concept of socio-demographic divergence is operationalized through a system of quantitative indicators, which allows for the integration of the results of disparate national and indicator studies into a unified analytical framework. It is shown that the Central Asian states maintain the inertia of socio-demographic growth during the period under consideration, while European countries face a systemic crisis of depopulation and aging, which is partially compensated by migration, while the South Caucasus occupies an intermediate position, gradually approaching the European model of reduced reproduction.

компенсируемым миграцией, тогда как Закавказье занимает промежуточное положение, постепенно приближаясь к европейской модели суженного воспроизводства. Полученные результаты уточняют понятийный аппарат анализа демографических процессов на постсоветском пространстве и могут быть использованы при разработке дифференцированной демографической политики на межгосударственном и региональном уровнях.

The results obtained clarify the conceptual framework for analyzing demographic processes in the Post-Soviet space and can be used in the development of differentiated demographic policies at the interstate and regional levels.

Ключевые слова:

демография; постсоветское пространство; рождаемость; смертность; продолжительность жизни; миграция; сотрудничество независимых государств; естественный прирост; депопуляция.

Key words:

demography; Post-Soviet space; birth rate; death rate; life expectancy; migration; Commonwealth of Independent States; natural increase; depopulation.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2026-2-83-94>

В настоящее время, на исходе первого тридцатилетия существования Содружества Независимых Государств (СНГ), социально-демографическая картина на постсоветском пространстве представляет собой крайне неоднородный ландшафт (Верняев, 2024). Он сформирован под влиянием разнонаправленных векторов социально-экономического развития, культурно-исторических традиций и геополитических потрясений последних лет (Зангеева, 2024; Худзяляк, 2024). Анализ статистических материалов, охватывающих десятилетний период с 2014 по 2024 гг., позволяет не только зафиксировать текущее положение дел, но и выявить глубинные структурные сдвиги, происходящие в социально-демографической ситуации государств Содружества.

В последние десятилетия постсоветское пространство, в том числе Россия, переживает глубокую трансформацию социально-демографических процессов, проявляющуюся в разнонаправленной динамике рождаемости, смертности, ожидаемой продолжительности жизни и миграции (Молчанов, 2025; Крупко, 2025; Ионцев, 2024). При внешней целостности региона, объединенного общим историческим наследием, страны СНГ демонстрируют всё более выраженный разрыв в моделях воспроизводства населения, по-разному реагируя на затяжные социально-экономические кризисы, пандемические и военно-политические события.

В этой связи актуализируется задача комплексного сопоставления ключевых социально-демографических показателей, который позволит, с одной стороны, выявить устойчивые линии расхождения между европейскими, закавказскими и центральноазиатскими государствами, а с другой показать, каким образом миграционные потоки, усиливая или сглаживая есте-

ственное движение населения, формируют новые контуры социально-демографической карты региона.

Проблема исследования заключается в том, что при очевидном расхождении социально-демографических траекторий постсоветских стран до сих пор не разработана целостная концепция социально-демографической дивергенции, опирающаяся на сопоставимый анализ динамики ключевых социально-демографических показателей (рождаемости, смертности, продолжительности жизни, миграции) в масштабах всего региона. Цель исследования заключается в том, чтобы проследить, как изменение ключевых социально-демографических показателей в странах постсоветского пространства в 2014–2024 гг. приводит к формированию социально-демографической дивергенции между европейскими, закавказскими и центральноазиатскими подсистемами региона.

Научная новизна работы заключается в том, что социально-демографическая дивергенция постсоветских стран вводится и обосновывается как самостоятельная аналитическая конструкция, опирающаяся на совместный анализ динамики рождаемости, смертности, ожидаемой продолжительности жизни и миграции за период 2014–2024 гг. В отличие от существующих исследований, сосредоточенных, как правило, на отдельных показателях или национальных кейсах, в статье предлагается целостное видение постсоветского пространства как системы расходящихся демографических траекторий, что позволяет по новому интерпретировать устойчивое расхождение между европейскими, закавказскими и центральноазиатскими подсистемами региона.

Социально-демографическая дивергенция в странах постсоветского пространства понимается как расхождение в уровнях и тенденциях ключевых демографических показателей между государствами региона. Она проявляется в том, что одни страны закрепляются на векторе устойчивого социально-демографического роста, а другие — на траектории депопуляции и старения населения, и с течением времени разрыв между ними не сокращается, а только лишь усиливается.

Методологической основой исследования выступает сочетание сравнительного и ретроспективного анализа (Кларк, 2021), позволяющее проследить, как изменялись ключевые социально-демографические показатели в странах постсоветского пространства на протяжении 2014–2024 гг. Эмпирическую базу составили официальные статистические данные Межгосударственного статистического комитета СНГ с учетом данных национальных статистических ведомств¹. На основе этих данных были рассчитаны и сопоставлены показатели рождаемости, смертности, ожида-

¹ База данных показателей Статкомитета СНГ «Статистика СНГ». (2026). Межгосударственный статистический комитет СНГ. <https://new.cisstat.org/web/guest/cis-stat-home?iFrameId=44176>.

емой продолжительности жизни, естественного прироста и миграционного сальдо для государств региона.

В исследовании применяются методы статистического описания динамики показателей, межстранового сравнения, а также элементы кластерного подхода, позволяющие группировать страны по типам демографических траекторий и диагностировать формирование зон устойчивого роста и депопуляции. Концептуализация социально-демографической дивергенции опирается на сопоставление темпов и направленности изменений указанных показателей, что дает возможность, не выходя за рамки количественного анализа, выявить линии долгосрочного расхождения между европейскими, закавказскими и центральноазиатскими подсистемами постсоветского пространства.

Наиболее рельефно контраст между рассматриваемыми странами проявляется в динамике общей численности населения. Для государств Центральной Азии, таких как Таджикистан и Узбекистан, характерен устойчивый и интенсивный рост (население Таджикистана увеличилось с 8,1 до 10,2 млн человек, а Узбекистана – с 30,4 до 36,8 млн). А страны Восточной Европы демонстрируют прямо противоположную тенденцию. Население Украины, столкнувшейся с беспрецедентными военно-политическими вызовами, сократилось с 45,2 млн в 2014 году до 40,9 млн в 2022-м (последние доступные данные). Россия, преодолев наивысший пик по количеству жителей в 2019 году (147,8 млн), к 2024 году снова вернулась к показателям начала десятилетия (146,1 млн). При этом Беларусь и Молдова также неуклонно теряют население. Причем если в случае с Беларусью процесс носит плавный характер (с 9,4 до 9,1 млн), то Молдова, с учетом непризнанного Приднестровья, демонстрирует обвальное падение – с 2,8 до 2,4 млн человек, что, несомненно, усугубляется эмиграционным оттоком (табл. 1).

Таблица 1. Динамика численности постоянного населения (тысяч человек, на начало года)¹

Год	Страны									
	Азербайджан	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Молдова	Россия	Таджикистан	Узбекистан	Украина
2014	9 477	3 017	9 444	17 161	5 777	2 869	144 025	8 161	30 493	45 246
2015	9 593	3 011	9 453	17 416	5 895	2 846	146 744	8 352	31 023	42 760
2016	9 706	2 999	9 469	17 670	6 020	2 826	147 182	8 551	31 575	42 591
2017	9 810	2 986	9 470	17 918	6 140	2 781	147 580	8 743	32 121	42 415
2018	9 898	2 973	9 448	18 157	6 257	2 730	147 797	8 931	32 657	42 217
2019	9 951	2 965	9 429	18 396	6 390	2 685	147 841	9 127	33 256	41 984
2020	9 974	2 960	9 410	18 632	6 664	2 644	147 959	9 314	33 905	41 733
2021	10 026	2 963	9 350	18 880	6 790	2 627	147 456	9 717	34 559	41 419
2022	10 063	2 961	9 256	19 503	6 913	2 565	146 980	9 887	35 271	40 998
2023	10 127	2 977	9 201	19 767	7 037	2 492	146 447	10 078	36 025	-
2024	10 181	2 991	9 156	20 034	7 162	2 423	146 151	10 288	36 800	-

В основе столь разительных отличий лежат, прежде всего, параметры естественного воспроизводства. Так, анализ общего коэффициента естественного прироста населения фиксирует наличие в СНГ двух принципиально различных социально-демографических картин. Наблюдается высокий прирост, который характерен, например, для Таджикистана (от 23,8 промилле в 2014 году до 22,0 промилле в 2024-м) и Кыргызстана (хотя и происходит снижение с 21,6 до 15,0 промилле). Однако в целом естественный прирост населения в этих странах на всём рассматриваемом периоде остаётся положительным (значения коэффициента естественного прироста даны со знаком «плюс» и не опускаются ниже нуля). Наблюдаемый прирост населения обеспечивается традиционно высокой рождаемостью, которая, впрочем, демонстрирует тенденцию к постепенному затуханию к 2024 году (табл. 2).

¹ Примечание. Расчет составлен по материалам: База данных показателей Статкомитета СНГ «Статистика СНГ». Межгосударственный статистический комитет СНГ. <https://new.cisstat.org/web/guest/cis-stat-home?iFrameId=44176>.

Таблица 2. Динамика общего коэффициента естественного прироста, промилле¹

Год	Страны									
	Азербайджан	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Молдова	Россия	Таджикистан	Узбекистан	Украина
2014	12,2	5,1	-0,3	15,5	21,6	-0,2	0,2	23,8	18,4	-3,9
2015	11,7	4,6	-0,1	15,3	21,6	-0,3	0,3	24,1	18,6	-4,2
2016	10,6	4,1	-0,2	15,1	20,5	-0,3	0,0	22,7	18,6	-4,4
2017	8,9	3,5	-1,8	14,5	19,4	-0,8	0,9	21,7	17,1	-5,1
2018	5,1	3,6	-2,8	14,6	21,9	-1,0	1,6	22,0	18,6	-6,1
2019	8,7	3,4	-3,5	14,5	21,7	-1,5	2,2	21,8	19,7	-6,6
2020	5,1	0,1	-	13,8	17,9	-3,8	4,8	21,3	19,5	-8,1
2021	3,5	0,8	-	13,9	16,6	-6,2	7,1	18,1	20,9	-11,2
2022	6,2	3,3	-	13,8	17,0	-3,6	4,0	20,1	21,4	-
2023	5,2	4,1	-	12,9	16,2	-3,9	3,5	21,4	21,7	-
2024	4,2	2,7	-6,1	11,6	15,0	-4,1	-	22,0	20,2	-

При этом суммарный коэффициент рождаемости в Таджикистане, достигавший в отдельные годы наиболее высоких показателей (по сравнению с другими странами), все еще остается далеким от уровня простого воспроизводства (то есть устойчиво держится выше него). В Узбекистане, напротив, наблюдается даже некоторый рост показателя суммарный коэффициент рождаемости в последние годы (с 2,5 в 2014-м до 3,4 в 2023-м), что вместе со снижающейся смертностью дает мощный прирост населения.

Совершенно иная ситуация сложилась в европейской части постсоветского пространства. Здесь естественная убыль стала устойчивой тенденцией. В частности, Россия, пройдя через период околонулевых значений в середине 2010-х гг., с 2018 года устойчиво уходит в минус, достигнув пика убыли в ковидном 2021 году (-7,1 промилле). Беларусь, имевшая незначительную отрицательную динамику еще до пандемии, к 2024 году вышла на показатель -6,1 промилле. Украина, даже без учета потерь, связанных с ведением боевых действий, демонстрировала стабильно высокую убыль на уровне

¹ Примечание. Расчет составлен по материалам: База данных показателей Статкомитета СНГ «Статистика СНГ». Межгосударственный статистический комитет СНГ. <https://new.cisstat.org/web/guest/cis-stat-home?iframeId=44176>.

от -3,9 до -6,6 промилле, усугубленную в 2021 году до -11,2. Примечательно, что в Закавказье ситуация балансирует на грани: Азербайджан и Армения, имевшие в начале периода положительный прирост (до 12,2 и 5,1 промилле соответственно), к 2024 году приблизились к отметке (4,2 и 2,7 промилле), что свидетельствует об исчерпании потенциала демографического роста и переходе к европейской модели рождаемости.

Не менее показательной является динамика смертности, ставшая маркером не только качества медицинских услуг, но и глубины социальных проблем (табл. 3).

Таблица 3. Динамика смертности населения, промилле¹

Год	Страны									
	Азербайджан	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Молдова	Россия	Таджикистан	Узбекистан	Украина
2014	5,9	9,2	12,8	7,7	6,1	11,1	13,1	4	4,9	14,7
2015	5,7	9,3	12,6	7,5	5,8	11,2	13	4	4,9	14,9
2016	5,9	9,4	12,6	7,4	5,5	10,8	12,9	3,9	4,9	14,7
2017	5,9	9,1	12,6	7,2	5,4	10,4	12,4	3,6	5	14,5
2018	7,6	8,7	12,7	7,2	5,2	13,8	12,5	3,6	4,7	14,8
2019	5,6	8,8	12,8	7,2	5,2	13,6	12,3	3,6	4,6	14,7
2020	7,6	12,2	-	8,6	6,1	15,4	14,6	4,5	5,1	15,9
2021	7,7	11,6	-	9,6	5,8	17,4	16,7	4	5	18,5
2022	6	9	-	6,8	4,5	14,2	12,9	3,1	4,8	-
2023	5,9	8,2	-	6,6	4,4	13,7	12,1	3,2	4,7	-
2024	5,8	8,4	12,6	6,6	4,4	13,9	-	3,2	4,7	-

Традиционно низкие показатели смертности фиксируются в странах с молодым населением – Таджикистане, Узбекистане, Азербайджане (на уровне 3–6 промилле). Тогда как Россия, Беларусь, Молдова и Украина стабильно имеют показатели выше 12–13 промилле. Однако пандемия коронавируса внесла катастрофические коррективы в эту картину. Практически все страны испытали резкий всплеск смертности в 2020–2021 годах. В Армении общий коэффициент смертности подскочил с 8,8 в 2019-м до 12,2 в 2020-м,

¹ Примечание. Расчет составлен по материалам: База данных показателей Статкомитета СНГ «Статистика СНГ». Межгосударственный статистический комитет СНГ. <https://new.cisstat.org/web/guest/cis-stat-home?iframeId=44176>.

в Молдове – с 13,6 до 15,4, а в России – с 12,3 до 14,6. Особенно выделяется Украина, где в 2021 году смертность достигла 18,5 промилле – одного из самых высоких показателей в Содружестве за всю историю наблюдений. Казахстан, несмотря на относительно благополучную динамику предшествующих лет, также ощутил удар пандемии: показатель смертности в этой стране вырос с 7,2 в 2019-м до 8,6 в 2020-м и 9,6 в 2021-м.

На фоне колебаний общей смертности младенческая смертность, напротив, демонстрирует устойчивый тренд к снижению, что является безусловным достижением систем здравоохранения всех стран СНГ. Так, в Азербайджане она упала с 10,2 промилле в 2014 году до 7,5–7,8 в 2021–2022 годах, хотя и наблюдался аномальный всплеск до 18,1 в 2023-м, требующий отдельного анализа. Казахстан снизил этот показатель более чем втрое по сравнению с началом 1990-х, достигнув 6,8 промилле в 2024-м. Россия, одна из первых столкнувшаяся с проблемой высокой младенческой смертности в 1990-е гг., сегодня имеет один из лучших показателей в СНГ – 4,2 промилле (2023 год). И лидером по этому показателю по-прежнему остается Беларусь с самыми низкими цифрами – около 2,9 промилле в последние годы.

Закономерным отражением уровня смертности выступает показатель ожидаемой продолжительности жизни (табл. 4).

Таблица 4. Динамика продолжительности жизни, лет¹

Год	Страны									
	Азербайджан	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Молдова	Россия	Таджикистан	Узбекистан	Украина
2014	74,2	75	73,2	71,5	70,4	71,5	70,9	73,4	73,4	71,4
2015	75,2	75	73,9	72	70,6	71,5	71,4	73,6	73,6	71,4
2016	75,2	75	74,1	72,3	70,9	72,2	71,9	73,7	73,8	71,7
2017	75,4	75,4	74,4	72,9	71,1	73,2	72,7	74,9	73,7	72
2018	75,8	75,9	74,5	73,2	71,3	70,6	72,9	75	74,6	71,8
2019	76,4	76,5	74,5	73,2	71,5	70,9	73,3	75,1	75,1	72
2020	73,2	73,5	-	71,4	71,9	69,8	71,5	-	73,4	71,4
2021	73,6	72,4	-	72,4	71,8	69	70,1	-	73,8	69,8
2022	76	75,1	-	74,4	71,9	71,4	72,7	76,3	74,3	-
2023	76	77,7	-	75,1	72	71,9	73,4	76,5	74,7	-
2024	76,9	78,6	-	75,4	72,1	72	-	76,2	75,1	-

¹ Примечание. Расчет составлен по материалам: База данных показателей Статкомитета СНГ «Статистика СНГ». Межгосударственный статистический комитет СНГ. <https://new.cisstat.org/web/guest/cis-stat-home?iframeId=44176>.

И здесь разрыв между странами также является большим. Армения и Азербайджан в 2023–2024 гг. вышли на показатели, превышающие 76–78 лет, приближаясь к стандартам развитых европейских стран, причем женское население в Закавказье уверенно перешагивает 80-летний рубеж (в Армении в 2023 году – 81 год). Высокие позиции сохраняет Беларусь (около 74 лет, хотя данные за последние годы фрагментарны). В то же время Россия, преодолев пандемийный провал (падение до 70,1 года в 2021-м), смогла восстановиться до 73,4 года в 2023-м.

Наиболее драматично выглядит ситуация в Молдове, где продолжительность жизни мужчин, не поднимаясь выше 69 лет за весь период, остается крайне низкой, что вкупе с высокой эмиграцией формирует образ «стареющей и убывающей нации». Примечательно, что гендерный разрыв в продолжительности жизни, будучи традиционно высоким для постсоветских стран (в России и Беларуси он в некоторые годы достигает даже 10–11 лет в пользу женщин), в Закавказье и Центральной Азии несколько ниже, составляя 5–7 лет, что может косвенно свидетельствовать о меньшем распространении деструктивных моделей мужского поведения.

Было бы неполным анализировать социально-демографическую ситуацию исключительно через призму естественного движения населения, игнорируя мощнейший фактор миграции. Миграционное движение населения (как внутри страны, так и за ее пределами) с десятилетиями приобретает все более высокое значение (табл. 5).

Таблица 5. Миграционный прирост населения

Год	Страны									
	Азербайджан	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Молдова	Россия	Таджикистан	Узбекистан	Украина
2014	1,1	-21,8	15,7	-12,2	-7,7	-24,7	0	-5,7	-38,6	22,6
2015	1,1	-25,9	18,5	-13,5	-4,2	-21,3	245,4	-4,8	-29,3	14,2
2016	1,5	-24,9	7,9	-21,6	-3,9	-45,9	262	-4,3	-26,2	10,6
2017	1,2	-24	3,9	-22,1	-3,9	-49,4	211,8	-3,7	-18,6	12
2018	1,6	-18,2	9,4	-29,1	-5,4	-41,8	124,9	-3,1	-14,7	18,6
2019	0,4	-15,4	13,9	-33	-6,2	-38,2	285,1	-13,6	-10,7	21,5
2020	1,1	3,3	-	-17,7	-4,9	-7,2	106,5	-7,9	-12,5	9,3
2021	1,8	-4,1	-	-21,2	-0,8	-45,4	429,9	-7,3	-18,3	21,3
2022	1,8	6,1	-	-6,7	5,9	-63,6	61,9	-8,8	-6,5	-
2023	1,2	41,4	-	9,3	9,8	-59,6	203,6	-	-14,4	-
2024	0,7	-	-	16,6	11,2	-32,1	-	-	-8,6	-

Миграционный прирост населения (или, даже чаще, убыль) стал для многих стран проблемой, обнуляющей любые надежды на стабилизацию численности населения стран и регионов. Традиционные доноры мигрантов – Таджикистан, Кыргызстан, Узбекистан – стабильно теряют население за счет выезда своих граждан из родной страны. За десятилетие отрицательное сальдо миграции для Узбекистана составило десятки тысяч человек ежегодно. Армения, пережившая пик оттока в 1990-х гг., в последние годы демонстрирует неустойчивую динамику: от огромного оттока в 2010-х гг. до неожиданного притока иностранцев (и возвращением армян на родину) в 2023-м г. Это, вероятно, связано с наплывом релокантов из России и Украины. Следует отметить, что Россия, будучи главным центром притяжения мигрантов на пространстве СНГ, традиционно имела положительное сальдо, однако в отдельные годы (2014, 2020) оно обнулялось или снижалось, а постпандемийный 2021 г. принес рекордный прирост, сменившийся спадом.

Наибольшую тревогу вызывает миграционная ситуация в Молдове. Начиная с 2014 года, страна ежегодно теряет население. И масштабы убытия не имеют тенденции к снижению, что в масштабах трехмиллионной страны является социально-демографической проблемой, сводящей на нет естественное воспроизводство местного населения. Украина, даже в относительно мирном 2019 году, теряла за счет миграции большую долю населения, а с началом военных действий статистика, очевидно, фиксирует наибольшую миграционную убыль.

Подводя итог, следует констатировать, что постсоветское пространство переживает фазу глубокой социально-демографической дивергенции. Она проявляется в расхождении показателей и тенденций изменения в разных социально-демографических группах и территориях, что приводит к росту различий между ними. При этом центральноазиатский регион на сегодняшний день сохраняет инерцию роста, базирующуюся на традиционно высокой рождаемости и постепенном снижении смертности. Закавказье в настоящее время балансирует на грани перехода к суженному воспроизводству, все более приближаясь к европейским реалиям. Европейские же государства СНГ (Россия, Украина, Беларусь, Молдова) столкнулись с системным кризисом депопуляции, усугубленным как социально-экономическими факторами, так и беспрецедентными эпидемиологическими и военно-политическими причинами. И в сложившихся условиях миграция из азиатских республик в европейские страны выступает своего рода буфером, частично компенсирующим убыль населения в странах-реципиентах, но одновременно формирующим новые вызовы для социальной и этнокультурной политики принимающих государств. Дальнейшее развитие ситуации будет зависеть от способности правительств адаптировать социальные институты к новым социально-демографическим реалиям, включая старение населения и трансформацию моделей семьи.

Практическая значимость проведённого анализа состоит в том, что он даёт основанное на сравнительных данных представление о масштабах и направлениях социально-демографической дивергенции внутри СНГ, позволяя более адресно формировать меры демографической и социальной политики. Выявляя страны и подсистемы, находящиеся в зоне устойчивой депопуляции населения, а также регионы с сохраняющейся демографической инерцией его роста, исследование создаёт эмпирическую базу для дифференциации государственных стратегий. Это комплекс мероприятий, начиная от поддержки рождаемости и снижения избыточной смертности до управления миграционными потоками и адаптации социальных институтов к общему старению населения. Полученные результаты исследования могут быть использованы при разработке долгосрочных программ демографического развития, корректировке национальных проектов и согласовании межгосударственных инициатив в рамках СНГ.

Отдельного внимания заслуживает возможность использования полученных результатов на уровне внутринациональной, региональной демографической политики, поскольку за средними по каждой стране показателями нередко скрывается разнонаправленная динамика развития субъектов и крупных городских агломераций. Сопоставление траекторий рождаемости, смертности, ожидаемой продолжительности жизни и миграции позволяет региональным органам власти точнее идентифицировать зоны риска депопуляции, старения и миграционного оттока, выбирая не универсальные, а дифференцированные меры поддержки местного населения. Тем самым результаты исследования могут служить эмпирической основой для адаптации региональных программ развития, настройки институтов здравоохранения, социальной защиты и занятости к специфическим социально-демографическим вызовам отдельных территорий.

Перспективы дальнейшего изучения рассматриваемой тематики связаны, во-первых, с углублением анализа факторов, лежащих за агрегированными показателями рождаемости, смертности, продолжительности жизни и миграции, включая ценностные установки, институциональные изменения и последствия демографических переходов. Во-вторых, целесообразным представляется развитие межстрановых и внутривострановых сравнений, позволяющих проследить, как демографическая политика, функционирование институтов и социально-экономические условия модифицируют траектории социально-демографической дивергенции на постсоветском пространстве. Наконец, важным направлением становится построение комплексных социально-демографических прогнозов и моделей, учитывающих взаимодействие естественного движения и миграции, что позволит более обоснованно разрабатывать долгосрочные стратегии социально-экономического и пространственного развития стран и регионов СНГ.

Литература

Clark, A. E. (2021). Demography and Well-Being. *Vienna Yearbook of Population Research*, 19, 23–28.

Hudzelyak, I. (2024). Demographic development of the countries of Northern Europe: current trends for the Ukrainian experience. *Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Серія: Геологія. Географія. Екологія*. 61, 166–179.

Верняев, И. И. (2024). Историческая динамика благосостояния республик СССР в свете антропометрических данных: конвергенция или дивергенция? *Журнал фронтирных исследований*. 9(35), 143–174.

Зангеева, Н. Р. & Батомункуев В. С., Ульзетуева А. Д. (2024). Динамика демографического развития регионов Азиатской части России. *Географический вестник*, 4(71), 79–90.

Ионцев, В. А. & Узкая Ю. А. (2024). Евразийский путь демографического развития в России как вызов глобально-либеральной модели демографического перехода. *Уровень жизни населения регионов России*, 20(4) 597–611.

Крупко, А. Э. & Нестеров Ю. А., Михайлов К. М. (2025). Типология регионов России по динамике населения за постсоветское время и демографическая безопасность страны. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: География. Геоэкология*, (3), 30–38.

Молчанов И. Н., & Отарова К. В. (2025). Особенности демографического развития России в постсоветский период. *Народонаселение*, 28 (3), 113–124. <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2025-3-113-124>

References

Clark, A. E. (2021). Demography and well-being. *Vienna Yearbook of Population Research*, 19, 23–28.

Hudzelyak, I. (2024). Demographic development of the countries of Northern Europe: Current trends for the Ukrainian experience. *Bulletin of V. N. Karazin Kharkiv National University. Series: Geology. Geography. Ecology*, 61, 166–179.

Iontsev, V. A., & Uzskaya, Yu. A. (2024). Eurasian path of demographic development in Russia as a challenge to the global-liberal model of demographic transition. *Standard of Living of the Population of Russian Regions*, 20(4), 597–611.

Krupko, A. E. & Nesterov, Yu. A., & Mikhailov, K. M. (2025). Typology of Russian regions by Post-Soviet population dynamics and demographic security of the country. *Bulletin of Voronezh State University. Series: Geography. Geoecology*, (3), 30–38.

Molchanov, I. N., & Otarova, K. V. (2025). Features of demographic development of Russia in the Post-Soviet period. *Population*, 28(3), 113–124. <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2025-3-113-124>

Vernyaev, I. I. (2024). Historical dynamics of welfare of USSR republics in light of anthropometric data: Convergence or divergence? *Journal of Frontier Studies*, 9(35), 143–174.

Zangeeva, N. R., & Batomunkuev, V. S., & Ulzetueva, A. D. (2024). Dynamics of demographic development of regions of the Asian part of Russia. *Geographical Bulletin*, 71(4), 79–90.

Для цитирования: Волкова О.А. Социально-демографическая дивергенция в странах постсоветского пространства: концептуализация на основе анализа динамики социально-демографических показателей / О.А. Волкова // PolitBook. – 2026. – № 2. – С. 83–94. – DOI 10.24412/2227-1538-2026-2-83-94.

Р.А. Татаров**R. Tatarov****ПРИДНЕСТРОВСКАЯ
ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК
ИСТОЧНИК
ФОРМИРОВАНИЯ И
РЕАЛИЗАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫХ
ИНТЕРЕСОВ СТРАНЫ****PRIDNESTROVIAN
IDENTITY AS A SOURCE
OF FORMATION AND
REALIZATION OF THE
COUNTRY'S NATIONAL
INTERESTS****Аннотация**

В статье исследуются особенности формирования приднестровской идентичности и характер обретения источников реализации национальных интересов Приднестровской Молдавской Республики, поднимаются вопросы актуализации «концепта национальных интересов» в условиях отсутствия международно-правового признания. Целью исследования стала концепция политической идентичности и ее влияние на национальные интересы Приднестровья. Отмечается, что процесс государственного строительства Приднестровья сопровождался появлением национальных интересов, которые строились на основе складывающейся идентичности. Представленные в работе теоретико-методологические подходы конструктивистов, а также приднестровских исследователей позволяют более детально осмыслить идентичность сквозь призму государственного строительства. Анализируя характер самоопределения Приднестровья в начале 1990-х гг., определяется специфика приднестровской идентичности, которая обладает функциями координации национальных интересов, мобилизации их ресурсов и является источником политической модернизации. С момента становления приднестровской государственности были и остаются свойственные ей типы идентичности – гражданская и региональная. Отражая характер их проявления в рамках национальных интересов, отмечается политико-правовое оформление этого концепта в приднестров-

Abstract

The article examines the peculiarities of the formation of the Pridnestrovian identity and the nature of the acquisition of sources of realization of the national interests of the Pridnestrovian Moldavian Republic, raises issues of actualization of the "concept of national interests" in the absence of international legal recognition. The purpose of the study was the concept of political identity and its impact on the national interests of Pridnestrovie. It is noted that the process of state building of Pridnestrovie was accompanied by the emergence of national interests, which were built on the basis of an emerging identity. The theoretical and methodological approaches presented in the work by constructivists, as well as Pridnestrovian researchers, allow for a more detailed understanding of identity through the prism of state-building. Analyzing the nature of Pridnestrovie's self-determination in the early 1990s, the specifics of Pridnestrovian identity are determined, which has the functions of coordinating national interests, mobilizing their resources and is a source of political modernization. Since the formation of the Pridnestrovian statehood, there have been and still are its characteristic types of identity – civil and regional. Reflecting the nature of their manifestation within the framework of national interests, the political and legal formalization of this concept in Pridnestrovian reality is noted, which is accompanied by the intensification of external processes, therefore, the key question is the ability to mobilize foreign policy potential to realize the nation-

ской действительности, который сопровождается интенсификацией внешних процессов, поэтому ключевым становится вопрос о способности мобилизации внешнеполитического потенциала для реализации национальных интересов республики. Определяется характер вовлечения внешних акторов в процесс реализации национальных интересов Приднестровья. Делается вывод, что именно национальные интересы стали фактором обеспечения сохранения приднестровской идентичности и реализации курса на обретение механизмов защиты суверенитета приднестровского государства.

al interests of the republic. The nature of the involvement of external actors in the process of realizing the national interests of Pridnestrovie is determined. It is concluded that it is precisely national interests that have become a factor in ensuring the preservation of Pridnestrovian identity and the implementation of a course towards acquiring mechanisms to protect the sovereignty of the Pridnestrovian state.

Ключевые слова:

национальные интересы, гражданская идентичность, региональная идентичность, самоопределение, суверенизация, приднестровская идентичность.

Key words:

national interests, civil identity, regional identity, self-determination, sovereignization, Pridnestrovian identity.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2026-2-95-107>

В научно-политологическом дискурсе категория идентичность применительно к национальным интересам страны вызывала и продолжает вызывать дискуссии, причем речь идет не только о спорах относительно взаимозависимости этих двух категорий, но и о предметном содержании каждой из них в условиях, когда в международных отношениях существует фактическое неравенство их участников. Вместе с тем мы согласны с мнением, что политическая идентичность служит нормой формирования и реализации национальных интересов страны, является маркером поведения государства на международной арене (Katzenstein, 1996). Кроме того, в современных условиях, независимо от международно-правового статуса, государства, стремящиеся проводить суверенную внешнюю политику, ориентируются в первую очередь на осознание своего «я», являющегося источником цивилизационных, культурных, социальных, экономических и других границ (Neumann, 1996). В этом контексте мнение А. Вендта о том, что «большинство идентичностей активируются избирательно в зависимости от ситуаций» (Wendt, 2003) может применяться в качестве индикатора наличия национальных интересов в государствах, которые не признаны международным сообществом, но фактически являются участниками международных и региональных процессов. Также А. Вендт отмечал второстепенную роль социального взаимодействия формирования как личных, так и корпоративных идентичностей, уделяя особое внимание их образованию «изнутри», т.е.

осознанию своего «я» (Wendt, 2003). Вместе с тем, А. Вендт указывает на появление новых эмоций, когнитивных функций и способности сознания, которые нельзя сводить к обычным возможностям их граждан, определяя сумму факторов, оказывающих влияние на идентификацию (Wendt, 2004; Wendt, 2015).

Идентичность может рассматриваться как основополагающая категория национальных интересов, позволяющая понять место государства в международных и региональных процессах. Однако, возникает закономерный вопрос о критериях непризнанности и места в ней национальных интересов. Американский исследователь С. Хантингтон отмечает, что появление национальной идентичности может сопровождаться процессом «вырастания» национальных интересов (Хантингтон, 2004), которые, по нашему мнению, формируют представление о специфике в условиях неокончательно оформившегося международно-политического статуса. С одной стороны, «вырастание» является инициативой «снизу», с другой ее институционализируют «верхи».

В условиях, когда конфликт между Молдовой и Приднестровьем окончательно неурегулирован, на первый план выносится вопрос безопасности, который выступает краеугольным камнем сложившейся после 1990-х гг. идентичности и выстроенных на ее основе национальных интересах (Леонтьева, 2024). В этой связи идея Р. Эмерсона о том, что: «Общество стремится овладеть государством как политическим институтом, с помощью которого она может защитить и утвердить себя» становится индикатором наличия или отсутствия национальных интересов, которые выступают показателем суверенного курса государства (Emerson, 1960). Л.М. Дробижева дополняет мысль Р. Эмерсона идеей, что «это тип государств с либеральной демократией, где государство – для народа. Потому государственная идентичность в таких странах практически совпадает с гражданской» (Дробижева, 2006).

Неоднократно предпринимались и продолжают предприниматься попытки осмыслить характер национальных интересов Приднестровья и место приднестровской идентичности в условиях суверенизации республики с привязкой к конкретно-историческим событиям и актуальной проблематике. Вместе с тем, мы отмечаем, что сложный и многогранный феномен приднестровской идентичности в теоретико-методологических подходах приднестровских экспертов не лишен лакун, которые не содержат в своей структуре взаимосвязь национальных интересов и политической идентичности.

Характер приднестровских национальных интересов и место в этом процессе идентичности не часто поднимался в работах приднестровских исследователей. Имеющиеся исследования по своей природе определяют по-

этапность построения приднестровской государственности и отмечают, что отсутствие этнократического руководства, отсутствие официального объявления титульных этносов, а также характер государственного строительства привели к консолидации приднестровцев на межэтнической основе.

Являясь ключевым источником формирования национальных интересов, в особенности реализации внешнеполитического курса Приднестровья, некоторые исследователи выделяют ее внешнеполитическую идентичность. Например, об этом подробно пишет в своей статье министр иностранных дел ПМР В.В. Игнатъев, отмечая, что внешнеполитическая идентичность представляет собой устойчивую систему символов, практик и стратегий, через которые осуществляется ее (Приднестровской Молдавской Республики) позиционирование на международной арене (Игнатъев, 2025).

Учитывая тот факт, что национальные интересы государства лежат в основе его внешнеполитического курса, можно выдвинуть предположение не только об их взаимосвязи, но и взаимодополнении. С одной стороны, меняющаяся внешняя конъюнктура заставляет корректировать внешнюю политику государства, с другой, – на этом фоне происходит наполнение национальных интересов новыми производными, которые в конечном итоге формируют внешнеполитический потенциал государства.

Генезис приднестровской государственности демонстрирует тесную связь между идентичностью и характером формирования и реализации национальных интересов. В этой связи А.В. Ватаман справедливо отмечает, что национальные интересы не могут существовать независимо от сознания их носителей и имеют тесную взаимосвязь с идентичностью. В условиях многонационального государства это связано с социальной идентичностью (Ватаман, 2017, С. 96).

В научно-политическом дискурсе мы принимаем тезис о том, что приднестровская идентичность начала формироваться задолго до обретения суверенного статуса Приднестровья, распад СССР привел к закономерному завершению политико-правового оформления идентичности Приднестровья, а война 1992 года укрепила этот процесс (Степанов, 2015). В достаточно короткие сроки была сформирована политическая элита Приднестровья, появились национальные интересы республики, которые были направлены на защиту и укрепление суверенного статуса Приднестровья. Следует отметить, что на политическую элиту, как на проводника реализации национальных интересов республики, ложится особая ответственность, поэтому, для того чтобы проводимый политический курс был легитимен в Приднестровье задействованы такие демократические процессы как выборы, референдумы, сходы, которые зафиксированы в Конституции государства.

Дезинтеграционные процессы, охватившие пространство Советского Союза в конце 1980-х в начале 1990-х гг., сопровождалась суверенизацией союзных республик, бывших в составе единого государства. Эти тенденции охватили все пространство Советского Союза, включая автономные республики и территории, которые не обладали суверенным статусом внутри СССР, но выступили за его сохранение, против распространения национализма.

Такого рода тенденции проявились и на территории Молдавской ССР, которая до 1990 года включала в себя и территорию современного Приднестровья. Тогда, в ходе местных референдумов, инициированных в ответ на принятие Кишиневом такого документа как: Декларация о суверенитете Советской Социалистической Республики Молдова, в которой объявлялось о фактическом выходе Молдовы из СССР; Заключение комиссии Верховного Совета МССР по политико-юридической оценке советско-германского Договора о ненападении и дополнительного секретного протокола от 23 августа 1939 года и их последствий для Бессарабии и Северной Буковины, которыми данный акт был признан не имеющим юридической силы. В результате территория Приднестровья, бывшая с 1924 до 1940 гг. частью Молдавской Автономной ССР, выводилась за правовые рамки Молдовы. Таким образом, были заложены основы для того, чтобы приднестровская идентичность выступила в качестве основания суверенизации приднестровского государства. Сработал своеобразный защитный механизм против размывания идентичности. Высокая политическая активность жителей Приднестровья позволила не допустить утраты своей идентичности и формирующихся национальных интересов. Следует отметить, что события в период становления приднестровской государственности оказали большое влияние на будущий политический курс, поскольку приднестровская идентичность впитала в себе элементы охранительного курса, связанного с защитой существующих ценностей, принципов и символов, которые лежали и продолжают находиться в основе самоопределения Приднестровья.

В современном дискурсе на национальные интересы Приднестровья и их реализацию оказывает влияние и полемика о характере приднестровской идентичности. Например, ориентированные на западный вектор развития исследователи утверждают, что приднестровская идентичность строится на антирумынских тезисах и направлена на противостояние идее объединения Молдовы и Румынии (Popescu, 2013).

Представители молдавенистского течения указывают на то, что приднестровская идентичность строится на защите молдавской идеи и противостоит кишиневскому румынскому шовинизму.

Приднестровская идентичность представляет собой самостоятельное явление, отражающее по своей природе процесс формирования приднестровского народа, как культурно-исторической общности, закономерным результатом которого стало обретение суверенитета Приднестровской Молдавской Республики в 1990 году и обретение национальных интересов, включая механизмы их достижения.

Под национальными интересами мы понимаем стратегически значимые интересы общности – приднестровский народ, закрепленные в законодательстве Приднестровья, нацеленные на реализацию его волеизъявления, высказанного в ходе референдумов. Вместе с тем мы допускаем, что приднестровская идентичность – это многогранное понятие и оно подвержено включению в свою структуру дополнительных элементов, исходя из меняющихся политических реалий.

Безусловно, базовые параметры приднестровской идентичности были заложены в далеком прошлом, а ее носителем стал народ, проживающий на территории Приднестровья в разные исторические периоды. Вместе с тем, именно в переломный период краха советской государственности приднестровская идентичность обрела собственные характеристики и собственный уникальный тип, в основе которого лежат историческая самобытность, легитимизация курса на построение самодостаточного суверенного государства, тесно переплетенная с мобилизационной формой политического участия, связанного с сопротивлением внешним источникам давления, а также стремление к обеспечению социальной справедливости, экономической самодостаточности и политической стабильности – параметрам, лежащим в основе Стратегии развития Приднестровья на 2019-2026 гг.

Суверенизация Приднестровской Молдавской Республики происходила параллельно процессу обретения национальных интересов, которые строились на основе идентичности.

Дальнейшее государственное строительство Приднестровья привело к формированию развитой политической системы, которая позволяет говорить о выработке национальных интересов и механизмов их достижения. К этим политико-правовым и историческим основам обращаются политические элиты Приднестровья и на современном этапе, обосновывая право приднестровского народа на самоопределение и реализацию суверенного внешнеполитического курса.

Оценивая исторические основы формирования национальных интересов Приднестровья, безусловно, следует отметить, что до настоящего времени проблема урегулирования молдо-приднестровских отношений находится в замороженном состоянии без окончательного урегулирования конфликта.

Формула «цивилизованного развода» двух государств, неоднократно звучавшая из Тирасполя, так и осталась нереализованной.

Исторический анализ показывает, что для Приднестровской Молдавской Республики в процессе обретения независимости было свойственно сочетание региональной и гражданской идентичности, что особенно проявляется в характере формирования и реализации национальных интересов республики:

Во-первых, национальные интересы Приднестровья всегда были и остаются ориентированными на достижение внешнеполитических целей мирным путём, на нерушимость ранее достигнутых договоренностей. На современном этапе стратегическая региональная стабильность выступает в качестве одного из главных приоритетов республики, способного сохранить суверенный статус Приднестровской Молдавской Республики. В этом контексте, учитывая многонациональность народа Приднестровья и его отождествление себя в качестве носителя суверенитета и источника реализации национальных интересов, происходит консолидация национальных и этнических групп, на основе стремления обеспечить стабильность и безопасность Приднестровья, его мирное развитие. В этом процессе, безусловно важное место занимают национальные общины (русские, украинцы, молдаване, гагаузы, евреи, поляки и др.). Их сотрудничество по линии официальных институтов, таких как Общественная палата ПМР, общественные советы городов и районов республики, позволяет выступать с совместными заявлениями в адрес приднестровских органов власти, а также в адрес иностранных государств, с которыми Приднестровье ведет сотрудничество.

Во-вторых, приднестровская гражданская идентичность служит объединяющим началом в процессе реализации национальных интересов Приднестровья, действенным механизмом легитимизации курса на обретение путей дальнейшего развития в рамках внешнеполитической деятельности.

Для Приднестровской Молдавской Республики региональная идентичность подчеркивает принадлежность приднестровского народа к определенной территории и выступает основой гражданской идентичности, которая строится на идее совместного достижения интересов государства без привязки к фактору национальной принадлежности. Особенно проявляется этот фактор в контексте конструирования стратегических направлений внешней политики.

Таким образом, на современном этапе национальные интересы Приднестровья ориентированы, прежде всего на мирное разрешение молдавско-приднестровских отношений и укрепление международной правосубъектности республики, путем международного признания, и предполагают более

глубокую вовлеченность в международные процессы, а также поддержку участия Приднестровья в работе международных политических институтов.

В основе приднестровской идентичности лежат и цивилизационные аспекты. Неурегулированный с начала 1990-х гг. конфликт Молдовы и Приднестровья является конфликтом экзистенциальным по своей сути. В его основе исторически сложившиеся разные ценности, разные цивилизации. Территория Молдавии формировалась под сильным влиянием романо-германской цивилизации, что, безусловно, отразилось на языке, культуре и обычаях молдавского народа. Территория Приднестровья же, будучи пограничной территорией между романо-германским и православно-славянским миром долгое время находилась в составе Российской империи, а позже была частью Советского Союза, впитав в себя культурно-исторические особенности Русского мира и православно-славянской цивилизации.

Исходя из природы национальных интересов Приднестровья, мы можем выделить и трансграничный характер ее идентичности, выражающийся в смещении этнических, культурных и языковых групп, на основе ее поликонфессиональности и ориентированности на мирное существование, на мирное созидательное развитие. Безусловно, на формирование специфики приднестровской идентичности оказали влияние исторические факторы. Как отметила профессор А.З. Волкова: ««Здесь (в Приднестровье) Запад встречался с Востоком. Здесь встретились три авраамические религии: христианство, ислам, иудаизм. Все это у нас. Это основа нашего культурного кода»¹.

Приднестровский исследователь В. Фоменко, говоря о приднестровской идентичности, отмечает, что она стала результатом сложного исторического процесса, включающего создание государственности, её борьбу за суверенитет и десятилетия жизни в условиях непризнанности, которые сформировали особый образ жизни и менталитет².

Неурегулированный статус молдавско-приднестровского конфликта и международно-правовая непризнанность Приднестровья вынуждают искать источники поддержки своих национальных интересов на внешнем периметре. В этой связи отчетливо проявляется нацеленность Приднестровья на формирование общего культурно-исторического пространства с Россией и тесная связь с ней в политической, экономической, культурно-исторической

¹ Приднестровская идентичность и истоки государственности. (2024). ПГУ им. Т.Г. Шевченко. <https://spsu.ru/news/6588-pridnestrovskaya-identichnost-i-istoki-gosudarstvennosti>

² Эксперт: Приднестровская идентичность проявилась как ответ на внешние вызовы и угрозы. (2026). Новости Приднестровья. <https://novostipmr.com/ru/content/ekspert-pridnestrovskaya-identichnost-proyavilas-kak-otvet-na-vneshnie>

и других сферах. Курс на независимость и последующее присоединение к России, реализуемый на основе результатов всенародного референдума в 2006 г. долгое время является основным приоритетом республики, а участие Приднестровья в евразийских интеграционных процессах в 2012 г. было объявлено национальной идеей. В этой связи и сегодня тесное сотрудничество Приднестровья с Россией по широкому спектру вопросов отвечает национальным интересам республики.

Во-первых, Россия является гарантом мира и безопасности в регионе молдо-приднестровского урегулирования, российские миротворцы принимают участие в трехсторонней миротворческой миссии и обеспечивают вместе с приднестровскими и молдавскими миротворцами стабильность на берегах Днестра. Жители Приднестровья помнят, что именно Россия стала страной, которая сумела остановить кровопролитный конфликт в 1992 году и защитить Приднестровье от вооруженной агрессии Республики Молдова.

Во-вторых, на территории Приднестровья проживают более 200 тыс. российских граждан, которых Россия считает своими соотечественниками и способствует обеспечению защиты их прав.

В-третьих, Россия является одним из ключевых партнеров Приднестровья в области торгово-экономического сотрудничества, обеспечивает поддержку приднестровской экономики в непростые для республики времена.

Таким образом, приднестровские национальные интересы строятся на основе сформированной идентичности, однако успешность их реализации во многом зависит от позиции внешних акторов, особенно России, которая является гарантом мира и безопасности в регионе урегулирования отношений между Молдовой и Приднестровьем.

В современных реалиях характер построения модели реализации национальных интересов Приднестровья формируется на основе идентичности, которая имеет не только историко-культурные основания, но политико-правовые традиции, сложившиеся за 34 года государственного строительства.

Специфика приднестровской идентичности неразрывно связана с процессом формирования и дальнейшего развития национальных интересов республики. Являясь частью политической действительности, приднестровская идентичность, влияет на реализацию национальных интересов, а также испытывает ее влияние на себе. Поэтому для нас становится очевидным, что успешная реализация национальных интересов Приднестровья тесно связана с существующей в определенных территориальных пределах идентичностью, зависит от выработанной системы ценностей и национальные интересы могут называться легитимными, когда представляют интересы приднестровского общества.

В условиях глобализации для Приднестровской Молдавской Республики актуализируется вопрос сохранения своей внутренней и внешней легитимности, которая должна быть в постоянной взаимосвязи с идентичностью населения. Важное место в этом процессе занимает политическая элита, которая получает мандат на реализацию своих функций от населения республики и должна охранять те ценности, которые отличают приднестровскую идентичность и способствуют ее сохранению в условиях глобализации. Это особенно важно в контексте сохранения внутренней легитимности республики, недопущения отрыва политической элиты от идентичности населения. В этом контексте происходит выработка и реализация механизма сопротивления навязыванию или применению из внешней среды «двойных стандартов» в реализации системы ценностей и укрепления идентичности. Такой подход предполагает выработку консолидирующего и мобилизационного ресурсов государства, способного регулировать невовлечение в конфликтность старой идентичности и поисков новой, что обеспечивает поэтапную политическую модернизацию, без которой невозможно дальнейшее динамичное развитие.

Являясь производной первичного источника легитимности политического курса в лице приднестровского народа, приднестровская идентичность (региональная и гражданская) определяет ценностные ориентиры национальных интересов Приднестровья, задает направление их движения, формирует их структуру:

Во-первых, она является мобилизационным ресурсом для внутренней и внешней политики, определяет характер национальных интересов, побуждая население республики пользоваться пассивным избирательным правом и принимать активное участие в республиканских и местных референдумах и сходах, принимать участие в институтах общественного представительства. Этот показатель формирует тезис о высокой самоорганизации приднестровского общества и выработанной системе сопротивления навязываемым извне формулам урегулирования молдавско-приднестровских отношений, которые противоречат суверенному статусу Приднестровья.

Во-вторых, приднестровская идентичность выступает легитимирующим основанием курса на обретение международно-признанного суверенного статуса Приднестровья, которое реализуется посредством участия республики в работе международных политических институтов.

В-третьих, приднестровская идентичность выступает в статусе идентичности сопротивления и направлена на неприятие не отвечающих суверенному статусу республики инициатив, идей и проектов.

В-четвертых, получила развитие и успешно внедряется проектная идентичность, которая направлена на поиск новых идентичностей и перераспределение нагрузки на новые социально-политические институты.

Можно согласиться с мнением российского эксперта Н.И. Харитоновой, которая оценивает приднестровскую идентичность в динамике того, что Приднестровье ощущает себя с одной стороны частью приднестровской общности, с другой стороны – носителем цивилизационной идентичности, связанной с Россией как составной частью Евразии (Харитоновая, 2019).

Таким образом, сформированная нормативно-правовая база и параметры современных национальных интересов Приднестровья строятся на основе приднестровской идентичности и направлены на дальнейшее построение самодостаточного и суверенного государства. Этот курс сохраняет свою стабильность на протяжении всей истории суверенного развития Приднестровья, что говорит о высокой степени легитимности выбранных приоритетов дальнейшего развития республики, которые воплощены в национальные интересы.

Проведенный анализ позволяет выдвинуть утверждение о том, что на современном этапе приднестровская идентичность прочно встроена в национальные интересы республики, и в свою очередь – в православно-славянскую цивилизацию, что определяет характер внешнеполитической деятельности Приднестровской Молдавской Республики. Это накладывает особое отношение Приднестровья к России, определяет ее особую роль в судьбе приднестровского государства и характере молдавско-приднестровского урегулирования.

В условиях высокого уровня политического участия приднестровского населения и активной заинтересованности внешнеполитическими проблемами, активность внешней политики Приднестровья направлена на обретение международного признания, развития стратегического партнерства со странами ближнего зарубежья, в первую очередь с Россией.

Место приднестровской идентичности в этом процессе является своеобразным идеологическим обоснованием курса на реализацию внешнеполитических приоритетов республики. Претворение в жизнь этого подхода осуществляется за счет выработки и реализации национальных интересов Приднестровья. В условиях непризнанного статуса именно национальные интересы являются условием сохранения приднестровской идентичности, а идентичность основанием формирования и реализации национальных интересов.

Литература

- Emerson, R. (1960). *From empire to nation: The rise of self-assertion of Asian and African peoples*. Harvard University Press.
- Katzenstein, P. J. (1996). *The culture of national security: Norms and identity in world politics*. Columbia University Press.
- Neumann, I. B. (1996). Self and other in international relations. *European Journal of International Relations*, 2(2), 139–174. <https://doi.org/10.1177/1354066196002002001>
- Popescu, N. (2013). Политика внешняя а Uniunii Europene și conflictele Post-Sovietice. Cartier.
- Wendt, A. (2003). *Social theory of international politics*. Cambridge University Press.
- Wendt, A. (2004). The state as person in international theory. *Review of International Studies*, 30(2), 289–316. <https://doi.org/10.1017/S0260210504006084>
- Wendt, A. (2015). *Quantum mind and social science: Unifying physical and social ontology*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9781316005163>
- Ватаман, А. В. (2017). Национальные интересы и социальная идентичность. *Обозреватель*, (2), 94–103.
- Дробижева, Л. М. (2006). Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность. В *Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России*. Институт социологии РАН.
- Игнатъев, В. В. (2025). Особенности внешнеполитической идентичности Приднестровья. *Постсоветский материк*, (4), 43–52.
- Леонтьева, О. В. (2024). Приднестровская гражданская и территориальная идентичность: вопросы теории и практики. *PolitBook*, (1), 49–64. <https://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-1-49-64>
- Степанов, В. П. (2015). *Этнополитическое конструирование гражданской идентичности на двух берегах Днестра (1989–2014 гг.)*. Приднестровский гос. ун-т им. Т. Г. Шевченко.
- Хантингтон, С. (2004). *Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности*. АСТ.
- Харитоновна, Н. И. (2019). Фактор цивилизационной идентичности населения Приднестровья в разрешении приднестровского конфликта. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право*, 9(1). 142–151.

References

- Drobizheva, L. M. (2006). Gosudarstvennaya i etnicheskaya identichnost': vybor i podvizhnost' [State and ethnic identity: Choice and mobility]. In *Grazhdanskie, etnicheskie i religioznye identichnosti v sovremennoy Rossii* [Civil, ethnic and religious identities in contemporary Russia]. Institut sotsiologii RAN. (In Russ)
- Emerson, R. (1960). *From empire to nation: The rise of self assertion of Asian and African peoples*. Harvard University Press.
- Huntington, S. (2004). *Kto my? Vyzovy amerikanskoy natsional'noy identichnosti* [Who are we? The challenges to America's national identity]. AST. (In Russ)
- Ignat'ev, V. V. (2025). Features of Pridnestrovian's foreign policy identity. *Postsovetitskiy materik*, (4), 43–52. (In Russ)
- Katzenstein, P. J. (1996). *The culture of national security: Norms and identity in world politics*. Columbia University Press.
- Leont'eva, O. V. (2024). The pridnestrovien civil and territorial identity: issues of theory and practice. *PolitBook*, (1), 49–64. <https://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-1-49-64> (In Russ)
- Neumann, I. B. (1996). Self and other in international relations. *European Journal of International Relations*, 2(2), 139–174. <https://doi.org/10.1177/1354066196002002001>
- Popescu, N. (2013). *Politica externă a Uniunii Europene și conflictele Post-Sovietice* [The foreign policy of the European Union and Post-Soviet conflicts]. Cartier.
- Stepanov, V. P. (2015). *Etnopoliticheskoe konstruirovanie grazhdanskoy identichnosti na dvukh beregakh Dnestra (1989–2014 gg.)* [Ethnopolitical construction of civic identity on both banks of the Dniester (1989–2014)]. Pridneprovskiy gos. un-t im. T. G. Shevchenko. (In Russ)
- Vataman, A. V. (2017). Natsional'nye interesy i sotsial'naya identichnost' [National interests and social identity]. *Observer*, (2), 94–103.
- Wendt, A. (2003). *Social theory of international politics*. Cambridge University Press.
- Wendt, A. (2004). The state as person in international theory. *Review of International Studies*, 30(2), 289–316. <https://doi.org/10.1017/S0210260504006084>
- Wendt, A. (2015). *Quantum mind and social science: Unifying physical and social ontology*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9781316005163>
- Kharitonova, N. I. (2019). Faktor tsivilizatsionnoy identichnosti naseleniya Pridnestrov'ya v razreshenii pridnestrovskogo konflikta [The factor of civilizational identity of the Pridnestrovian population in resolving the Pridnestrovian conflict]. *Izvestiya Yugo Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo*, 9(1). 142–151. (In Russ)

Для цитирования: Татаров Р. А. Приднестровская идентичность как источник формирования и реализации национальных интересов страны / Р. А. Татаров // PolitBook. – 2026. – № 2. – С. 95–107. – DOI 10.24412/2227-1538-2026-2-95-107.

А.С. Крамаренко**A. Kramarenko****НОВАЯ ДИАСПОРА?
ВОЗМОЖНОСТИ И
ИНСТРУМЕНТЫ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С
РОССИЙСКИМИ
РЕЛОКАНТАМИ В
СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ
АЗИИ И ЮЖНОГО
КАВКАЗА****A NEW DIASPORA?
OPPORTUNITIES AND
TOOLS FOR ENGAGEMENT
WITH RUSSIAN
RELOCANTS IN CENTRAL
ASIA AND THE SOUTH
CAUCASUS****Аннотация**

Статья посвящена анализу релокации российских граждан в страны Центральной Азии и Южного Кавказа в 2022 году. Цель исследования – выявить возможности и ограничения вовлечения российских релокантов в развитие двусторонних связей России со странами Центральной Азии и Южного Кавказа и разработать рекомендации по выстраиванию долгосрочного взаимодействия с данной категорией граждан. Для достижения поставленной цели решались задачи анализа динамики релокации, выявления структурно-демографических особенностей релокантов первой и второй волн, оценки перспектив использования потенциала релокантов для развития двусторонних связей, а также разработки практических рекомендаций по восстановлению доверия и сохранению связей с данной категорией граждан.

Методологическую основу составили общенаучные методы анализа и синтеза, сравнительный анализ, системный подход, статистический анализ данных, вторичный анализ результатов социологических опросов, а также метод кейс-стади при изучении международного опыта диаспоральной политики Китая, Мексики и Австралии.

В результате исследования выявлена двухволновая структура релокации. Участниками первой волны стали преимущественно IT-специалисты, менеджеры и представители творческих профессий, второй волны – более широкий спектр специальностей, включая работников сферы услуг. Социально-демографический портрет релокан-

Abstract

The article examines the relocation of Russian citizens to Central Asia and the South Caucasus in 2022. The study seeks to identify both the potential for and the limitations of engaging these relocants in the development of bilateral relations between Russia and the countries of Central Asia and the South Caucasus, and to formulate recommendations for establishing long-term interaction with this group. To this end, the research addresses several objectives: analysing the dynamics of the relocation; identifying the structural and demographic characteristics of relocants from the first and second waves; assessing the prospects for relocants to contribute to bilateral ties; and devising practical recommendations for rebuilding trust and maintaining connections with this population. The methodological framework draws on general scientific methods of analysis and synthesis, comparative analysis, a systems approach, statistical data analysis, secondary analysis of sociological survey data, as well as a case study method applied to the international diaspora policies of China, Mexico, and Australia. The findings reveal a two-wave structure to the relocation. The first wave consisted primarily of IT specialists, managers, and those in creative professions, while the second wave encompassed a broader range of occupations, including service sector workers. The socio-demographic profile of relocants is characterised by a predominance of individuals aged 25 to 35 with higher education, originating from major

тов характеризуется доминированием молодых людей в возрасте 25-35 лет с высоким образованием, выходцев из крупных городов. Зафиксирован устойчивый ценностно-политический разрыв между релокантами и официальным курсом, что в краткосрочной перспективе исключает их вовлечение в развитие двусторонних связей. При этом сохраняются тесные социальные, экономические и информационные связи релокантов с Россией.

Выводы исследования обосновывают необходимость выработки долгосрочной стратегии, ориентированной на постепенное восстановление доверия и сохранение устойчивых связей с релокантами. Предложен комплекс практических рекомендаций, включающий расширение спектра консульских услуг, реализацию образовательных и языковых программ, создание кризисных центров при консульствах, интенсификацию взаимодействия с организациями соотечественников и повышение информационной открытости консульских учреждений. Реализация предлагаемых мер в форме пилотных проектов в Казахстане, Киргизии, Грузии и Армении способна в долгосрочной перспективе создать предпосылки для расширения гуманитарного и культурного присутствия России в регионе.

Ключевые слова:

релокация, эмиграция, человеческий капитал, диаспора, транснационализм, Центральная Азия, Южный Кавказ.

urban centres. A persistent divergence in values and political orientations between relocants and the official policy line was observed, precluding their involvement in the development of bilateral ties in the short term. Nevertheless, relocants maintain close social, economic, and informational ties with Russia.

The study's findings highlight the importance of developing a long-term strategy focused on gradually rebuilding trust and preserving sustainable connections with relocants. A set of practical recommendations is proposed, including expanding the range of consular services, implementing educational and language programmes, establishing crisis centres at consulates, intensifying engagement with compatriot organisations, and enhancing the informational transparency of consular offices. Implementing these measures as pilot projects in Kazakhstan, Kyrgyzstan, Georgia, and Armenia could, over the long term, create the conditions necessary for broadening Russia's humanitarian and cultural presence in the region.

Key words:

relocation, emigration, human capital, diaspora, transnationalism, Central Asia, South Caucasus.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2026-2-108-131>

В 2022 году в результате двух волн эмиграции из России в основном в страны ближнего зарубежья выехало по разным оценкам порядка миллиона молодых, наиболее образованных и финансово обеспеченных граждан. Для многих из них данные государства стали транзитными на пути в Европу, Турцию и США, но значительная доля россиян выбрали страны центрально-азиатского и южнокавказского регионов в качестве постоянного места проживания.

Процесс релокации имел ряд краткосрочных негативных эффектов для российской экономики, включая временное сокращение налоговых поступлений и падение деловой активности вследствие снижения внутреннего спроса. Однако более серьезные вызовы носят долгосрочный характер и связаны с обострением дефицита квалифицированных кадров на рынке тру-

да, ростом структурной и скрытой безработицы, усилением демографического давления, а также замедлением темпов технологического развития из-за сокращения инновационного потенциала. Поскольку среди релокантов преобладали лица с высоким уровнем образования, оперативное восполнение утраченного человеческого капитала представляется маловероятным. При отсутствии целенаправленных мер по возвращению уехавших на преодоление негативных последствий потребуется не менее 7–10 лет, причем их полномасштабное проявление ожидается лишь в среднесрочной перспективе.

В сложившихся условиях перед Россией возникает дилемма. С одной стороны, политические установки большинства релокантов противоречат официальному курсу, что в краткосрочной перспективе исключает возможность их вовлечения в развитие двусторонних связей со странами-реципиентами. С другой, отказ от взаимодействия с этой категорией граждан означал бы безвозвратную потерю значительного интеллектуального, экономического и культурного ресурса.

О потенциальной ценности эмиграционных волн в долгосрочной перспективе свидетельствует опыт государств, выстроивших эффективные механизмы взаимодействия с собственной диаспорой. Наиболее показателен в этом отношении пример Китая, диаспоральная политика которого отличается гибкостью, разветвленностью и диверсифицированностью и служит основой для формирования транснационального китайского сообщества. Результатом этой политики стало превращение китайской диаспоры в значимый фактор инвестиционного развития страны и канал распространения китайской культуры за рубежом.

Таким образом, даже в условиях, исключающих продуктивное взаимодействие с релокантами в краткосрочной перспективе, перед Россией актуализируется задача формирования долгосрочной стратегии, нацеленной на постепенное восстановление доверительных отношений и поддержание устойчивых связей с данной категорией граждан. Интеграция релокантов в принимающие общества при сохранении их связей с исторической родиной способна в будущем создать основу для углубления политического, экономического и гуманитарного сотрудничества со странами Центральной Азии и Южного Кавказа, а также для продвижения русского языка и культуры в регионе.

Релокация российских граждан в 2022 году активно изучается как отечественными, так и зарубежными исследователями. Можно выделить работы, посвященные анализу причин и факторов эмиграции в контексте социально-демографической и профессиональной структуры релокантов (Борусяк, 2022); изучению влияния эмиграции 2022 года на российский рынок

труда и связей релокантов с российскими работодателями (Карцева, Флоринская, 2025); концептуализации российской релокации как фактора экономического влияния на страны приема и элемента геополитической борьбы (Пономарева, Арляпова, 2025); исследованию воздействия массовой миграции из России после сентября 2022 года на социально-экономическую ситуацию в Центральной Азии (Kadyrbek, Orakbayeva, 2024); восприятию российских релокантов населением принимающих стран (Атанесян, 2023), идентичности и политическим взглядам релокантов на Южном Кавказе (Baranova, Podolsky, 2024; Krawatzek, Soroka, DeSisto, 2023), а также анализу структуры и динамики релокации в различные страны (Тольц, 2023; Бредихин, 2024; Молдован, 2023).

Важное место занимают социологические исследования российских релокантов, которые проводятся в том числе представителями самой эмиграционной волны 2022 года – академическими учеными, оказавшимися за рубежом. Среди наиболее значимых проектов следует отметить OutRush – масштабное лонгитюдное исследование, реализуемое группой социологов из европейских и американских университетов. Проект отслеживает в динамике интеграцию, доходы и политические взгляды релокантов; на данный момент проведено уже четыре волны социологических опросов, в которых приняли участие более 18 000 человек из свыше 100 стран.

Примечательно, что, несмотря на устойчивый исследовательский интерес к феномену релокации российских граждан в 2022 году, практически отсутствуют работы, посвященные анализу перспектив, возможностей и инструментов взаимодействия с новой диаспорой. Настоящая работа призвана восполнить эту лакуну.

Цель исследования – выявить возможности и ограничения вовлечения российских релокантов в развитие двусторонних связей России со странами Центральной Азии и Южного Кавказа и разработать рекомендации по выстраиванию долгосрочного взаимодействия с данной категорией граждан. Данная цель предполагает решение следующих задач: 1) проанализировать динамику эмиграции и структурно-демографические характеристики релокантов; 2) оценить перспективу использования потенциала релокантов для развития и углубления двусторонних связей со странами-реципиентами и продвижения русского языка и культуры; 3) сформулировать практические рекомендации по восстановлению доверия и выстраиванию долгосрочных отношений с релокантами.

Теоретическую основу исследования составили теории диаспоры и транснационализма. Автор придерживается конструктивистского подхода к трактовке диаспоры, отрицая эссенциализацию идентичности, представле-

ние о целостности и неизменности диаспоры во времени, а также доминирование диаспоральной идентичности по отношению к индивидуальным идентичностям и социальным практикам (Faist, 2010, p. 28).

Автор использовал сравнительный анализ и системный подход, статистический анализ и вторичный анализ социологических данных, контент-анализ и кейс-стади.

Транснационализм в миграционных исследованиях описывает ситуацию, при которой мигранты не ассимилируются полностью, а поддерживают регулярные и устойчивые контакты со страной исхода, существуя одновременно в двух или более социальных полях (Костенко, 2014). Теория транснационализма позволяет рассматривать российских релокантов как субъектов, сохраняющих устойчивые социальные, экономические и эмоциональные связи с Россией при одновременной интеграции в принимающие общества. При этом использование термина «релокация» представляется методологически обоснованным именно в контексте транснационального подхода. Данный термин, получивший широкое распространение применительно к событиям 2022 года, отражает специфику последней волны российской эмиграции: с одной стороны, ее вынужденный характер, обусловленный внешними обстоятельствами, с другой – сохранение регулярного взаимодействия с Россией, что отличает релокантов от классических эмигрантов, ориентированных на окончательный разрыв и полную интеграцию в общество страны пребывания.

Релокация россиян в 2022 году в страны ближнего и дальнего зарубежья стала самым массовым миграционным оттоком населения из России за последние десятилетия и была обусловлена ростом социально-экономической нестабильности и противоречий в российском обществе, получившими развитие после обострения украинского конфликта 24 февраля 2022 года. Оценки численности уехавших и вернувшихся россиян остаются предметом дискуссий, что объясняется несовершенством миграционной статистики (Чудиновских, 2017). Высокая динамика и многообразие форм миграции объективно затрудняют точный подсчет. Проблема усугубляется, в частности, тем, что Росстат фиксирует эмигрантов лишь по факту снятия с учета по месту жительства, а зеркальная статистика стран ближнего зарубежья, детализированная по гражданству въезжающих и выезжающих, зачастую отсутствует в открытом доступе. Перечисленные методологические ограничения не позволяют рассматривать абсолютные показатели 2022 года как точную оценку реальной численности выбывших. Фиксируемая статистика отражает прежде всего направление потока, а не его национальный состав и итоговый объем. Поэтому корректно интерпретировать данные

можно лишь в сравнении: сопоставление показателей 2022 года с предшествующими и последующими периодами позволяет проследить направление и динамику миграции.

Согласно различным источникам, численность покинувших страну в 2022 году россиян варьируется в диапазоне от 500 (Парма, 2025, с. 86) до 800 тыс. человек. По данным исследователей из РАНХиГС из России уехали порядка 650 тыс. человек (Карцева, Флоринская, 2025, с. 121). По оценкам Prague Process, основанным на доступных статистических данных России и стран приема, с 24 февраля 2022 года по 24 февраля 2023 года страну предположительно покинули от 700 000 до 1 200 000 человек¹. Оценки количества вернувшихся, опубликованные в последние годы, варьируются в значениях от 10 до 45%, однако многие из этих исследований не имеют опубликованной методологии оценки, по которой можно было бы судить об их надежности. По данным проекта OutRush, за период с лета 2023 по лето 2024 года в Россию вернулись 8% релокантов и еще 21% переехали в другие страны (Камалов, Нугуманова, Сергеева, 2025).

Релокация 2022 года имела выраженную двухволновую структуру. Первая волна была инициирована событиями 24 февраля 2022 года и длилась вплоть до конца августа 2022 года. В этот период Россию покинуло около 420 тыс. человек, преимущественно работников сферы IT-индустрии, предпринимателей и представителей творческих профессий.

Вторая волна, начавшаяся после объявления мобилизации 21 сентября и продолжавшаяся до конца года, отличалась как масштабом, так и составом участников. Численность выехавших в этот период оценивается примерно в 700 тысяч человек. Социально-профессиональный профиль мигрантов стал более разнородным, поскольку основным мотивом для релокации стало стремление избежать призыва.

Что касается официальных данных, то в 2022 году наблюдался минимальный миграционный прирост (61,9 тыс. чел.) за рассматриваемые 10 лет за счет существенного увеличения числа выбывших из России, которое составило 668,4 тыс. человек. Этот показатель в 2,8 раза превышает данные 2021 года (на 430,4 тыс. чел.) и в 1,4 раза (на 180,7 тыс. чел.) – 2020 (диаг. 1).

¹ Гулина, О. Р. (2021). Миграция как (geo)политический вызов на постсоветском пространстве. <https://infosphereinvaders.wilsoncenter.org/book/migration-geo-political-challenge-post-soviet-space>

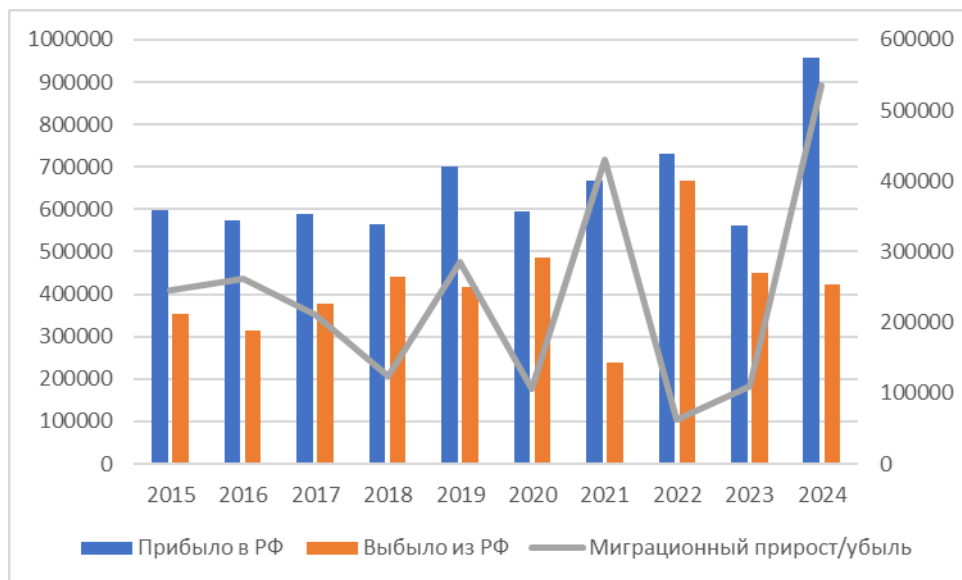

Диаграмма 1 – Динамика международной миграции в России, 2015-2024 гг¹.

Наиболее популярными направлениями выезда из России стали страны Южного Кавказа и Центральной Азии – 64% от общего числа покинувших Россию в 2022 году, в 2021 году этот показатель был на 6,8% ниже (57,2%). Наибольшее увеличение миграционного оттока из России в страны региона зафиксировано в направлении Туркмении – он вырос в 4,9 раза, далее следуют Киргизия (в 3,7 раза), Таджикистан (в 3,2 раза), Узбекистан (в 3,07 раза) и Азербайджан (в 3 раза). В Казахстан, Армению и Грузию поток увеличился в 2,84, 2,82, 2,3 раза соответственно (диаг. 2). Выбор республик Центральной Азии и Южного Кавказа в качестве стран назначения был предопределен совокупностью факторов: географической близостью, устойчивыми культурно-историческими связями, а также сравнительно низкими социально-экономическими и юридическими барьерами. Сочетание этих условий обеспечивало минимальные издержки при переезде: с одной стороны, либеральные нормы миграционного законодательства в принимающих странах упрощали въезд и пребывание, с другой – благожелательное отно-

¹ Российский статистический ежегодник, 2016-2024 гг.
<https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994> для 2017-2023 гг., Социально-экономическое положение России (январь 2025).
https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Dok_01-2025.htm

шение местного населения способствовало быстрой социальной адаптации российских релокантов¹.

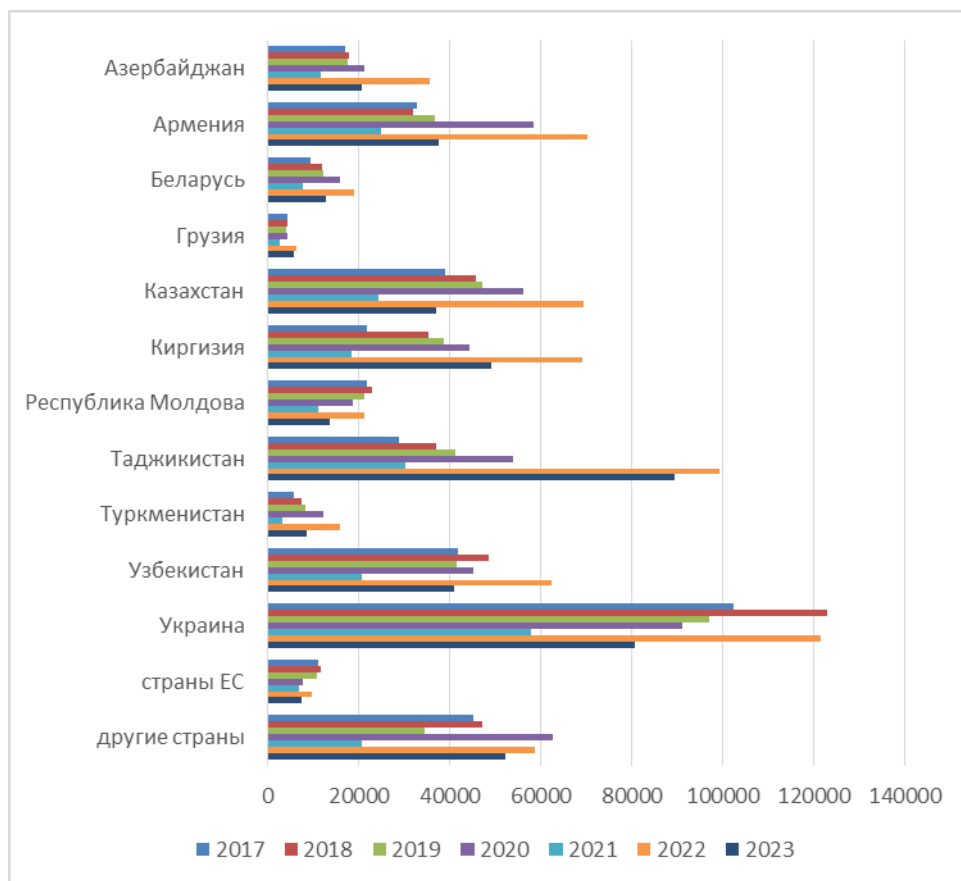

Диаграмма 2 – Статистика выбытия (международная миграция), 2017–2023 гг., чел².

Еще более показательной динамика оттока становится при сравнении данных за 2022 год с ретроспективными выборками доковидного периода (2017–2019 гг.) как в абсолютных, так и в относительных величинах. По итогам 2022 года число эмигрантов из России в страны ближнего зарубежья

¹ Матвеева-Мельник, М. (2022). «Люди в шоке от того, как их здесь принимают»: как в Средней Азии помогают россиянам. Forbes. <https://www.forbes.ru/forbeslife/478961-ludi-v-soke-ot-togo-kak-ih-zdes-prinimaut-kak-v-srednej-azii-pomogaut-rossianam>

² Российский статистический ежегодник, 2018–2024 гг. <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994>

увеличилось в большинстве случаев в 1,4–3,4 раза. Так, например, выезд Таджикистан вырос до 99,3 тыс. человек (против средних 35,6 тыс. в 2017–2019 гг.), а в Армению – до 70,2 тыс. (против 33,9 тыс.).

Более точное представление о масштабах и волнах релокации позволяют получить данные ФСБ России о числе выездов российских граждан за рубеж. В отличие от методологии Росстата, учитывающей при расчете международной миграции также иностранных граждан и лиц без гражданства, статистика ФСБ фиксирует исключительно выезды граждан России. Однако при работе с данными о пересечении государственной границы важно учитывать, что эти показатели отражают общее количество трансграничных перемещений, а не уникальных лиц. В связи с этим данные представляют ценность прежде всего для анализа динамики процессов, а не для оценки абсолютного числа мигрантов.

Во втором, третьем и четвертом кварталах 2022 года отчетливо виден значительный рост числа выездов граждан России в сопредельные государства (диаг. 3).

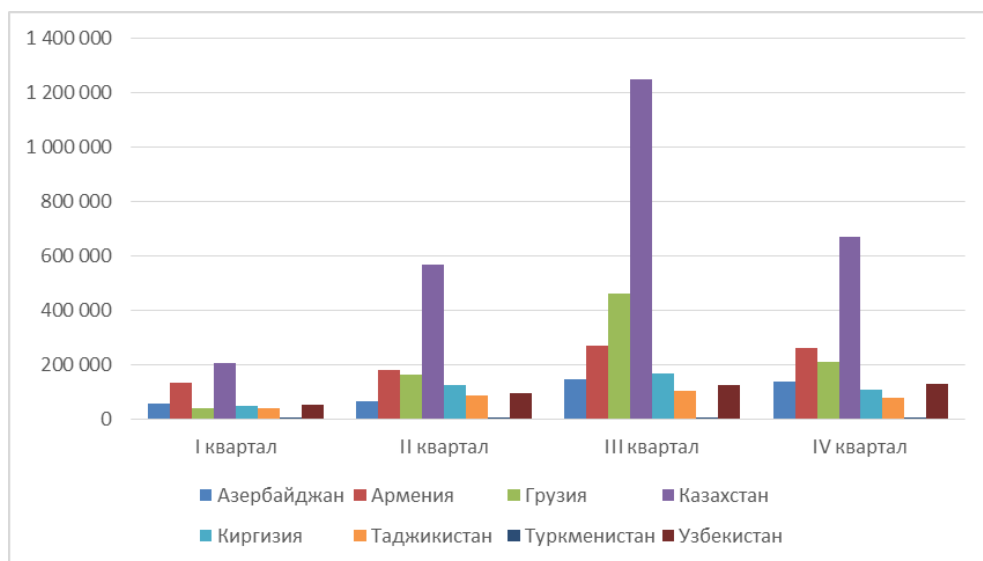

Диаграмма 3 – Статистика выездов граждан России в 2022 году, чел.¹.

Сопоставление показателей 2022 года с усредненными значениями количества выездов за доковидный период (2017–2019 гг.) демонстрирует

¹ ЕМИСС. <https://www.fedstat.ru/indicator/38480>

существенную интенсификацию поездок российских граждан. Кратность роста варьировалась в пределах 1,7–2,3 раза для Армении, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана, достигая 2–3-кратного увеличения в наиболее активном III квартале. Примечательно, что в 2023 г. повышение выездной активности наблюдалось по всем указанным направлениям за исключением Таджикистана (табл. 1).

Таблица 1. Статистика выездов граждан России в страны Центральной Азии и Южного Кавказа, 2017–2019, 2021, 2022 гг., чел.

Средние значения за 2017–2019 гг.					
Страна	I квартал	II квартал	III квартал	IV квартал	всего
Азербайджан	145 741	208 188	255 240	174 388	783 557
Армения	88 998	130 997	150 954	123 507	494 456
Грузия	178 483	343 336	438 828	223 473	1 184 119
Казахстан	566 072	848 854	1 120 776	723 985	3 259 686
Киргизия	48 752	81 392	83 840	53 035	267 020
Таджикистан	29 958	42 290	43 323	34 756	150 326
Туркмения	6 658	6 340	7 999	7 709	28 707
Узбекистан	32 783	53 522	49 838	43 819	179 961
2021 год					
Азербайджан	20 378	50 942	73 243	71 928	216 491
Армения	44 586	117 577	171 354	144 364	477 881
Грузия	8 504	28 456	65 401	49 655	152 016
Казахстан	122 330	195 845	248 101	239 413	805 689
Киргизия	45 222	87 012	87 525	59 090	278 849
Таджикистан	8 857	17 713	26 670	45 042	98 282
Туркменистан	1 023	2 444	1 588	1 041	6 096
Узбекистан	15 206	63 242	69 869	55 126	203 443
2022 год					
Азербайджан	56 475	64 506	145 341	136 399	402 721
Армения	134 129	179 817	267 371	261 476	842 793
Грузия	38 281	163 347	461 224	210 530	873 382
Казахстан	204 947	568 285	1 249 553	669 748	2 692 533
Киргизия	47 573	123 352	167 290	108 359	446 574
Таджикистан	40 054	86 474	103 900	75 746	306 174
Туркменистан	216	1 018	1 650	2 372	5 256
Узбекистан	53 084	96 473	126 039	130 070	405 666
2023 год					
Азербайджан	104 988	164 462	160 075	129 825	559 350
Армения	228 728	317 024	340 929	218 751	1 105 432
Грузия	135 104	262 547	487 323	228 999	1 113 973
Казахстан	556 783	801 257	1 005 705	578 532	2 942 277
Киргизия	74 874	141 550	148 905	79 202	444 531
Таджикистан	57 353	105 817	90 519	60 252	117 605
Туркменистан	2 405	2 464	2 935	2 978	10 782
Узбекистан	94 758	145 464	116 944	99 505	456 671
Соотношение 2022 / средние значения 2017–2019 гг.					

Азербайджан	0,4	0,3	0,6	0,8	0,5
Армения	1,5	1,4	1,8	2,1	1,7
Грузия	0,2	0,5	1,1	0,9	0,7
Казахстан	0,4	0,7	1,1	0,9	0,8
Киргизия	1,0	1,5	2,0	2,0	1,7
Таджикистан	1,3	2,0	2,4	2,2	2,0
Туркменистан	0,0	0,2	0,2	0,3	0,2
Узбекистан	1,6	1,8	2,5	3,0	2,3
Соотношение 2022 / 2021 год					
Азербайджан	2,8	1,3	2,0	1,9	1,9
Армения	3,0	1,5	1,6	1,8	1,8
Грузия	4,5	5,7	7,1	4,2	5,7
Казахстан	1,7	2,9	5,0	2,8	3,3
Киргизия	1,1	1,4	1,9	1,8	1,6
Таджикистан	4,5	4,9	3,9	1,7	3,1
Туркменистан	0,2	0,4	1,0	2,3	0,9
Узбекистан	3,5	1,5	1,8	2,4	2,0
Соотношение 2023 / 2022 год					
Азербайджан	1,9	2,5	1,1	1,0	1,4
Армения	1,7	1,8	1,3	0,8	1,3
Грузия	3,5	1,6	1,1	1,1	1,3
Казахстан	2,7	1,4	0,8	0,9	1,1
Киргизия	1,6	1,1	0,9	0,7	1,0
Таджикистан	1,4	1,2	0,9	0,8	0,4
Туркменистан	11,1	2,4	1,8	1,3	2,1
Узбекистан	1,8	1,5	0,9	0,8	1,1

Анализ социально-демографического профиля релокантов, покинувших Россию и направившихся в страны Центральной Азии и Южного Кавказа (независимо от времени выезда), показывает, что основную долю составляли лица в возрасте от 25 до 35 лет. Данная возрастная когорта, доля которой среди всех уехавших достигает 47%, является более молодой по сравнению со среднестатистическим населением России. В контексте формирования человеческого капитала эта группа представляет особую ценность, поскольку именно на этот возрастной интервал приходится пик накопления профессиональных знаний и опыта.

Большая часть среди уехавших – выходцы из Москвы, Санкт-Петербурга и других городов – миллионников или близких к ним по числу населения, доля мужчин и женщин примерно одинакова. Стоит также отметить, что основная масса покинувших Россию специалистов имела высшее образование, а часть из них обладала учеными степенями – примерно 80% от всех релокантов. Более того, около половины из них являлись, как правило, руководителями среднего звена. В совокупности это подтверждает и дополняет утверждение о том, что значительное число релокантов на момент своего отъезда из РФ было обеспеченными людьми.

Сравнительный анализ социально-демографических характеристик релокантов первой и второй волн позволяет выявить ряд изменений. Медианный возраст релокантов первой волны составил 32 года. В этот период из страны выезжали преимущественно бездетные семьи, а также пары, не состоявшие в браке. Важно также учитывать, что часть релокантов планировала переезд еще до 24 февраля 2022 г. и последующих событий. В этом контексте политическая нестабильность 2022 года выступила катализатором, ускорившим реализацию ранее намеченных планов в связи с опасениями относительно дальнейшей невозможности выезда.

Во время второй волны, вызванной объявлением частичной мобилизации, портрет релокантов изменился. В этот период из страны уезжали преимущественно мужчины призывного возраста, в том числе те, кто раньше не планировал эмигрировать. Согласно данным The International Centre for Migration Policy Development (ICMPD), в этот период Россию покинуло около 2/3 (584 тыс. чел) от общего числа релоцировавшихся за весь 2022 год. Кроме эффекта частичной мобилизации, сохранялись причины, которые мотивировали людей эмигрировать во время первой волны.

Различия наблюдаются и в профессиональном профиле релокантов. Весной 2022 года отток специалистов затронул преимущественно ограниченный круг сфер: IT, маркетинг, СМИ, инвестиции, управление персоналом, науку и образование. Однако осенью, после объявления мобилизации, новая волна релокации включала уже представителей иных профессиональных областей, не характерных для первой волны. Речь идет главным образом о лицах с гуманитарным образованием, а также о работниках сферы услуг. Многие из них рассчитывали на трудоустройство в таких отраслях, как фитнес-индустрия и бьюти-сфера, строительство, медицина, добыча сырья, автомобильный бизнес, туризм и торговля. В странах Центральной Азии и Южного Кавказа они столкнулись с проблемой существенного превышения предложения рабочей силы над спросом в данных сегментах.

Профессиональную структуру релокантов можно условно разделить на три крупные категории. Первая и наиболее многочисленная – специалисты IT-индустрии. Несмотря на внутреннюю неоднородность данной группы, в ней преобладали средне- и высококвалифицированные работники. Вторую категорию составляли менеджеры из различных сфер. Третья, наиболее разнообразная, заметно расширилась после объявления частичной мобилизации; она включала представителей медиа и искусства, спорта, туризма и других областей. В рамках второй волны релокации произошла трансформация и внутри самой многочисленной категории. Поскольку в России работники IT-сферы с профильным высшим образованием не составляют большин-

ства (Таишева, 2022, с. 446), можно предположить, что среди IT-специалистов, покинувших страну осенью 2022 года, была значительной долей лиц, не имевших высшего образования. Их выезд был мотивирован отсутствием гарантий получения отсрочки («брони»). В целом спрос среди релокантов был ориентирован на сферы интеллектуального труда, требующие высокого уровня профессиональной квалификации. Анализ данных по Азербайджану, Армении, Грузии и Узбекистану показывает, что тройку наиболее популярных направлений по количеству поданных резюме составляют IT, творческие специальности и управленческие позиции – программисты, дизайнеры и руководители проектов.

Анализ перспектив использования интеллектуального, экономического и культурного потенциала релокантов в странах Центральной Азии и Южного Кавказа для укрепления гуманитарного присутствия России и углубления двусторонних связей со странами-реципиентами приводит к неоднозначным выводам. Имеющиеся данные и экспертные оценки свидетельствуют скорее о низкой вероятности реализации такого сценария в текущих условиях, хотя теоретически диаспора остается важным каналом сохранения и распространения русского языка и культуры за рубежом.

Основным препятствием для вовлечения релокантов в развитие двусторонних экономических и культурно-гуманитарных связей выступает их доминирующая политическая и ценностная ориентация. В основном это люди, разделяющие либерально-демократические ценности и обладающие активной гражданской и политической позицией (Камалов, Нугуманова, Сергеева, 2025, с. 43). Начиная с 2014 года и по настоящее время именно политические мотивы являются наиболее распространенными среди причин эмиграции. Хотя не все покинувшие страну после 24 февраля 2022 г. руководствовались исключительно политическими соображениями, они составляют большинство: 78% респондентов указывают в качестве ключевой причины несогласие с политической властью, 23% – опасения политических преследований, 32% – угрозу мобилизации (Камалов, Нугуманова, Сергеева, 2025, с. 21).

Данные опросов подтверждают, что политический разрыв между релокантами и официальным курсом Москвы носит устойчивый характер и слабо дифференцирован в зависимости от времени выезда. Согласно ряду исследований, среди релокантов в Грузии 69% поддерживают Украину в российско-украинском конфликте, а в Армении, Казахстане, Киргизии, Узбекистане и Молдове этот показатель достигает 74%. При этом различия между волнами минимальны: среди покинувших Россию с февраля по август 2022 года Украину поддерживают 74%, среди выехавших в сентябре или позднее – 70%.

Еще более показательными являются данные об отношении к политике российских властей. Релоканты в постсоветских странах демонстрируют значительно более высокий уровень ее неприятия по сравнению с уехавшими в Европу. В Грузии полностью или частично поддерживают политику руководства России лишь 3,5% опрошенных, в Армении, Казахстане, Киргизии, Узбекистане и Молдове – 3%, тогда как не одобряют 88% и 86% соответственно. В ответах на этот вопрос разрыв между волнами также незначителен: доля не одобряющих политику среди уехавших в феврале–августе 2022 года составляет 91%, среди уехавших в сентябре или позднее – 89%.

Таким образом, отчетливо выраженная политическая позиция и критический настрой по отношению к действиям российских властей, фиксируемые вне зависимости от времени выезда, существенно осложняют возможность участия релокантов в инициативах, направленных на развитие двусторонних связей и поддержку гуманитарного присутствия России в принимающих государства.

Официальная риторика и практические шаги российских властей также не создают предпосылок для выстраивания конструктивного диалога с релокантами. В структурах государственного управления наиболее активная их часть воспринимается как источник репутационных и политических рисков. Представители власти опасаются, что релоканты взаимодействуют с финансируемыми американскими и европейскими структурами – неправительственными организациями в странах Центральной Азии и Южного Кавказа – и могут быть вовлечены в инициативы, направленные на ослабление сотрудничества этих государств с Россией.

Вместе с тем, несмотря на политический разрыв, релоканты сохраняют тесные связи с российским обществом. Они регулярно общаются с друзьями и родственниками: доля тех, кто делает это несколько раз в месяц или чаще, с сентября 2022 года стабильно держится на уровне 90% (Камалов, Нугуманова, Сергеева, 2025, с. 42). Увеличилось и число совершающих краткосрочные поездки в Россию – с 13% в 2023 году до 24% в 2024 году, еще столько же планируют посетить страну (Камалов, Нугуманова, Сергеева, 2025, с. 42). Среди эмигрантов поддерживается высокий интерес к текущим событиям в России: согласно четвертой волне исследования проекта OutRush (июль–ноябрь 2024 года), 84,8% опрошенных включены в российскую политическую повестку, а 87% потребляют новости на русском языке (82% – из оппозиционных СМИ, 5% – из российских государственных медиа (Камалов, Нугуманова, Сергеева, 2025, с. 46).

Сохраняются и экономические каналы связи. Значительная часть релокантов в странах СНГ – 23% против 9% в ЕС, – имеет основной источник

дохода в России, что создает не только экономическую зависимость, но и устойчивый канал для коммуникации. Что касается самоидентификации, то 39% респондентов в Грузии и 38% в Армении, Казахстане, Киргизии, Узбекистане и Молдове идентифицируют себя как «русские» и «россияне». Данный фактор потенциально может стать основой для культурной дипломатии и сохраняет возможности для взаимодействия с российскими релокантами в долгосрочной перспективе.

На данный момент перспективы вовлечения релокантов 2022 года, проживающих в странах Центральной Азии и Южного Кавказа, в развитие двусторонних связей представляются минимальными. Их политические взгляды находятся в явном противоречии с официальным курсом российских властей, которые занимают по отношению к релокантам скорее критическую позицию, дистанцируясь от диалога с ними. С прагматической точки зрения, релоканты представляют собой преимущественно молодых, экономически активных и образованных людей, и их потенциальное возвращение в Россию могло бы стать важным ресурсом восполнения дефицита квалифицированных кадров. При этом возвращение в краткосрочной перспективе остается маловероятным для большинства из них.

Согласно данным опросов, лишь 5% релокантов планируют вернуться в Россию, тогда как 28% намерены переехать в другую страну в течение ближайшего года, а 55% допускают возможность возвращения только при условии политических изменений (Камалов, Нугуманова, Сергеева, 2025, с. 13). В странах Центральной Азии и Южного Кавказа доля планирующих дальнейший переезд особенно высока: из Казахстана намерены уехать 40% релокантов, из Армении – 47%, из Грузии – 58% (Камалов, Нугуманова, Сергеева, 2025, с. 16). Такая динамика, вероятно, связана с неустойчивостью их правового положения в этих государствах. При этом, несмотря на высокий отток, Грузия и Армения продолжают оставаться точками притяжения: около 11% всех сменивших страну пребывания респондентов переехали именно в эти республики (Камалов, Нугуманова, Сергеева, 2025, с. 17).

Среди проживающих в Грузии релокантов только 11% хотели бы вернуться в Россию, 41% рассматривают возвращение лишь при изменении ситуации в стране, а 36% не хотели бы возвращаться вовсе. В Армении, Казахстане, Киргизии, Узбекистане и Молдове доля желающих вернуться еще ниже – 6%, при этом 48% готовы рассматривать возвращение только при изменении ситуации, а 31% исключают возвращение в принципе.

Вместе с тем исторический опыт показывает, что эмигранты, покинувшие родину в том числе и по политическим причинам, в долгосрочной перспективе нередко становятся значимым ресурсом для экономического роста,

инвестиций и распространения национальной культуры за рубежом. Например, китайская диаспора сегодня играет ключевую роль в поддержании экономического роста родной страны и продвижении китайской культуры в мире. Зарубежные китайцы стали первыми иностранными инвесторами в КНР в годы реформ и открытости, и их доля в общем объеме накопленных иностранных инвестиций в стране достигла порядка 65% (Анохина, 2012). Денежные переводы от зарубежных соотечественников способствовали повышению благосостояния более 30 млн китайских граждан. Кроме того, диаспора активно содействует реализации стратегии «выход за рубеж», инициативы «Пояс и путь», а также участвует в преодолении глобальных вызовов.

Зарубежные китайцы внесли существенный вклад и в развитие национального экспорта: в странах, где численность китайской диаспоры превышает 1% населения, фиксируется устойчивый рост торговли с Китаем в диапазоне 32-60% (Анохина, 2012). Таким образом, китайский опыт наглядно демонстрирует, что диаспора, даже сформировавшаяся в периоды политических потрясений, способна в долгосрочной перспективе стать значимым фактором экономического развития и культурного влияния страны исхода.

С учетом сказанного, даже в условиях, затрудняющих конструктивное взаимодействие с релокантами на текущем этапе, актуальной задачей для России становится формирование долгосрочной политики, нацеленной на последовательное укрепление доверительных отношений и поддержание устойчивых контактов с данной категорией граждан. Несмотря на отсутствие быстрых эффектов, это позволит заложить фундамент для углубления двустороннего сотрудничества с принимающими государствами, а также для сохранения и популяризации русского языка и культуры за пределами страны. По мнению автора, опирающегося на анализ международного опыта работы стран с собственной диаспорой (Agunias, Newland, 2012), целесообразным представляется использование следующих механизмов.

Во-первых, необходимо расширить перечень услуг, предоставляемых консульскими учреждениями, внедрив новые образовательные, правозащитные, медико-санитарные программы, а также инициативы, направленные на оказание психологической помощи. Важным условием является также повышение информированности диаспоры о деятельности консульств.

Во-вторых, требуется углубить и интенсифицировать взаимодействие консульств с общинами релокантов и организациями российских соотечественников.

Консульские службы являются основным промежуточным звеном взаимодействия государства с релокантами и диаспорой в целом, поскольку через предоставление консульских и иммиграционных услуг они участвуют в сохра-

нении правовой связи последних с государством. Эффективная работа консульских учреждений и ее квалифицированное информационное сопровождение, открытость и обеспечение обратной связи, повышение качества оказываемых услуг и внедрение правозащитных и образовательных программ продемонстрирует политически нейтральным релокантам стремление государства с ними взаимодействовать. В совокупности с другими факторами это будет способствовать развитию у них доверия к российским государственным институтам и постепенной трансформации их негативного восприятия.

Напротив, стратегия, направленная на сокращение количества консульских услуг, предоставляемых релокантам, представляется неэффективной и политически невыгодной с точки зрения перспектив выстраивания долгосрочных связей с релокантами, которые возможно использовать для укрепления двусторонних взаимоотношений России с государствами-реципиентами, расширения ее влияния и повышения социального капитала диаспоры.

Не только релоканты, но и соотечественники, длительное время проживающие в странах постсоветского пространства отличаются недоверием к государству и российским государственным институтам, и, как правило, не рассчитывают на получение правовой защиты и поддержки за рубежом со стороны России (Затулин, Егоров и др., 2023, с. 797-798). Несмотря на то, что в страновых Координационных советах российских соотечественников (КСОРС) существуют возможности получения юридических консультаций, а при Фонде поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом, действуют центры правовой помощи, подавляющее большинство соотечественников не осведомлены ни о данных организациях, ни об их инициативах (Затулин, Егоров и др., 2023, с. 797-798).

По мнению российских соотечественников, в государствах постсоветского пространства, наиболее частой причиной нарушения их прав и дискриминации является невладение государственным языком страны проживания. Чаще всего об этом упоминают русские и русскоязычные, проживающие в странах, принявших российских релокантов в 2022 году – Грузии, Азербайджане, Таджикистане, Киргизии, Узбекистане и, в меньшей степени, Казахстане и Армении (Затулин, Егоров и др., 2023, с. 797-798).

Учитывая доминирующее положение консульских учреждений в реализации диаспоральной политики, представляется важным не только повысить качество оказываемых услуг гражданам России, проживающим за рубежом, а также членам диаспоры (оптимизировать сайты консульств с точки зрения наполнения и оперативного обновления информации, улучшить или создать технические возможности для осуществления электронной записи и

проведения онлайн-консультаций, повысить качество консультирования и информирования населения диаспоры о своих инициативах), но и расширить их спектр, задействуя российские профильные министерства, неправительственные организации российских соотечественников, институты и организации государств Центральной Азии и Южного Кавказа.

Среди предлагаемых услуг, выходящих за рамки классических консульских, с учетом мирового опыта и запросов диаспоры, стоит отметить: образовательные программы и разнообразные тренинги; оказание услуг вакцинации и консультирования по возможностям получения медицинской помощи в стране пребывания; помощь российским гражданам в кризисной ситуации; проведение мероприятий по сохранению и развитию русского языка и культуры (фестивали, книжные клубы, кинопоказы). Показателен в этом отношении опыт Мексики, где на базе консульских учреждений в США при содействии местных организаций здравоохранения успешно реализуется программа «Окно здоровья» (*Ventanilla de Salud*), в рамках которой устанавливаются информационные модули, консультирующие по вопросам здравоохранения и направляющие посетителей в медицинские учреждения для получения недорогих услуг независимо от иммиграционного статуса. При сотрудничестве с местными организациями здравоохранения на базе российских консульств возможно проведение вакцинации российских граждан, проживающих за рубежом, осуществление консультаций по вопросам медицинского обслуживания и страхования в государстве-реципиенте, проведение для соотечественников семинаров по медицинской грамотности. Подобные инициативы, включая горячие линии для граждан, оказавшихся в больнице, существуют при консульствах Сальвадора, Гватемалы, Колумбии и Перу (Agunias, Newland, 2012).

Актуальным представляется обучение релокантов и соотечественников государственному языку страны проживания с целью улучшения их экономической и социальной интеграции в общества этих стран и минимизации дискриминации. Успешные примеры мексиканских и эквадорских консульств, проводящих не только языковые курсы для членов своей диаспоры, но и тренинги по финансовой грамотности, управлению капиталом и развитию лидерских навыков, подтверждают востребованность и эффективность таких программ. В частности, заслуживает внимания консульская программа предпринимательства для мексиканских женщин за рубежом (*El Programa Consular de Emprendimiento para Mexicanas en el Exterior – PCEME*), реализуемая мексиканскими консульскими службами в США, Канаде и ряде других стран, целью которой является обучение женщин-предпринимателей и

предоставление им инструментов для создания и укрепления бизнеса в стране проживания.

Посредством привлечения организаций российских соотечественников при консульских учреждениях предлагается открыть кризисные центры с возможностью психологического консультирования российских граждан, попавших в тяжелую жизненную ситуацию (например, женщин, столкнувшихся с домашним насилием).

Названные услуги возможно реализовать в форме пилотного проекта в тех странах постсоветского пространства, где проживает наиболее крупная российская диаспора, а также странах, принявших значительное число релокантов. Это будет способствовать установлению доверительных отношений и налаживанию взаимосвязей с российской диаспорой, усилению ее влияния на внутреннюю и внешнюю политику целевых стран.

Обучение на базе консульств на основе частно-государственного партнерства (в том числе в части финансирования) руководителей организаций соотечественников финансовому и проектному управлению, взаимодействию с государственными структурами принимающих стран, навыкам краудфандинга и поиску финансовых доноров среди российских соотечественников-предпринимателей, звезд спорта, культуры и шоу-бизнеса будет способствовать повышению потенциала диаспоры и увеличит ее возможности для привлечения средств на реализацию ориентированных на диаспору проектов. В будущем это сократит затраты государственного бюджета на финансирование деятельности диаспоральных организаций и инициатив, направленных на соотечественников.

В этом контексте интересен опыт Австралии, где в 2002 году группой специалистов в области финансов была создана некоммерческая организация Young Australian Professionals in America (YAPA), впоследствии переименованная в Global Australians и ставшая ведущей глобальной профессиональной сетью австралийцев, живущих за границей и объединяющей предпринимателей, деятелей культуры, ученых, государственных служащих австралийского происхождения более чем в 80 странах мира. Деятельность Global Australians сосредоточена на взаимодействии с сообществом австралийцев через проведение информационных и практических семинаров и мероприятий в разных форматах; информировании австралийских политиков о ценности глобальных талантов и проблемах диаспоры; создании наставнического контента (подкастов, интервью, тематических исследований); информационной деятельности, обеспечивающей связь австралийцев по всему миру с родиной через ежедневные публикации в социальных сетях, еженедельные информационные бюллетени и базу данных CRM (Customer

Relationship Management). На платформе также представлена информация о вакансиях и возможностях трудоустройства как в Австралии, так и за рубежом, программах наставничества и онлайн-обучения, реализуемых Global Australians, вопросах репатриации и эмиграции в другие страны.

Расширение консульских услуг и реализация предлагаемых инициатив позволит не только наладить связь с релокантами и диаспорой, формировать и продвигать положительный образ России за рубежом, интенсифицировать гуманитарное сотрудничество со странами Центральной Азии и Южного Кавказа, но и повысить потенциал российской диаспоры для дальнейшего выстраивания более эффективных взаимоотношений и усиления ее влияния на постсоветском пространстве.

Для реализации предлагаемых мер консульским структурам необходимо выстраивать партнерские отношения с российскими диаспоральными организациями, а также взаимодействовать с правительствами и институтами принимающих государств. Внедрение предложенных инструментов позволит не только установить доверительные отношения и наладить обратную связь между диаспорой и российским государством, но и нарастить социальный, экономический, политический и лоббистский потенциал диаспоры. В долгосрочной перспективе это создаст предпосылки для расширения российского политического, экономического и культурного присутствия в регионе, а также для формирования взаимовыгодных двусторонних отношений с целевыми государствами.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что релокация 2022 года стала крупнейшим миграционным оттоком из России за последние десятилетия. Страны Центральной Азии и Южного Кавказа выступили основными реципиентами, приняв, по разным оценкам, от 500 до 800 тыс. человек. Двухволновая структура эмиграции предопределила неоднородность состава выехавших: если весной преобладали IT-специалисты, менеджеры и представители творческих профессий, то осенью, после объявления мобилизации, к ним присоединились представители сферы услуг и гуманитарных специальностей. Социально-демографический портрет релокантов – молодые, образованные, экономически активные граждане из крупных городов – позволяет квалифицировать релокацию 2022 года как масштабный отток человеческого капитала, способный в среднесрочной перспективе обострить дефицит квалифицированных кадров и замедлить технологическое развитие России.

Оценка перспектив вовлечения релокантов в развитие двусторонних связей показала, что в текущих условиях такой сценарий маловероятен. Ключевым препятствием выступает устойчивый ценностно-политический разрыв: большинство релокантов критически настроены к политике россий-

ских властей, поддерживают Украину в конфликте и не разделяют официальный курс. При этом фиксируется парадокс: при сохранении тесных социальных, экономических и информационных связей, уровень доверия к государственным институтам остается крайне низким. Вместе с тем отказ от взаимодействия означал бы безвозвратную потерю значительного интеллектуального и культурного ресурса.

На основе анализа международного опыта в работе предложен комплекс рекомендаций, нацеленных на постепенное восстановление доверия и сохранение связей с релокантами в долгосрочной перспективе. Ключевым институциональным звеном выступают консульские учреждения. Рекомендации включают расширение спектра консульских услуг (образовательные, правозащитные, медицинские программы, психологическая помощь), реализацию языковых курсов для облегчения интеграции релокантов в принимающих странах, создание кризисных центров при консульствах, интенсификацию взаимодействия с организациями соотечественников и обучение их руководителей проектному управлению и фандрайзингу, а также повышение информационной открытости консульств. Апробацию предложенных мер целесообразно осуществить в формате пилотных проектов в государствах, где сосредоточена наиболее многочисленная российская диаспора, а также в странах, ставших основными реципиентами релокантов.

Предложенные инструменты ориентированы не на оперативное использование диаспорального ресурса, что в текущих условиях преждевременно, а на последовательное формирование доверительных отношений в расчете на стратегическую перспективу. В долгосрочном горизонте это способно создать предпосылки для расширения российского гуманитарного и культурного присутствия в регионе, развития двусторонних отношений со странами-реципиентами и трансформации релокантов из источника репутационных рисков в значимый ресурс мягкой силы.

Литература

Agunias, D. R., & Newland, K. (2012). *Developing a Road Map for Engaging Diasporas in Development: A Handbook for Policymakers and Practitioners in Home and Host Countries*. International Organization for Migration (IOM). <https://publications.iom.int/books/developing-road-map-engaging-diasporas-development-handbook-policymakers-and-practitioners>

Baranova, V., & Podolsky, V. (2024). Life in Motion: Mobility and Identity among Russian Migrants in the South Caucasus. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, 15(3), 16–32. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2023-15-3-16-32>

Faist, T. (2010). Diaspora and Transnationalism: What kind of dance partners? In R. Bauböck & T. Faist (Eds.), *Diaspora and Transnationalism: Concepts, Theories and Methods* (pp. 9–34). Amsterdam University Press. <https://doi.org/10.5117/9789089642387>

Kadyrbek, Zh. M., & Orakbayeva, U. M. (2024). Migration from Russia against the background of mobilization and their impact on the socio-economic situation of Central Asian countries. *Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Political Science. Regional Studies. Oriental Studies. Turkology Series*, 146(1), 129–140. <https://bulpolit.enu.kz/index.php/main/article/view/166>

Krawatzek, F. Soroka G., & DeSisto I. (2023). Russians in the South Caucasus: Political Attitudes and the War in Ukraine (ZOIS Report). <https://www.zois-berlin.de/en/publications/zois-report/russians-in-the-south-caucasus-political-attitudes-and-the-war-in-ukraine>

Анохина, Е. С. (2012). «Новая» китайская миграция и политика КНР по ее регулированию. Томский государственный университет.

Атанесян, А. В. (2023). «Русские релоканты» в восприятии молодежи Армении. *Социологические исследования*, (6), 112–122. <https://doi.org/10.31857/S013216250026383-4>

Борусяк, Л. (2022). Новая волна высокообразованной эмиграции: почему они уезжают из России? *Palladion*, 98–115. <https://doi.org/10.55167/29b32cb46280>

Бредихин, А. В. (2024). Миграция россиян в Монголию: исторический и социологический аспект. *Народонаселение*, 27(1), 153–165. <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-1-153-165>

Затулин К. Ф., Егоров В. Г., Докучаева А. В., Крамаренко А. С., Сакулин С. В., Савина О. В., Авимская М. А., Кузнецова Ю. Ю., Линник Т. С. (2023). Правовое положение соотечественников, проживающих в странах постсоветского пространства: сравнительный анализ. *Прометей*.

Карцева, М. А., & Флоринская, Ю. Ф. (2025). Новые эмигранты и российский рынок труда: эмпирический анализ. *Проблемы прогнозирования*, (4(211)), 121–132. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-211-121-132>

Костенко, В. В. (2014). Теории миграции: от ассимиляции к транснационализму. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 62–76.

Молдован, А. А. (2023). Влияние российской миграции на экономику стран-доноров в 2022 году на примере Азербайджана, Армении, Казахстана, Узбекистана и Грузии. *Московский экономический журнал*, (10), 78–86.

Парма, Р. В. (2025). Эмиграционные установки и действия российской молодежи в 2020–2025 гг. *Власть*, (5), 80–90. <https://doi.org/10.24412/2071-5358-2025-5-80-90>

Пономарева, Е. Г., & Арляпова, Е. С. (2025). Релокация 2022-2023 как фактор мировой политики: понятие, оценки, цифры. Вестник международных организаций, 20(3). <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2025-02-09>

Таишева, В. В. (2022). Цифровые номады и миграционные процессы в российской IT-сфере: политологический анализ. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология, 24(3), 460–479. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-460-479>

Тольц, М. (2023). Эмиграция из России в Израиль: динамика потока и его составляющие в 1990-2023 гг. Демографическое обозрение, 10(4), 52–68. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i4.18808>

Чудиновских, О. С. (2017). О понимании статистики миграции. Вопросы статистики, (5), 19–27.

References

Agunias, D. R., & Newland, K. (2012). *Developing a road map for engaging diasporas in development: A handbook for policymakers and practitioners in home and host countries*. International Organization for Migration (IOM). <https://publications.iom.int/books/developing-road-map-engaging-diasporas-development-handbook-policymakers-and-practitioners>

Anokhina, E. S. (2012). "Novaya" kitayskaya migratsiya i politika KNR po ee regulirovaniyu ["New" Chinese migration and China's policy for its regulation]. Tomskiy gosudarstvennyy universitet. (In Russ.)

Atanesyan, A. V. (2023). "Russkie relokanty" v vospriyatii molodezhi Armenii ["Russian relocants" in the perception of Armenian youth]. *Sociological Studies*, (6), 112–122. <https://doi.org/10.31857/S013216250026383-4> (In Russ.)

Baranova, V., & Podolsky, V. (2024). Life in motion: Mobility and identity among Russian migrants in the South Caucasus. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, 15(3), 16–32. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2023-15-3-16-32>

Borusyak, L. (2022). Novaya volna vysokobrazovannoy emigratsii: pochemu oni uezzhayut iz Rossii? [New wave of highly educated emigration: Why do they leave Russia?]. *Palladion*, 98–115. <https://doi.org/10.55167/29b32cb46280>

Bredikhin, A. V. (2024). Migration of Russians to Mongolia: Historical and sociological aspect. *Population*, 27(1), 153–165. <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-1-153-165>

Chudinovskikh, O. S. (2017). On understanding migration statistics. *Statistical Issues*, (5), 19–27.

Faist, T. (2010). Diaspora and transnationalism: What kind of dance partners? In R. Bauböck & T. Faist (Eds.), *Diaspora and transnationalism: Concepts, theories and methods* (pp. 9–34). Amsterdam University Press. <https://doi.org/10.5117/9789089642387>

Kadyrbek, Zh. M., & Orakbayeva, U. M. (2024). Migration from Russia against the background of mobilization and their impact on the socio-economic situation of Central

Asian countries. *Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Political Science. Regional Studies. Oriental Studies. Turkology Series*, 146(1), 129–140. <https://bulpolit.enu.kz/index.php/main/article/view/166>

Kartseva, M. A., & Florinskaya, Yu. F. (2025). New emigrants and the Russian labor market: An empirical analysis. *Problems of Forecasting*, (4(211)), 121–132. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-211-121-132>

Kostenko, V. V. (2014). Theories of migration: From assimilation to transnationalism. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 62–76. (In Russ.)

Krawatzek, F., Soroka, G., & DeSisto, I. (2023). *Russians in the South Caucasus: Political attitudes and the war in Ukraine* (ZOiS Report). <https://www.zois-berlin.de/en/publications/zois-report/russians-in-the-south-caucasus-political-attitudes-and-the-war-in-ukraine>

Moldovan, A. A. (2023). Vliyaniye rossiyskoy migratsii na ekonomiku stran-donorov v 2022 godu na primere Azerbaydzhana, Armenii, Kazakhstana, Uzbekistana i Gruzii [The impact of Russian migration on the economies of donor countries in 2022: The case of Azerbaijan, Armenia, Kazakhstan, Uzbekistan and Georgia]. *Moskovskiy ekonomicheskii zhurnal* [Moscow Economic Journal], (10), 78–86. (In Russ.)

Parma, R. V. (2025). Emigration attitudes and actions of Russian youth in 2020–2025. *Power*, (5), 80–90. <https://doi.org/10.24412/2071-5358-2025-5-80-90>

Ponomareva, E. G., & Arlyapova, E. S. (2025). Relocation 2022–2023 as a factor of world politics: Concept, estimates, figures. *International Organisations Research Journal*, 20(3). <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2025-02-09> (In Russ.)

Taisheva, V. V. (2022). Digital nomads and migration processes in the Russian IT sector: A political science analysis. *RUDN Journal of Political Science*, 24(3), 460–479. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-460-479> (In Russ.)

Tolts, M. (2023). Emigration from Russia to Israel: Flow dynamics and its components in 1990–2023. *Demographic Review*, 10(4), 52–68. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i4.18808>

Zatulin, K. F., Egorov, V. G., Dokuchaeva, A. V., Kramarenko, A. S., Sakulin, S. V., Savina, O. V., Avimskaya, M. A., ... Linnik, T. S. (2023). *Pravovoe polozhenie sootchestvennikov, prozhivayushchikh v stranakh postsovetskogo prostranstva: sravnitel'nyy analiz* [Legal status of compatriots living in Post-Soviet countries: A comparative analysis]. Prometey. (In Russ.)

Для цитирования: Крамаренко А. С. Новая диаспора? Возможности и инструменты взаимодействия с российскими релокантами в странах Центральной Азии и Южного Кавказа / А. С. Крамаренко // PolitBook. – 2026. – № 2. – С. 108–131. – DOI 10.24412/2227-1538-2026-2-108-131.

**И.В. Лескова,
С.Ю. Зязин**

**I. Leskova,
S. Zyazin**

**АКАДЕМИЧЕСКОЕ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
СТРАН СНГ
КАК ФАКТОР
РЕГИОНАЛЬНОЙ
ИНТЕГРАЦИИ И МЯГКОЙ
СИЛЫ РОССИИ**

**ACADEMIC COOPERATION
BETWEEN THE CIS
COUNTRIES AS A FACTOR
OF REGIONAL
INTEGRATION AND
RUSSIA'S SOFT POWER**

Аннотация

В статье представлен многоаспектный анализ академического взаимодействия государств, участников СНГ как фактора региональной интеграции и инструмента «мягкой силы» России. Теоретической основой выступают институциональный подход и концепция «мягкой силы» Дж. Ная. Эмпирическая база включает нормативные документы СНГ, аналитические отчеты, статистические данные и научные публикации по проблематике образовательной и научной кооперации на постсоветском пространстве. Результаты исследования показывают, что за три десятилетия сформировалась разветвленная институциональная архитектура (базовые организации, Сетевой университет СНГ, Славянские университеты), обеспечивающая устойчивость общего научно-образовательного пространства. В то же время выявлены критические проблемы: хроническое недофинансирование, правовые барьеры при взаимном признании документов об образовании, расхождение образовательных моделей (Болонский процесс vs суверенные системы), а также растущая конкуренция со стороны Китая, Турции и ЕС на рынке студенческой миграции. Несмотря на указанные вызовы, академическое взаимодействие продолжает обеспечивать социокультурную консолидацию региона и служит существенным, хотя и нуждающимся в модернизации, ресурсом влияния России. Авторы приходят к выводу, что перспективы развития связаны с переходом к устойчивому финансированию, гармонизацией образовательных стандартов и адаптацией к меняющейся геополити-

Abstract

The article presents a multidimensional analysis of academic cooperation between the CIS member states as a factor of regional integration and an instrument of Russia's "soft power". The theoretical basis is the institutional approach and the concept of "soft power" by J. Nye. The empirical base includes CIS normative documents, analytical reports, statistical data, and scientific publications on educational and scientific cooperation in the Post-Soviet space. The results of the study show that over the past three decades, an extensive institutional architecture has been formed (basic organizations, the CIS Network University, Slavic Universities), ensuring the sustainability of the common scientific and educational space. At the same time, critical problems have been identified: chronic underfunding, legal barriers in the mutual recognition of educational documents, diverging educational models (the Bologna Process vs sovereign systems), as well as growing competition from China, Turkey and the EU in the student migration market. Despite these challenges, academic cooperation continues to carry out the socio-cultural consolidation of the region and serves as a significant, although in need of modernization, resource of Russian influence. The authors conclude that the development prospects are linked to the transition to sustainable financing, the harmonization of educational standards and adaptation to the changing geopolitical environment.

ческой конъюнктуре.

Ключевые слова:

академическое сотрудничество, СНГ, региональная интеграция, мягкая сила, образовательное пространство, студенческая миграция, сетевой университет.

Key words:

academic cooperation, CIS, regional integration, soft power, educational space, student migration, network university.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2026-2-132-143>

На сложном и многогранном постсоветском пространстве академическое сотрудничество уже более трех десятилетий выполняет роль одного из приоритетных направлений, сохраняющего гуманитарные контакты, и значимым фактором региональной интеграции «мягкого» типа.

После распада СССР перед новыми независимыми государствами встала дилемма: с одной стороны, необходимость суверенного национального строительства, включая формирование собственных образовательных и научных систем, а с другой стороны, инерционное стремление сохранить единое интеллектуальное поле, общие стандарты и каналы коммуникации (Иманкулова, 2019; Лаптев, 2023). Это противоречие, по сути, задало логику формирования новых, теперь уже межгосударственных, вариантов взаимодействия в науке, образовании и культуре в рамках Содружества Независимых Государств (далее – СНГ, Содружество). Импульсом для развития кооперации стали совместные усилия научно-педагогических сообществ, стремившихся преодолеть возникающие разрывы и сохранить профессиональные связи. Инициатива снизу постепенно была поддержана на государственном уровне и институционализирована, обусловив тем самым формирование многослойной системы взаимодействия.

Из сказанного следует, что координация работы потребовала создания развитой институциональной архитектуры для упорядочения спонтанно возникающих контактов. Ведущая роль в данном процессе была отведена Совету по культурному сотрудничеству государств-участников СНГ, а базовой правовой основой стало заключенное в 1992 году Соглашение о сотрудничестве в области культуры. Между тем, как показывает практика, наличие учрежденных структур и программных заявлений вовсе не гарантирует беспрепятственного интеграционного процесса. Созданная сеть институциональных структур и разнообразные инициативы неизбежно сталкиваются с рядом серьезных проблем: от хронического дефицита финансирования и трудно преодолимых правовых барьеров до стремительной трансформации геополитической ситуации и усиления конкуренции извне. Переплетение устойчивости и уязвимости, прочности институтов и несовершенство их

практической работы и определяет академическое взаимодействие в СНГ важным объектом для научного анализа.

Цель представленной статьи заключается в проведении многоаспектного анализа структуры, механизмов и основных направлений академического взаимодействия стран СНГ, а также оценку его роли в двух взаимосвязанных плоскостях: как движущей силы интеграционных процессов в регионе и как стратегического ресурса «мягкой силы» Российской Федерации.

Исходная теоретическая гипотеза исследования состоит в следующем: несмотря на существующие и явно выраженные трудности, сложившаяся за десятилетия сеть формальных и неформальных структур проявляет значительную адаптивность и обеспечивает устойчивость научно-образовательного пространства Содружества, продолжая выполнять функцию социокультурного сближения стран региона и выступая важным каналом для применения возможностей потенциала «мягкой силы». Для верификации заявленной гипотезы необходимо подвергнуть критическому анализу и текущие проблемы, в числе которых динамика студенческой миграции, модели финансирования сотрудничества, и растущее воздействие альтернативных образовательных центров.

Методологическую основу исследования формирует сочетание нескольких дополняющих друг друга подходов. Прежде всего – институциональный, который рассматривает академическое взаимодействие как сложную, исторически сложившуюся систему формальных и неформальных правил, учреждений и устоявшихся моделей деятельности, структурирующих сотрудничество в сфере науки и образования (Певная, 2025). Указанный подход позволяет рассматривать сотрудничество как единство его официальной структуры и скрытой от прямого наблюдения практики, основанной на длительных горизонтальных связях и взаимном доверии. Появляется тем самым возможность объяснить, как в условиях децентрализованного управления возникают, развиваются и демонстрируют устойчивость такие специфические формы, как базовые организации и сетевые консорциумы.

Второй, сопряженный с первым, подход определяется концепцией «мягкой силы» (Дж. Най). Применение данной концепции в рамках институционального подхода позволяет оценить, как созданные структуры (базовые организации, сетевые университеты), будучи проводниками влияния, работают и на функциональную интеграцию, и на формирование привлекательности и лояльности. Согласно концепции, такие аспекты, как привлекательность образовательной системы, научные достижения и культурный авторитет страны, рассматриваются в качестве важного нематериального актива, способствующего укреплению ее международных позиций и достижению

внешнеполитических задач на основе добровольного согласия и симпатии (Торкунов, 2012). Академическое пространство СНГ представляет собой наглядное поле для применения концепции «мягкой силы»; Россия при этом исторически занимает в нем центральное положение.

Третий подход обусловлен пониманием науки и образования как важнейших факторов социальной безопасности и технологического суверенитета государства. Благодаря такому ракурсу внимание фокусируется не столько на интеграционной или репутационной функции сотрудничества, сколько на его конкретном содержании, эффективности финансовых механизмов (поддержка личности ученого, института или проектов) и вкладе в становление национальных научных традиций. Он необходим для критической оценки эффективности сотрудничества, не ограниченной политическим имиджем. Проблема оптимальной формы финансирования и организации науки (через исследовательские университеты, академии наук или грантовые схемы) для достижения научных прорывов напрямую соотносится с обсуждением перспектив научно-образовательного пространства СНГ.

Важным, способствующим устойчивости взаимодействия фактором является общность исторического опыта и социально-культурного контекста, обеспечивающая высокую степень совместимости между национальными образовательными системами.

Эмпирическую базу исследования составил всесторонний анализ нормативных актов СНГ, программных документов, ведомственных отчетов, международных статистических данных, а также аналитическая работа с материалами научных статей и экспертных докладов. К анализу были привлечены также исследования, посвященные тенденциям в студенческой миграции, конкурентным стратегиям других стран и опыту международной работы российских университетов. Использование методов систематизации, сравнительного анализа позволило выявить основные структуры и направления развития, а также провести различия между декларируемыми целями и реальными практиками, между устойчивыми контактами и областями противоречий в академическом взаимодействии стран Содружества.

Структура и основные направления сотрудничества

За минувшие годы академическое взаимодействие на пространстве СНГ сложилось в разветвленную, многоуровневую и в значительной степени уникальную систему институциональных форм. На межгосударственном, политическом уровне общую координацию осуществляют Совет по культурно-сотрудничеству и Совет по сотрудничеству в области образования государств-участников СНГ. Однако реальным практическим механизмом инте-

грации служат базовые организации – ведущие вузы и научные центры, наделенные специальным статусом по конкретным приоритетным направлениям: языки и культура, фундаментальные науки, инженерное образование¹. Деятельность базовых организаций, направленная на разработку образовательных стандартов, совместных программ и повышение квалификации кадров, стимулирует складывание устойчивых сетей и сообществ профессионалов.

Среди наиболее значимых проектов, вышедших за рамки исключительно административной координации, следует выделить Сетевой университет СНГ. Отличительной чертой Сетевого университета СНГ стала реализация магистерских программ по модели «1+1», предполагающей выдачу двух дипломов. Университет показывает пример успешного перехода от пассивного сохранения унаследованных связей к целенаправленному формированию современных, адаптивных форм сетевой кооперации, которые соответствуют требованиям глобального рынка образования (Лебедев, 2013). Одновременно ведется малозаметная, но постоянная работа по сближению образовательных требований и обеспечению возможностей для взаимного признания документов об образовании в рамках формирования единого образовательного пространства, закрепленного Соглашением 1997 года.

Процесс интеграции поддерживается и через механизм базовых организаций, действующих как центры компетенций в определенных областях. Сетевые структуры аккумулируют экспертизу, разрабатывают модельные стандарты, распространяют лучшие практики среди вузов стран Содружества. Особый статус сохраняют Славянские университеты, созданные как совместные двусторонние проекты в Армении, Беларуси, Кыргызстане, Таджикистане и Молдове². Их деятельность является примером глубокой взаимозависимости политики в сфере образования, языка и гуманитарных обменов.

Значимую роль, несмотря на формализацию, играет сотрудничество в научной сфере, включающее координацию фундаментальных исследований через специализированный Совет, совместные конференции и академическую мобильность ученых. Культурно-гуманитарное направление, реализуемое посредством масштабных программ совместных фестивалей, музейных и театральных проектов, создает единое смысловое поле и тем самым необходимый контекст для академического взаимодействия. Ведущую роль в этом

¹ Информация о деятельности базовых организаций государств – участников СНГ по сотрудничеству в области образования. (2025). Исполнительный комитет Содружества Независимых Государств. <https://eccis.org/page/18953>

² Досье: Значение Славянских университетов для образовательной интеграции в СНГ. (2023). Евразия. Эксперт. <https://eurasia.expert/znachenie-slavyanskikh-universitetov-dlya-obrazovatelnoy-integratsii-v-sng/>

пространстве, безусловно, продолжает играть русский язык, который остается не только средством межнационального общения, но и языком науки для многих представителей академического сообщества на пространстве Содружества (Лаптев, 2023).

Укажем, что данная архитектура не является застывшей; она проявляет способность к внутренней дифференциации и специализации, развиваясь в новых формах: профильных сетевых университетах (например, в сфере духовного образования) и отраслевых консорциумах (технических, педагогических).

Проблемы и факторы конкуренции

Прочность и развитость академического пространства СНГ не говорит об отсутствии существенных, а в некоторых аспектах и нарастающих, трудностей. Прежде всего анализ позволил выявить ряд внутренних проблем. Реализацию большинства инициатив сдерживает главным образом постоянная нехватка финансовых средств. В результате финансирование становится эпизодическим и зависит от разовых решений¹, а многие инициативы в проекты реализуются лишь благодаря энтузиазму отдельных руководителей или разовых грантов. Очевидно, что сложившаяся ситуация подрывает их долгосрочную устойчивость и воспроизводимость. Правовые препятствия в области признания документов об образовании обнаруживаются не в отсутствии соглашений (они заключены со всеми странами Содружества), а в сложностях их практической реализации и в увеличивающемся разнообразии (Иманкулова, 2019). Положение усугубляет расхождение образовательных моделей: часть стран СНГ (Армения, Азербайджан, Казахстан, Молдова, Украина) остается участниками Болонского процесса, в то время как Россия и Беларусь завершили в нем участие в 2022 году, взяв курс на формирование собственных суверенных систем. Конечно, образуются риски для гармонизации образовательных программ, учета освоенных учебных дисциплин (модулей) и формирования общего пространства профессиональных квалификаций. В конечном счете это сдерживает академическую мобильность и интеграцию.

Особую остроту в последнее десятилетие приобретает усиливающаяся конкуренция извне. Интернационализация образования и глобальная экспансия ведущих университетских центров формируют для студентов и ученых стран СНГ привлекательные альтернативы. Как показывают исследования,

¹ Информация о деятельности базовых организаций государств – участников СНГ по сотрудничеству в области образования. (2025). Исполнительный комитет Содружества Независимых Государств. <https://eccis.org/page/18953>

Россия, оставаясь безусловно ведущим направлением для студентов из стран ЕАЭС, сталкивается с растущим и стратегически выверенным давлением со стороны. Так, Китай применяет комплексную стратегию, сочетая институты Конфуция с практико-ориентированными проектами (например, «Мастерских Лу Баня»), нацеленными на подготовку технических специалистов для работы с китайскими компаниями. Турция последовательно расширяет программы исламских исследований и стипендии для тюркоязычных студентов, альтернативные профессиональные и культурные траектории (Омурова, 2023; Погодаев, 2025).

Вызывает беспокойство и такая динамика: в Армении и Беларуси имеет место существенное, приближающееся к двукратному сокращению числа студентов, выбирающих российские вузы, в пользу образовательных программ Европейского союза, особенно Польши и Чехии. Даже в странах-союзницах (Казахстан и Киргизия) нарастает конкуренция со стороны Китая и Турции. Указанные страны проводят агрессивную, хорошо финансируемую и институционально оформленную политику образовательной экспансии, используя разнообразные инструменты: сеть институтов, масштабные стипендиальные программы, открытие филиалов и совместных университетов (Погодаев, 2025). Стратегии конкурентов часто обусловлены и прагматической привлекательностью предложений, поскольку ориентированы на построение четких карьерных траекторий, связанных с экономическим присутствием этих стран в регионе.

Меняющийся конкурентный ландшафт усугубляется рядом внутренних проблем российской высшей школы и поиском направлений ее реформирования. Из этого следует, что для сохранения и упрочения достигнутых результатов недостаточно поддержки существующих форматов. Требуется их качественная трансформация, преодоление инфраструктурных ограничений (например, обеспеченность общежитиями), повышение информационной открытости и привлекательности образовательных программ. Важным дополнительным фактором оказывается и масштабная реформа высшего образования в России после выхода из Болонского процесса, которая открывает путь к созданию собственной, независимой системы, но при этом требует тщательного и заблаговременного соотнесения с образовательными системами партнеров по СНГ, часть которых остается в Болонской системе.

Прогнозные оценки развития академической мобильности в России, включая потоки из стран СНГ, указывают на несколько возможных сценариев – от регрессивного, связанного с потерей позиций до умеренно-оптимистичного, достижимого при условии качественной цифровизации образования и активной государственной поддержки экспорта образователь-

ных услуг (Ростовская, 2021). Текущие позиции России, как видим, не являются гарантированными и требуют системной работы. При этом важно учитывать, что конкуренция идет не только за студентов, но и за профессорско-преподавательский состав и научные кадры; их мобильность также становится объектом пристального внимания со стороны альтернативных центров научного притяжения.

Академическое взаимодействие как инструмент интеграции и мягкой силы

Несмотря на указанные проблемы, результаты исследования позволяют интерпретировать академическое взаимодействие в СНГ как сложный, многофункциональный и в целом устойчивый процесс. Прежде всего, взаимодействие выступает действенным каналом сближения государств региона, оказывающим влияние на базовые, ценностные уровни. Оно содействует выработке единых социокультурных ориентиров, укреплению взаимопонимания внутри профессиональной среды и становлению устойчивых международных контактов между научными и педагогическими работниками, обучающимися. Базовые организации и объединения сетевого типа обладают свойством оперативно приспосабливаться к работе в условиях нехватки финансирования и децентрализованного управления (Международное, 2021).

Для Российской Федерации такое сотрудничество представляет собой существенный, хотя и нуждающийся в перманентной аналитической проработке и обновлении, потенциал воздействия. Такие структуры, как Сетевой университет СНГ и Славянский университет, решают актуальные социокультурные задачи, содействуя появлению трансграничных профессиональных групп, интегрированных в русскоязычную среду и нацеленных на партнерство с Россией. Востребованность отечественных образовательных программ, устойчивые позиции в определенных научных направлениях, а также общность исторического опыта помогают сохранять авторитет страны на постсоветской территории. Подтверждением этому является продолжающийся значительный приток абитуриентов из государств Содружества и лидирующая роль российских вузов в основных кооперационных проектах (Торкунов, 2012). Как показывает практика, интеграция наиболее результативна там, где она подкреплена не только дипломатическими договоренностями, но и реальной общностью экономических и кадровых потребностей сторон. Данное утверждение находит подтверждение в практике взаимодействия в формате Союзного государства России и Беларуси.

Эффективность «мягкой силы», реализуемой через образование, в решающей степени зависит от конкурентоспособности и качества национальной

высшей школы, под которыми понимается не только содержание программ, но и весь комплекс условий для студентов и исследователей. Этот принцип находит воплощение как в деятельности государственных институтов, так и в гражданских инициативах. Примером последних может служить созданное в 2025 году объединение обучающихся в России студентов из стран СНГ, которое ориентировано на консолидацию молодежи, взаимопомощь и реализацию возможностей «студенческой дипломатии». Активная работа многих российских вузов в странах Содружества: организация мероприятий, открытие специализированных классов, разработка сетевых программ, – также указывает на смещение акцентов международной деятельности в русло актуальных внешнеполитических ориентиров. По оценке экспертов, несмотря на определенное сужение сотрудничества с западными партнерами, прежде всего в гуманитарной сфере, наблюдается содержательная реконфигурация связей с ориентациями на страны СНГ, Азии, БРИКС и Африки.

Реакцией на трудности, порожденные пандемией, финансовые ограничения и задачей широкого вовлечения участников, стал интенсивный переход в цифровую среду. Вместе с тем цифровизация сотрудничества ставит новые задачи, связанные с обеспечением равного доступа к качественным цифровым ресурсам и предотвращением цифрового разрыва между вузами разных стран. Дальнейшее развитие видится в моделях, сочетающих дистанционный и очный форматы обмена, что согласуется с мировой тенденцией к «интернационализации без выезда (дома)» (Кондрашова, 2024). В документах структур СНГ также подчеркивается, что развитие мобильности сопряжено с использованием смешанных моделей, электронных образовательных сред и онлайн-взаимодействию, дающих возможность присоединяться к сотрудничеству тем, кто лишен доступа к долгосрочным очным программам¹.

Академическое взаимодействие в СНГ, пройдя через этап противоречий и центробежных тенденций 1990-х годов, сформировало уникальную и в целом устойчивую институциональную архитектуру, доказавшую свою жизнеспособность. Оно прошло путь от сохранения советского научно-педагогического наследия к целенаправленному конструированию современных, сетевых и проектных форматов сотрудничества. Таким образом, академическое взаимодействие продолжает выполнять незаменимую функцию в гуманитарном измерении региональной интеграции. Для России оно сохраняет значение основного канала мягкого влияния, однако его резуль-

¹ Цифровые технологии, стажировки, двойные дипломы: как будет развиваться академическая мобильность в странах СНГ. (2025). Межпарламентская ассамблея государств-участников Содружества Независимых государств. https://iacis.ru/novosti/postoyannye_komissii/tcifrovie_tehnologii_stazhirovki_dvojnije_diplomi_kak_budet_razvivatsya_akademicheskaya_mobilnost_v_stranah_sng

тативность в текущей ситуации детерминирована готовностью к последовательной модернизации организационных основ и предметного наполнения.

Перспективы дальнейшего развития научно-образовательного пространства СНГ в решающей степени связаны со способностью к осмысленному преодолению системных ограничений. В связи с этим необходим переход от риторики интеграции к конкретным бюджетным механизмам, гарантирующим устойчивое финансирование совместных программ и институтов, включая базовые организации и Славянские университеты. Неотложной является задача по ускоренному созданию полноценной, работающей правовой базы для взаимного признания документов об образовании и ученых степеней, решение которой стимулирует в том числе академическую мобильность. Особую значимость приобретают совместные научно-исследовательские программы, особенно в прорывных областях. Такой подход позволит трансформировать академическое сотрудничество из преимущественно образовательного в полноценное научно-инновационное партнерство, тем самым значительно повысит его прагматическую ценность для всех участников.

В условиях растущей внешней конкуренции и изменения геополитической обстановки и образовательной конъюнктуры преимущества общего русскоязычного пространства и исторических связей не являются самодостаточной основой для удержания лидирующих позиций. Их следует целенаправленно трансформировать в конкурентные преимущества путем повышения качества образовательных программ и моделей, актуальности научных исследований, совершенствования материально-технической базы и системы продвижения. Особое значение в связи с этим приобретает создание и поддержка новых площадок для академического диалога; например, учреждение специализированных научных журналов, таких как журнал «Евразийские академические горизонты», которые могли бы стать платформой для укрепления международного академического сотрудничества.

Положительный опыт отдельных вузов, например, Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН), демонстрирует эффективность внутренних программ поддержки мобильности, развития сетевого взаимодействия в рамках Сетевого университета СНГ, Университета Шанхайской организации сотрудничества (УШОС), БРИКС и реформатирования партнерств в новых внешнеполитических реалиях (Кондрашова, 2024). Безусловно, эти успешные практики должны быть тиражированы и адаптированы другими вузами.

Будущее общего научно-образовательного пространства СНГ будет определяться не инерцией прошлого, но способностью его институтов и

участников к стратегической адаптации, углублению содержательной кооперации и предложению конкурентоспособных, качественных и востребованных образовательных и научных решений. Развитие в этом направлении позволит в полной мере реализовать интеграционный потенциал академического взаимодействия в контексте современных вызовов, а успех будет измеряться не только количеством совместных программ или студентов, но и способностью генерировать новое знание, готовить новые кадры и оставаться притягательным центром интеллектуального развития для всего региона.

Литература

Иманкулова, Н. Б., & Мошляк, Г. А. (2019). Международная академическая мобильность студентов в контексте интернационализации высшего образования (опыт РУДН). *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*, 19(3), 499–508.

Кондрашова, И. С. (2024). Актуальные проблемы образовательного сотрудничества на постсоветском пространстве. *Вестник РГГУ. Серия: Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения*, (1), 143–151.

Лаптев, Е. А. (2023). Роль русского языка в развитии международного академического диалога на постсоветском пространстве (1991–2022 гг.). *Казачество*, (2), 122–128.

Лебедев, А. О. (2013). Сетевое взаимодействие стран СНГ в сфере высшего образования как форма региональной интеграции. *Научные ведомости. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика*, (15), 25–31.

Международное сотрудничество вузов государств-участников Содружества Независимых Государств. Роль технических университетов в формировании единого научно-технологического и образовательного пространства СНГ (А. А. Александров & В. К. Балтян, ред.). (2021). Ассоциация технических университетов.

Омурова, Ж. О., Лысенко, Ю. А., & Кылычев, А. М. (2023). Институты Конфуция как инструмент мягкой силы в культурной дипломатии Китая в Кыргызстане. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*, (2), 226–239.

Певная, М. В., Минченко, Д. В., & Щербинин, С. Н. (2025). Международное сотрудничество российского и белорусского студенчества: контекст государственного содействия и перспективы развития. *Вопросы управления*, 19(3), 143–158.

Погодаев, Н. П. (2025). Стратегия Турции по экспорту высшего образования в страны Центральной Азии: 2013–2023 гг. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, (84), 158–178.

Ростовская, Т. К., & Золотарева, О. А. (2021). Тенденции академической мобильности в России: статистическая аналитика и прогностика. *Интеграция образования*, 25(3), 421–439.

Торкунов, А. В. (2012). Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России. *Вестник МГИМО Университета*, (4), 85–93.

References

- Aleksandrov, A. A., & Baltyan, V. K. (Eds.). (2021). *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo vuzov gosudarstv-uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimyykh Gosudarstv. Rol' tekhnicheskikh universitetov v formirovanii edinogo nauchno-tekhnologicheskogo i obrazovatel'nogo prostranstva SNG* [International cooperation of universities of the CIS member states. The role of technical universities in forming a unified scientific-technological and educational space of the CIS]. Assotsiatsiya tekhnicheskikh universitetov. (In Russ).
- Imankulova, N. B., & Moshlyak, G. A. (2019). International academic mobility of students in the context of internationalization of higher education (experience of RUDN University). *RUDN Journal of International Relations*, 19(3), 499–508. (In Russ).
- Kondrashova, I. S. (2024). Current problems of educational cooperation in the Post-Soviet space. *RSUH Bulletin. Series: Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations*, (1), 143–151. (In Russ).
- Laptev, E. A. (2023). The role of the Russian language in the development of international academic dialogue in the Post-Soviet space (1991–2022). *Kazachestvo*, (2), 122–128. (In Russ).
- Lebedev, A. O. (2013). Network interaction of CIS countries in higher education as a form of regional integration. *Scientific Reports. Series: History. Political Science. Economics. Informatics*, (15), 25–31. (In Russ).
- Omurova, Zh. O., Lysenko, Yu. A., & Kylychev, A. M. (2023). Confucius Institutes as a soft power tool in China's cultural diplomacy in Kyrgyzstan. *Bulletin of Volgograd State University. Series 4, History. Regional Studies. International Relations*, (2), 226–239. (In Russ).
- Pevnaya, M. V., Minchenko, D. V., & Shcherbinin, S. N. (2025). International cooperation of Russian and Belarusian students: Context of state assistance and development prospects. *Management Issues*, 19(3), 143–158. (In Russ).
- Pogodaev, N. P. (2025). Turkey's strategy for exporting higher education to Central Asian countries: 2013–2023. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, (84), 158–178. (In Russ).
- Rostovskaya, T. K., & Zolotareva, O. A. (2021). Trends of academic mobility in Russia: Statistical analytics and forecasting. *Integration of Education*, 25(3), 421–439.
- Torkunov, A. V. (2012). Education as a tool of 'soft power' in Russia's foreign policy. *MGIMO University Bulletin*, (4), 85–93. (In Russ).

Для цитирования: Лескова И. В. Академическое взаимодействие стран СНГ как фактор региональной интеграции и мягкой силы России / И. В. Лескова, С. Ю. Зязин // PolitBook. – 2026. – № 2. – С. 132–143. – DOI 10.24412/2227-1538-2026-2-132-143.

В.Ю. Леденева**V. Ledeneva****ПРАВОВОЕ
РЕГУЛИРОВАНИЕ
МИГРАЦИИ В СТРАНАХ
СНГ В УСЛОВИЯХ
ИЗМЕНЯЮЩИХСЯ
МИГРАЦИОННЫХ
ПОДСИСТЕМ****LEGAL REGULATION OF
MIGRATION IN THE CIS
COUNTRIES UNDER
CONDITIONS OF
TRANSFORMING
MIGRATION SUBSYSTEMS****Аннотация**

В статье анализируются особенности правового регулирования миграции в странах Содружества Независимых Государств в условиях трансформации национальных и межгосударственных миграционных подсистем. Актуальность исследования определяется высокой плотностью миграционных связей на постсоветском пространстве, демографическими дисбалансами и дефицитом трудовых ресурсов в странах-реципиентах, а также значительной социально-экономической зависимостью стран-доноров от внешней трудовой миграции. Цель работы заключается в выявлении ключевых направлений изменения правовых механизмов регулирования миграции и анализе их роли в трансформации миграционных подсистем региона.

Методологической основой исследования выступают институциональный и подсистемный подходы, в рамках которых миграционное право рассматривается как инструмент формирования каналов допуска, режимов занятости, контроля и цифрового администрирования мобильности. Используются методы сравнительно-правового анализа и вторичного анализа статистических данных международных организаций (UN DESA, Всемирный банк, Евразийская экономическая комиссия, СНГ). В работе показано, что миграционная подсистема Центральной Азии выступает своеобразной площадкой для изучения взаимодействия интеграционных процессов как стабилизирующего фактора и турбулентности глобальной сре-

Abstract

The article examines the specific features of migration law and regulation in the countries of the Commonwealth of Independent States (CIS) in the context of transformations affecting national and intergovernmental migration subsystems. The relevance of the study is obfuscated by the high intensity of migration ties across the Post-Soviet space, demographic imbalances and labor shortages in receiving countries, as well as the significant socio-economic dependence of sending countries on external labor migration. The aim of the study is to identify key directions in the evolution of legal mechanisms regulating migration and to analyze their role in the transformation of regional migration subsystems.

The methodological framework is based on institutional and subsystem approaches, within which migration law is conceptualized as an instrument shaping admission channels, employment regimes, control mechanisms, and the digital administration of mobility. The research applies comparative legal analysis and secondary analysis of statistical data from international organizations (UN DESA, World Bank, Eurasian Economic Commission, CIS). The study demonstrates that the Central Asian migration subsystem functions as a distinctive platform for examining the interaction between integration processes as a stabilizing factor and global turbulence as a destabilizing factor. Additional influence stems from the accelerated digitalization of migration procedures and the emergence of new forms of "virtual migration," which are trans-

ды как дестабилизирующего фактора. Дополнительное влияние оказывает ускоренная цифровизация миграционных процедур и появление новых форм «виртуальной миграции», трансформирующих традиционные модели мобильности.

Установлено, что правовое регулирование миграции в странах СНГ развивается преимущественно не по пути унификации, а через дифференциацию правовых статусов и селективность каналов легальности. Формируются асимметричные миграционные подсистемы, в которых страны-реципиенты и страны-доноры выполняют устойчиво различные функции, а право приобретает особую роль в структурировании миграционных потоков и рынков труда.

Ключевые слова:

миграционная политика; правовое регулирование миграции; страны СНГ; миграционные подсистемы; трудовая миграция; институциональный подход.

forming traditional models of mobility.

The findings indicate that migration regulation in the CIS countries is developing not through legal unification but rather through differentiation of legal statuses and selective channels of legality. Asymmetric migration subsystems are emerging, in which receiving and sending countries perform structurally different roles, while law acquires a configurational function in shaping migration flows and labor markets.

Key words:

migration policy; legal regulation of migration; CIS countries; migration subsystems; labor migration; institutional approach.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2026-2-144-158>

Международная миграция на постсоветском пространстве на протяжении последних десятилетий остается одним из ключевых факторов социально-экономической динамики, демографической устойчивости и трансформации рынков труда. Страны Содружества Независимых Государств формируют плотное миграционное пространство, в рамках которого сочетаются устойчивые трудовые потоки, семейная миграция и маятниковая мобильность. При этом в середине 2020-х гг. наблюдается качественное изменение подходов к регулированию миграции, связанное с демографическим старением, дефицитом рабочей силы, цифровизацией государственного управления и ростом управленческих рисков. По данным ООН, численность международных мигрантов в мире достигла 304 млн человек в 2024 году, что отражает долгосрочный рост мобильности населения¹. Россия при этом сохраняет статус одного из крупнейших государств назначения: по оценкам Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН численность международных мигрантов в стране составляет порядка 7,6 млн человек, значительная часть

¹ Численность иммигрантов и эмигрантов по странам происхождения и назначения. (2025). <https://www.migrationpolicy.org/programs/data-hub/charts/immigrant-and-emigrant-populations-country-origin-and-destination>

которых прибывает из стран СНГ (United Nations, 2024, р. 4). Эти данные указывают на структурную устойчивость постсоветских миграционных связей и их ключевое значение для национальных экономик.

Миграционные движения между Россией и Центральной Азией не являются новым явлением, тем не менее, после распада Советского Союза и последовавших экономических потрясений и политической нестабильности в странах Центральной Азии сформировались новые волны миграции. За последние три десятилетия Российская Федерация трансформировалась в ключевой центр притяжения миграционных потоков на постсоветском пространстве. Если в 1990-е гг. преобладала репатриационная миграция этнических русских из государств Центральной Азии, то начиная с 2000-х годов миграционная динамика приобрела преимущественно трудовой характер. Основной поток стали формировать граждане Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана, направлявшиеся в российские регионы в целях трудоустройства и обеспечения доходов домохозяйств в странах происхождения.

Современный этап развития миграционных процессов характеризуется высокой степенью турбулентности: глобальные экономические кризисы, пандемия COVID-19, вооруженные конфликты, санкционные режимы и масштабные перемещения населения, включая волны так называемой «обратной миграции» из России в страны Центральной Азии с 2022 года, существенно подрывают устойчивость ранее сформировавшихся миграционных коридоров (Ивахнюк, 2020, с. 26). Одновременно продолжаются процессы региональной интеграции, ориентированные на институциональное упорядочение трудовой миграции, сближение правовых режимов и формирование общих рынков труда. В результате складывается особый исследовательский контекст, в котором миграционная подсистема Центральной Азии выступает эмпирической площадкой для анализа интеграции стран как фактора стабилизации и одновременно внешней турбулентности как источника дестабилизирующих воздействий. Дополнительным измерением этих процессов становится ускоренная цифровизация миграционного управления и распространение новых форм «виртуальной миграции» и «виртуальной идентичности», трансформирующих традиционные модели пространственной мобильности и социального взаимодействия мигрантов (Волков и др., 2021, с. 105).

Среди стран Центральной Азии Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан выступают преимущественно странами-донорами трудовой миграции, тогда как Казахстан в большей степени выполняет функцию страны-реципиента. Для государств-доноров трудовая миграция имеет не только социальное, но и системное макроэкономическое значение. По данным Всемирного банка, объем личных денежных переводов в 2024 году составил 47,9% ВВП Таджи-

кистана, 17,7% ВВП Кыргызской Республики и 14,4% ВВП Узбекистана¹. Такая доля переводов свидетельствует о высокой степени внешней зависимости национальных экономик от трансграничной мобильности рабочей силы. В этих условиях любые изменения правовых режимов в странах назначения - ужесточение требований к допуску на рынок труда, трансформация процедур легализации или усиление контроля – оказывают не только индивидуальное, но и макроэкономическое воздействие на страны происхождения. Следовательно, правовое регулирование миграции в принимающих государствах становится фактором региональной экономической устойчивости и элементом межгосударственной взаимозависимости

В научной литературе правовое регулирование миграции традиционно анализируется либо в нормативно-правовой логике (как совокупность законов и подзаконных актов) (Миграционная..., 2024), либо в рамках исследований миграционной политики (Попова, 2023, с. 27), (Потемкина, 2025). Другой распространенный подход связывает правовое регулирование миграции с миграционной политикой в широком смысле, изучая влияние законов, директив и политических решений на направления и объемы миграции (Hammoud-Gallego, 2024; Natter & Welfens, 2025).

В ряде публикаций обсуждается сложность управления миграцией как междисциплинарного правового, социального и политического феномена, требующего комплексного подхода к оценке правовых норм и практик регулирования. Так, Collrin и Bauder (Collrin & Bauder, 2025) показали, что понятие migration governance включает аспекты суверенитета, безопасности, прав мигрантов и транснациональных политик, что отражает его многомерный характер. Кроме того, исследование роли городских сетей в политическом обучении Fornasier (Fornasier, 2026) указывает на значимость социальных и институциональных механизмов взаимодействия акторов управления миграцией. Анализ правовых и нормативных рамок миграционной политики в ЕС (Arrinaj, 2025) подчеркивает, что миграционное управление включает не только юридические нормы, но и политические решения, влияющие на права и интеграцию мигрантов. Исследование рассматривает, как сети городов участвуют в процессе обучения политикам в области управления миграцией, что показывает, что политика миграции включает обмен знаниями, социальные и политические аспекты за пределами чисто правового регулирования.

При всем массиве научных публикаций остается недостаточно изученным вопрос о том, как именно правовые изменения трансформируют мигра-

¹ Data for Tajikistan, Uzbekistan, Kazakhstan, Turkmenistan, Kyrgyz Republic (2024). <https://data.worldbank.org/?locations=TJ-UZ-KZ-TM-KG>

ционные подсистемы, которые состоят из устойчивых комплексов каналов допуска, режимов занятости, инструментов контроля и цифровых контуров управления мобильностью. Существующие исследования, как правило, фиксируют отдельные нововведения, но редко рассматривают их системные последствия.

Данное исследование направлено на выявление ключевых направлений трансформации правового регулирования миграции в странах СНГ в условиях изменения национальных и межгосударственных миграционных подсистем. В его рамках уточняется аналитическое содержание понятия «миграционная подсистема» применительно к сфере правового регулирования, анализируются общие тенденции эволюции миграционного законодательства государств региона, а также рассматриваются эмпирические индикаторы, отражающие асимметрию миграционных подсистем, включая распределение миграционных запасов, роль денежных переводов в экономиках стран-доноров и динамику трудовой мобильности.

Полученные результаты интерпретируются с позиции управленческой логики и институциональных последствий, что позволяет рассматривать миграционное право не только как совокупность норм, но и как инструмент структурирования миграционных потоков и рынков труда.

Для анализа правового регулирования миграции в странах СНГ продуктивно опираться на подсистемный подход, в рамках которого миграция рассматривается как комплекс взаимодействующих элементов (потоки, контрпотоки, институты и правила), а изменения в одном элементе способны перестраивать конфигурацию всей системы. В классической работе А.Л. Мабогунье о «системном подходе» внимание переносится с индивидуального мигранта на институты и подсистемы, которые опосредуют миграционные потоки и формируют устойчивые паттерны перемещений (Мабогунье, 1970). Развитие этой логики в миграционных исследованиях показывает, что миграционные режимы не сводятся к отдельным нормам, а работают как взаимосвязанные наборы правил и практик, поддающиеся общему управлению. В управленческом измерении это близко к современному понятию *migration governance* – многоуровневому управлению миграцией, включающему не только государственные органы, но и муниципальный уровень, межведомственные механизмы, а также регуляторы мобильности между странами.

Миграционная подсистема может быть определена как управленческий комплекс, включающий: допуск в страну – правила въезда и основания пребывания (визовые/безвизовые режимы, разрешительные процедуры, квотирование); занятость трудовых мигрантов – доступ к рынку труда (условия найма, отраслевые ограничения, требования к работодателю и

модели легализации трудовой деятельности); контроль и административные процедуры – учет/регистрация, санкции, процедуры выдворения и ограничения прав при нарушениях; цифровизацию, как инфраструктуру сбора данных и надзора (реестры, межведомственный обмен, цифровые профили, автоматизацию статуса).

Именно эти элементы управленческого комплекса позволяют объяснить, почему государства СНГ меняют регулирование миграционными процессами точно, в основном, через усиление контроля, через расширение организованных каналов при одновременном росте цифрового надзора и т.п. Такой режим «точечной перенастройки» миграционных правил способствует не к их унификации, а, наоборот, к росту асимметрии миграционных режимов.

В российской научной традиции системный подход получил развитие в исследованиях международных и евразийских миграционных пространств.

Концепция «миграционной подсистемы», разработанная И.В. Ивахнюк в рамках теории евразийской миграционной системы и поддержанная исследованиями российских авторов, позволяет рассматривать постсоветское пространство как относительно целостную и взаимозависимую конфигурацию потоков. В этой логике миграционные связи формируют устойчивый механизм воспроизводства мобильности, основанный на институциональных соглашениях, исторической общности и экономической взаимодополняемости стран региона. Анализ с позиций адаптивных (резильентных) систем позволяет дополнительно выявить, каким образом подсистема реагирует на внешние вызовы и внутренние структурные изменения (Ивахнюк, 2020, с. 37).

Для России такой подход имеет особое значение. Исследователи отмечают, что традиционный миграционный потенциал стран Центральной Азии постепенно трансформируется, а конкуренция за рабочую силу усиливается.

Это требует поиска новых моделей взаимодействия между государствами региона и переосмысления механизмов регулирования, что невозможно без учета исторически сложившейся архитектуры миграционной системы, включая неформальные каналы адаптации и транснациональные социальные связи.

Актуальность усиливается тем, что интеграционные процессы на постсоветском пространстве развиваются неравномерно и постоянно испытывают воздействие внешних и внутренних факторов турбулентности: экономических кризисов, пандемий, геополитических конфликтов и миграционных вызовов и рисков. Эти факторы приводят к фрагментации потоков, росту неформальной мобильности, повышению уязвимости трудовых мигрантов и дестабилизации социально-экономических систем стран исхода и назначе-

ния. Так, например, события 2022 года и последующие санкционные ограничения стали катализатором глубокой перестройки устоявшихся миграционных связей, поставив под вопрос прежние механизмы регулирования и взаимодействия.

В сложившейся ситуации перед научным сообществом встает ряд принципиальных вопросов. Ключевой из них связан с поиском оптимального баланса между усилением миграционного контроля и защитой национальных интересов принимающих государств, и, прежде всего России, и необходимостью поддержания социально-экономической устойчивости, соблюдения прав трудовых мигрантов из стран Центральной Азии и предотвращения негативных последствий для региональной безопасности и долгосрочного развития.

В этом контексте особое значение приобретает исследование структуры и логики правового регулирования миграции в странах СНГ, поскольку именно правовые механизмы фактически формируют региональные миграционные подсистемы.

Правовой анализ свидетельствует о том, что в странах СНГ миграционная политика и соответствующее правовое регулирование развиваются не по пути унификации и гармонизации, а через распространение множества дифференцированных режимов. Хотя в основе остаются общие элементы (правила въезда, пребывания, правовой статус мигрантов), фактическое регулирование в разных странах осуществляется с учетом национальных интересов, экономических приоритетов и интеграционных обязательств в рамках различных объединений. Это выражается в формировании отдельных правовых режимов для ключевых категорий мигрантов:

1. Граждан стран СНГ, для которых зачастую установлены упрощенные режимы въезда и пребывания (например, безвизовые условия или облегченный учет во многих государствах постсоветского пространства). Несмотря на это, реализация этих норм на практике сталкивается с правоприменительными ограничениями, поскольку внутри СНГ отсутствует полноценный правовой режим свободного перемещения, а миграционные квоты и ограничения остаются значимыми инструментами регулирования. Такое положение отражено в анализе миграционных соглашений СНГ, где визовые льготы существуют с ограничениями по трудовой деятельности и продолжительности пребывания;

2. Участников интеграционных объединений, прежде всего, стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС). В отношении этой категории действуют специальные межгосударственные нормы, предусматривающие упрощенный доступ к рынкам труда государств-членов, взаимное признание

документов об образовании и координацию отдельных аспектов миграционной политики. Эти положения отражены как в межправительственных соглашениях, так и в отдельных правовых актах национальных юрисдикций;

3. Мигрантов из стран «дальнего зарубежья», для которых применяются более жесткие визовые требования, сложные процедуры получения разрешений на работу и ряд дополнительных условий по легализации пребывания. Такая дифференциация проявляется во многих национальных законодательствах стран СНГ и сопутствует глобальным тенденциям усиления контроля над международной миграцией.

Миграционное законодательство, формирующееся в рамках ЕАЭС, за десять лет претерпело значительные изменения и сегодня играет критическую роль, влияя на социальную стабильность, экономическое развитие и международные отношения стран-участниц (Леденева, 2024, с. 156).

По данным Евразийской экономической комиссии, общая численность трудовых мигрантов в странах ЕАЭС по итогам 2024 года достигла примерно 1,1 млн человек, причём значительная часть мигрантов сосредоточена в ключевых секторах экономики (строительство, торговля, транспорт)¹.

В настоящее время сформирован специфический режим регулирования трудовой мобильности, сочетающий элементы наднациональной координации и сохранения национального суверенитета в сфере миграционного контроля. Базовым документом является Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, в частности Раздел 26 «Трудовая миграция» (ст. 96–98), закрепляющий право граждан государств-членов на осуществление трудовой деятельности без получения специальных разрешений и квот, а также равный доступ к рынку труда принимающего государства². Однако сопоставление этих норм с национальными законодательствами Армении, Беларуси, Казахстана и Кыргызстана показывает, что единое миграционное пространство в полном смысле слова не сформировано. Так, в Республике Казахстан действует Закон «О миграции населения» (2011 г., с изм.), в Республике Беларусь – обновленная Концепция миграционной политики на 2024–2028 гг., в Кыргызской Республике – Концепция миграционной политики до 2030 года, а в Республике Армения – Стратегия миграционной политики (2017–2021 гг.). Эти документы регулируют широкий спектр вопросов

¹ Численность трудовых мигрантов в странах ЕАЭС по итогам 2024 года составила 1,1 миллиона человек// https://newsline.kz/ru/article/1220322/?utm_source=chatgpt.com

² Договор о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 г. (с изм. и доп.) [Treaty on the Eurasian Economic Union of 29.05.2014 (as amended)]. (2014). <https://docs.cntd.ru/document/901782780>

от противодействия нелегальной миграции до вопросов гражданства и внутреннего переселения и функционируют параллельно с правом ЕАЭС.

Особое место занимает Российская Федерация как крупнейшая страна-реципиент трудовой миграции в регионе. Базовым нормативным актом является Федеральный закон от 25 июля 2002 года №115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», который определяет порядок въезда, пребывания, трудовой деятельности, миграционного учета, основания для выдачи разрешительных документов, а также меры административной ответственности и выдворения.

Кроме того, стратегическое направление регулирования закреплено в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до ориентированных на совершенствование механизмов привлечения трудовых ресурсов, цифровизацию администрирования и усиление контроля за соблюдением миграционного законодательства.

Российская модель регулирования сочетает элементы либерализации для граждан государств ЕАЭС (отсутствие разрешений на работу, упрощенный доступ к рынку труда) с жестким режимом контроля для мигрантов из третьих стран (патентная система, разрешительный порядок, реестр контролируемых лиц, цифровой учет). Это формирует двойственную конструкцию, в которой интеграционные обязательства реализуются параллельно с национальными приоритетами безопасности и регулирования рынка труда.

На практике складывается многоуровневая система регулирования: наднациональные нормы определяют базовые принципы свободного трудоустройства внутри Союза, тогда как вопросы миграционного учета, административной ответственности, статуса беженцев, гражданства и контроля остаются в компетенции национальных правовых порядков. Это приводит к формированию селективной интеграции, распространяющейся преимущественно на экономический сегмент трудовой мобильности, но не затрагивающей в полном объеме институты миграционного контроля и обеспечения безопасности.

Особое значение приобретает цифровизация миграционного администрирования. С 1 июля 2021 года в промышленную эксплуатацию введена унифицированная система поиска работы «Работа без границ» – первый совместный цифровой проект ЕАЭС, направлен на обеспечение взаимодействия рынков труда в рамках Союза с помощью цифровых инструментов, расширение функционала национальных информационных систем за счет добавления возможностей для поиска резюме и вакансий по всем странам ЕАЭС.

В проекте «Работа без границ» участвуют уже действующие системы из пяти стран-участниц ЕАЭС: информационная система по поиску работы и подбора персонала «Горц» (Республика Армения) , информационный портал государственной службы занятости (Республика Беларусь) , информационный портал «Работа» – электронная биржа труда Министерства труда и социальной защиты населения Республики Казахстан <https://www.enbek.kz/> , информационный портал «Занятость» Информационной системы рынка труда Министерства труда и социального развития Кыргызской Республики , информационная аналитическая система – общероссийская база вакансий «Работа в России» (Российская Федерация). Информационные системы государств-участников проекта взаимодействуют между собой посредством типового программного обеспечения (интегрированного в национальные информационные системы), уникального унифицированного интерфейса и методов API¹. Однако при отсутствии унифицированной системы статистического учета и единых механизмов мониторинга миграционных потоков цифровые инструменты функционируют фрагментарно и не всегда обеспечивают сопоставимость данных между странами.

Для систематизации выявленных особенностей правового регулирования миграции в рамках ЕАЭС многоуровневая структура правового регулирования представлена в табл. 1.

Таблица 1. Многоуровневая структура правового регулирования миграции в ЕАЭС

Уровень регулирования	Основные инструменты	Степень унификации	Сфера компетенции
Наднациональный (ЕАЭС)	Раздел 26 Договора о ЕАЭС; пенсионное соглашение 2019 г.; акты ЕЭК	Частичная (только трудовая мобильность)	Трудоустройство, социальные гарантии
Национальный (государства-члены)	Законы о миграции, гражданстве, правовом положении иностранцев	Низкая	Контроль, учет, санкции, статус иностранцев
Цифровой уровень	Система «Работа без границ», национальные реестры	Фрагментарная	Информационный обмен, поиск работы
Социальный уровень	ОМС, пенсионные механизмы, соглашения о соцобеспечении	Частичная	Социальная защита трудящихся

¹ Проект «Работа без границ» стартовал в ЕАЭС. (2025). <https://eec.eaeunion.org/news/proekt-rabota-bez-granic-startoval-v-eaes/>

Таким образом, правовое регулирование миграции в ЕАЭС формируется в сочетании как интеграционных механизмов, так и институциональной фрагментации. С одной стороны, создан режим упрощенного трудоустройства и координации социального обеспечения; с другой – сохраняется значительная автономия государств в вопросах контроля, статуса и санкций. В результате формируется не единая миграционная система, а селективная подсистема трудовой миграции, встроенная в национальные режимы регулирования, что усиливает асимметрию между странами-реципиентами (прежде всего Россией и Казахстаном) и странами-донорами рабочей силы и требует дальнейшего анализа с позиций баланса интеграции и суверенитета.

Помимо стран-членов ЕАЭС, в пространстве СНГ имеются значимые национальные правовые режимы, формирующие собственные модели регулирования миграции, отражающие уникальные исторические, экономические и социальные условия. Такие режимы существенно различаются по целям регулирования, степени открытости, институциональной структуре и инструментам правового воздействия, что усугубляет институциональную фрагментацию миграционного пространства региона.

В Азербайджанской Республике правовое регулирование миграции связано с рядом действующих нормативных актов, включая Закон «О правовом положении иностранцев» (2005, с изм.), который определяет правовой статус иностранных граждан и лиц без гражданства, порядок их въезда, проживания, регистрации, трудовой деятельности и выдворения. Дополнительно азербайджанский правовой режим включает положения о миграционной службе, обязанностях правоохранительных органов, а также механизмы привлечения иностранных работников на основе квот и разрешений, которые ежегодно утверждаются правительством. Эти правовые нормы ориентированы на защиту национального рынка труда, обеспечение государственной безопасности и социальную стабильность, но зачастую действуют в условиях высокой административной сложности и значительного режима контроля со стороны миграционных органов.

В Республике Узбекистан миграционное регулирование построено на принципах обеспечения прав и свобод иностранцев и лиц без гражданства, одновременно акцентируя внимание на необходимости упорядочения миграционных потоков. Закон «О внешней трудовой миграции» (2019) и ряд подзаконных актов регулируют трудовую мобильность за рубежом, включая условия отправки и поддержки граждан Узбекистана, работающих за пределами страны. Узбекская правовая модель носит комбинированный характер,

сочетая элементы государственного контроля с попытками создать условия для легального и управляемого доступа к международным рынкам труда.

В Республике Таджикистан основным правовым каркасом миграционного регулирования является комплекс законов и подзаконных актов. Как страна-донор крупного объема трудовой миграции, Таджикистан сочетает правовые нормы о защите прав своих граждан за рубежом с механизмами контроля въезда и пребывания иностранцев. В частности, действуют условия обязательной регистрации иностранных граждан, процедурные требования к легализации трудовой деятельности, а также меры по поддержке соотечественников, возвращающихся в страну. При этом таджикское миграционное право часто критикуется за недостаточность эффективности его реализации.

Такое разнообразие национальных подходов - от строгого контроля и квотирования (Азербайджан), через комплексное управление трудовой миграцией (Узбекистан), до администрирования транснациональных потоков и защиты граждан за рубежом (Таджикистан) - подчеркивает, что в пространстве СНГ отсутствует единая модель правового регулирования миграции. Вместо этого мы имеем совокупность национальных правовых режимов с собственными приоритетами, структурами и институциональными механизмами. Такая вариативность усиливает институциональную фрагментацию миграционного пространства СНГ и подчеркивает необходимость сравнения национальных моделей и учета нормативно-правовых норм, а также практику их применения.

Результаты исследования позволяют сделать ряд выводов: во-первых, анализ правового регулирования миграции в пространстве СНГ показал, что на региональном уровне не сформирована единая миграционная система. В рамках Евразийского экономического союза институционализирован селективный режим трудовой мобильности, обеспечивающий упрощенный доступ к рынкам труда государств-членов и координацию отдельных социальных гарантий. Однако этот режим не трансформировался в полноценное единое миграционное пространство.

Во-вторых, за пределами ЕАЭС, в Азербайджане, Узбекистане, Таджикистане и других странах СНГ действуют самостоятельные национальные правовые режимы, ориентированные преимущественно на защиту внутреннего рынка труда, контроль въезда и администрирование статуса иностранных граждан. В результате интеграционные механизмы ЕАЭС сосуществуют с национальными моделями регулирования, но не встроены в наднациональную миграционную систему в масштабах всего СНГ. Таким образом, речь идет не о едином правовом пространстве, а о совокупности взаимосвязанных, но институционально разнородных миграционных подсистем.

В-третьих, правовое регулирование миграции в регионе носит селективный и функционально ограниченный характер. В ЕАЭС свобода передвижения и трудоустройства распространяется исключительно на граждан государств-членов и преимущественно на категорию трудящихся при наличии действующего договора. В странах СНГ, не входящих в Союз, регулирование, напротив, строится на разрешительном и контрольном принципе, включая обязательную регистрацию и административные ограничения. Региональная миграционная интеграция имеет преимущественно экономическую направленность и не охватывает в полном объеме образовательную, гуманитарную, долгосрочную иммиграцию или институты убежища. Формируется модель «условной мобильности», зависящей от занятости и правового статуса.

В-четвертых, сохраняется высокая степень институциональной фрагментации в рамках всего СНГ. Национальные правовые порядки существенно различаются по: механизмам миграционного учета и регистрации; процедурам контроля и выдворения; объему социальных гарантий; режимам допуска к рынкам труда; степени цифровизации миграционного администрирования.

В Азербайджане и Узбекистане акцент сделан на централизованный государственный контроль, в Таджикистане - на регулирование трансграничной трудовой миграции и защиту граждан за рубежом, в странах ЕАЭС - на координацию трудовой мобильности при сохранении национального контроля. В результате единый миграционный поток между странами СНГ регулируется различными правовыми инструментами в зависимости от страны назначения, что воспроизводит многоуровневую архитектуру регулирования.

В-пятых, цифровизация миграционного администрирования развивается быстрее, чем правовая гармонизация. Введение системы «Работа без границ» стало шагом к цифровой интеграции в рамках ЕАЭС, однако аналогичные механизмы отсутствуют на уровне всего СНГ. При этом унификация статистических стандартов, процедур межгосударственного обмена данными и мониторинга занятости остается неполной. Таким образом, цифровые инструменты выступают скорее катализатором интеграции, чем ее результатом, выявляя институциональные разрывы между государствами.

В-шестых, формируется модель дифференцированной и асимметричной интеграции в пространстве СНГ. Ее ключевые характеристики: экономическая мобильность институционализована частично (прежде всего в ЕАЭС); контроль и безопасность остаются национальными; социальные гарантии координируются, но не унифицируются; цифровая инфраструктура развивается неравномерно; сохраняется выраженная асимметрия между странами-донорами и странами-реципиентами.

Эта модель обеспечивает гибкость и сохранение государственного суверенитета, однако ограничивает глубину региональной интеграции и усиливает структурную зависимость миграционных подсистем друг от друга.

Проведенное исследование показало, что правовое регулирование миграции в пространстве СНГ развивается не по модели институциональной унификации, а в логике дифференцированной интеграции. В рамках ЕАЭС создан селективный режим трудовой мобильности, однако за пределами Союза сохраняются самостоятельные национальные правовые конструкции (Азербайджан, Узбекистан, Таджикистан и др.), ориентированные преимущественно на контроль и регулирование потоков.

Региональное миграционное пространство представляет собой сложную, многоуровневую систему, в которой интеграционные и суверенные элементы сосуществуют и взаимодействуют. Экономическая мобильность опережает разработку и внедрение норм контроля, статуса и гражданства, а цифровизация становится инструментом ускорения законодательных изменений.

Таким образом, евразийское миграционное пространство следует рассматривать как динамичную правовую конфигурацию, находящуюся в стадии институциональной трансформации. Его дальнейшая эволюция будет зависеть от способности государств СНГ обеспечить баланс между интеграцией, суверенитетом, безопасностью и защитой прав мигрантов.

Литература

Arrinaj Florida. (2025). Migration governance in the EU: Legal and normative frameworks. *Academic Journal of Business, Administration, Law and Social Sciences*, 11(1), 64–76. <https://doi.org/10.2478/ajbals-2025-0005>

Collrin, B., & Bauder, H. (2025). Migration governance between sovereignty, security and rights: An analysis of the literature. *International Migration*, 63(3). <https://doi.org/10.1111/imig.70025>

Fornasier, J. (2026). Exploring the contribution of migration city networks to policy learning in European cities: The case of Eurocities. *Cities*, 170, Article 106684. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2025.106684>

Hammoud-Gallego, O. (2024). The short-term effects of visa restrictions on migrants' legal status and well-being: A difference-in-differences approach on Venezuelan displacement. *World Development*, 182, Article 106709. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2024.106709>

Mabogunje, A. L. (1970). Systems approach to a theory of rural-urban migration. *Geographical Analysis*, 2(1), 1–18. <https://doi.org/10.1111/j.1538-4632.1970.tb00140.x>

Natter, K., & Welfens, N. (2024). Why has migration research so little impact? Examining knowledge practices in migration policy making and migration studies. *International Migration Review*, 58(4), 1669–1700. <https://doi.org/10.1177/01979183241271683>

Ивахнюк, И. В. (2020). Миграционная система Евразии: устойчивость в условиях турбулентности. *Вестник МГИМО-Университета*, 13(5), 34–52.

Леденева, В. Ю. (2024). Управление миграционными процессами в странах Евразийского экономического союза: сравнительный анализ. *ДЕМИС. Демографические исследования*, 4(3), 154–166. <https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.10>

Миграционная правовая политика России: тенденции и пути развития. (2024). Норма; ИНФРА-М. <https://doi.org/10.12737/2123874>

Попова, С. М., Яник, А. А., & Карпова, С. Ф. (2023). Трансформация миграционной политики России: этапы, особенности, проблемы (1989–2023). *Административное и муниципальное право*, 4, 24–51. <https://doi.org/10.7256/2454-0595.2023.4.43666>

Потемкина, О. Ю. (2025). Новые тенденции внешнего измерения политики миграции и убежища ЕС. *Мировая экономика и международные отношения*, 69(5), 44–54. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-5-44-54>.

References

Arrinaj, F. (2025). Migration governance in the EU: Legal and normative frameworks. *Academic Journal of Business, Administration, Law and Social Sciences*, 11(1), 64–76. <https://doi.org/10.2478/ajbals-2025-0005>

Collrin, B., & Bauder, H. (2025). Migration governance between sovereignty, security and rights: An analysis of the literature. *International Migration*, 63(3). <https://doi.org/10.1111/imig.70025>

Fornasier, J. (2026). Exploring the contribution of migration city networks to policy learning in European cities: The case of Eurocities. *Cities*, 170, Article 106684. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2025.106684>

Hammoud-Gallego, O. (2024). The short-term effects of visa restrictions on migrants' legal status and well-being: A difference-in-differences approach on Venezuelan displacement. *World Development*, 182, Article 106709. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2024.106709>

Ivakhnyuk, I. V. (2020). Eurasian migration system: Stability amidst turbulence. *MGIMO University Bulletin*, 13(5), 34–52. (In Russ).

Ledeneva, V. Yu. (2024). Migration management in the Eurasian Economic Union countries: A comparative analysis. *DEMIS. Demographic Studies*, 4(3), 154–166. <https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.10> (In Russ).

Mabogunje, A. L. (1970). Systems approach to a theory of rural-urban migration. *Geographical Analysis*, 2(1), 1–18.

Migratsionnaya pravovaya politika Rossii: tendentsii i puti razvitiya [Migration legal policy of Russia: Trends and development paths]. (2024). Norma; INFRA-M. (In Russ).

Natter, K., & Welfens, N. (2024). Why has migration research so little impact? Examining knowledge practices in migration policy making and migration studies. *International Migration Review*, 58(4), 1669–1700.

Popova, S. M., Yanik, A. A., & Karpova, S. F. (2023). Transformation of Russia's migration policy: Stages, features, problems (1989–2023). *Administrative and Municipal Law*, (4), 24–51. <https://doi.org/10.7256/2454-0595.2023.4.43666> (In Russ).

Potemkina, O. Yu. (2025). New trends in the external dimension of EU migration and asylum policy. *World Economy and International Relations*, 69(5), 44–54. (In Russ).

Для цитирования: Леденева В. Ю. Правовое регулирование миграции в странах СНГ в условиях изменяющихся миграционных подсистем / В. Ю. Леденева // PolitBook. – 2026. – № 2. – С. 144–158. – DOI 10.24412/2227-1538-2026-2-144-158.

**Е. Долженкова,
Н.М. Межевич**

**E. Dolzhenkova,
N. Mezhevich**

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РУССКОГО ЭТНОСА В ЛАТВИИ

THE POLITICAL AND LEGAL STATUS OF THE RUSSIAN ETHNOS IN LATVIA

Аннотация

Латвийский политический дискурс долгое время строился на противостоянии латышского и русского языка, что привело к сегрегации общества, а русскоязычное население было подвергнуто ассимиляции. В настоящее время наблюдается усложнение позиций латвийских политических элит и, следовательно, законодателя в отношении национальной принадлежности нетитульного населения.

Цель исследования – определить какой подход используется в вопросе о национальной идентичности в Латвии, и какие последствия наступают для нетитульного населения, а именно для русского этноса, в контексте официально закрепленной негативной политики памяти в отношении советского прошлого Латвии.

Методы: Исследование включает в себя анализ официальной статистики для определения национального состава населения и доли русских по национальности среди неграждан и граждан Латвии. Анализируется мнение депутатов латвийского Сейма и позиция Конституционного суда в отношении русского населения. Формально-юридический метод применяется к латвийским нормативно-правовым актам, где содержатся положения о том какие преимущества закреплены за латышами по национальности.

Результаты: Латвийское законодательство содержит официально закрепленные требования о том, кто может определять себя латышом по национальности. Русские наделены статусом продолжателей советской власти, в негативной коннотации. Позиция официальной Латвии заключается в тезисе, что лицо не может выбрать латышскую национальную принадлежность, без соответствующего национального происхождения.

Abstract

Latvian political discourse has long been built on the opposition between the Latvian and Russian languages, leading to the segregation of society, and the assimilation of the Russian-speaking population. Currently, the positions of Latvian political elites, and consequently legislators, regarding the national identity of the non-titular population are becoming more complex.

The aim of this study is to determine the approach used to national identity in Latvia and the consequences for the non-titular population, namely the Russian ethnic group, in the context of the officially entrenched negative memory policy regarding Latvia's Soviet past.

Methods: The study includes an analysis of official statistics to determine the ethnic composition of the population and the proportion of ethnic Russians among non-citizens and citizens of Latvia. The opinions of members of the Latvian Saeima and the position of the Constitutional Court regarding the Russian population are also analyzed. The formal legal method is applied to Latvian legal acts that contain provisions regarding the privileges granted to Latvians by nationality.

Results: Latvian legislation contains formally established requirements regarding who can identify as Latvian by nationality. Russians are given the status of "successors of Soviet power," a negative connotation. The official Latvian position is that a person cannot choose Latvian nationality without the corresponding national origin.

Conclusions: Given the existence of a naturalization procedure for non-citizens and the entry into force of amendments stating that children of non-citizens will not be registered as such starting in 2021, Latvian lawmakers continue to champion the idea of

Выводы: Ввиду наличия процедуры натурализации для неграждан и вступления в силу поправок о том, что дети неграждан с 2021 года не регистрируются в данном статусе – латвийский законодатель продолжает бороться за идею «Латвия для латышей», продолжая сегрегацию уже по национальному признаку. Латвийские граждане русские по национальности несмотря на то, что прошли процедуру натурализации, владеют латышским языком не смогут почувствовать себя полноправными членами в моноэтническом латвийском обществе.

"Latvia for Latvians," thus continuing segregation based on nationality. Latvian citizens of Russian descent, despite having undergone the naturalization process and speaking Latvian, will not be able to feel fully integrated into the mono-ethnic Latvian society.

Ключевые слова:

неграждане, русскоязычное население, сегрегация, титульное население, латыш, латышский язык, моноэтническое общество.

Key words:

non-citizens, Russian-speaking population, segregation, titular population, Latvians, Latvian language, mono-ethnic society.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2026-2-159-174>

Латвийское общество сложно структурировано. Во-первых, разделено на титульное и нетитульное население. Это политическая характеристика, можно трактовать ее как политико-правовую. С этнологической точки зрения «титульным» может быть, как латыш, латгал, гипотетически существующий лив, так и русский, немец и еврей. Однако латыш и латгал не могут не быть негражданами. Собственно, наличие гражданства это и есть правовой статус «титульности». Латыш и латгал «не титульным» быть не может (Виноградова, 2011, с. 141). О.Е. Гришин и М.Ф. Касем приводят тезис, что этническая унификация (Вайшля, 2019, с. 1692) в Латвии наблюдается ко всем этносам, которые не являются латышами (Гришин, Касем, 2018, с. 110). Нетитульное население, с которым наблюдается управляемый конфликт в социокультурном плане, представляет русскоязычное население, использующие русский язык для общения и причисляющие себя к русской культуре. Т.А. Пархоменко отмечает, что русская нация со времен царской России самоопределялась через культуру, веру и язык (Пархоменко, 2021). В 1920 году латвийское правительство разделило все население на три группы. Первую группу составляли лица, которые жили на территории Латвии до Первой мировой войны – они получили статус коренных жителей, при условии, что до Войны они проживали в стране не менее пяти лет. Им было положено гражданство Латвии на основании статуса коренного населения. Вторая группа – это переселенцы во время Второй мировой войны. Лица из

второй группы получили статус неграждан Латвии. Третья группа – это те, кто бежал в Латвию из послереволюционной Советской России. К ним применялся метод отбора по национальному признаку – латышам было разрешено остаться в Латвии, а всех остальных возвращали.

После 1990-х гг. в Латвии на официальном уровне стало формироваться негативное отношение к русскому этносу (Филей, 2015, с. 197). Закрепление негативного отношения к русскому этносу было продолжено на законодательном уровне – вновь была закреплена гражданская категория негражданин Латвии, начали происходить изменения в системе образования, ввиду которых было снижено количество часов преподавания на русском языке для русскоязычных школьников (Зверев, 2021, с. 81). Основные действия латвийского законодателя были направлены на сокращение использования русского языка. К.А. Зверев (Зверев, 2021, с. 89) отмечает, что подобная языковая политика является ассимиляцией и приводит к потере этнической идентичности русских как малой национальной группы. В Латвии официально закреплён единственный государственный язык латышский, в то время как русский язык признан иностранным языком (Лю, Сунь, 2024, с. 509). Что приводит к ущемлению прав русскоязычного населения Латвии. Если определять нацию через язык и этническую принадлежность, то одна часть русской национальной идентичности подвергалась давлению с момента восстановления независимости Латвии.

Согласно исследованию А.Г. Манакова (Манаков, Сидорович, Иванов, 2024, с. 64), в постсоветский период с территории Латвии эмигрировало большое количество нетитульного населения, наибольшее количество среди покинувших страну составляли русские. Данное явление происходило в момент, когда латвийское правительство укрепляло этническую структуру. Происходило и соответствующее растворение русского этноса в латышском этническом обществе, которое становилось все более моноэтническим. Д.В. Житин (Житин, Иванова, 2017, с. 69) приводит данные, свидетельствующие о депопуляции Латвии. Приведенный период с 2005 по 2015 гг. характеризуется наибольшим оттоком населения, что сопоставимо со временем вступления Латвии в Европейский союз, когда наблюдалась наиболее активная натурализация со стороны русскоязычного населения и эмиграция населения в страны-участницы ЕС. Что привело к резкому снижению общей численности населения, как среди титульного населения, так и среди русского населения. На протяжении долгого времени посредством социально-

политического дискурса сегрегация носила относительно мягкий характер и находилась в рамках общественной дискуссии, по сравнению с положением начиная с 2014 года.

Законодательно закрепленные положения о требованиях по знанию латышского языка (в сфере труда, в системе образования и т.д.), а также положения о натурализации, давали возможность русскоязычному населению интегрироваться в латвийское общество. В 2022 году произошли изменения в законодательстве, касающиеся национальной принадлежности. Целью исследования является рассмотрение ужесточения способов определения национальной идентичности и последствий данной идентичности для латвийского населения; какие последствия несет в себе иная идентичность в отличие от принадлежности к национальности «латыш».

Анализ статистических данных, приведенный в статье позволяет наглядно рассмотреть состав латвийского общества и какой объем в нем занимают русские жители Латвии. А также проследить динамику соотношения титульного и русского населения. Так как вопросы о положении русскоязычного населения Латвии до сих пор являются частью социально-политического дискурса и происходит ужесточение дискриминации на законодательном уровне анализу подлежат и мнения депутатов латвийского парламента, а также мнение Конституционного суда об отношении к русскому населению. Методологию исследования составляет формально-юридический метод применительно к нормативно-правовым актам Латвийской Республики, содержащим положения закрепляющим «продолжение» принадлежности к латышской нации (включая те возможности, которые дает данный статус его обладателям и каким образом он дискриминирует иную категорию населения в том числе находящихся в статусе латвийских граждан).

Количество населения, приобретающего гражданство Латвии с течением времени, снижалось. Согласно официальным данным Управления по делам гражданства и миграции с 1995 года 150 119 лицам предоставлено латвийское гражданство. По статистическим данным в 2015 г. – 971 человек получили гражданство Латвии; в 2016 г. – 981 чел.; 2017 г. – 915 чел.; 2018 г. – 930 чел.; 2019 г. – 808 чел.; 2020 г. – 725 чел.; 2021 г. – 419 чел.; 2022 г. – 518 чел.; 2023 г. – 595 чел.; 2024 г. – 694 чел¹. Данные с 1995 года, согласно официальной статистике представлены в табл. 1.

¹ Aktuālā statistika par naturalizācijas procesu (2025). Pilsonības un migrācijas lietu pārvalde. <https://www.pmlp.gov.lv/lv/naturalizacija>.

Таблица 1 – Количество лиц, которые прошли процедуру натурализации и стали гражданами Латвии¹

Год	Количество человек	Год	Количество человек	Год	Количество человек
1995	984	2005	19 169	2015	971
1996	3 016	2006	16 439	2016	987
1997	2 992	2007	6 826	2017	915
1998	4 439	2008	3 004	2018	930
1999	12 427	2009	2 080	2019	808
2000	14 900	2010	2 336	2020	725
2001	10 637	2011	2 467	2021	419
2002	9 844	2012	2 213	2022	518
2003	10 049	2013	1 732	2023	595
2004	16 064	2014	939	2024	694
Итого	150 119				

Согласно данным, представленным в таблице 1, количество неграждан, которые прошли процедуру натурализации и вступили в гражданство Латвии с 2014 года составляет меньше одной тысячи человек. Незначительный рост наблюдается с 2022 г., что можно объяснить, в том числе, и ограничением возможностей для неграждан получать образование и заниматься трудовой деятельностью на территории Российской Федерации. На данное положение оказали влияние ограничения в сфере переводов денежных средств и принятые латвийским правительством меры по сокращению информации о возможности обучения в российских вузах, а также общая политическая нестабильность в регионе.

Русские в Латвии – это вторая по численность национальная группа после латышей. Согласно официальным данным на 2025 год – количество русских по национальности составляет 473 788 человек². Из них гражданами Латвии являются 323 305 человек, количество неграждан Латвии – 114 204 человека. Статистика с 2007 года представлена в табл. 2.

¹ Informācija par naturalizācijas iesniegumu skaitu un uzņemšanu LR pilsonībā līdz 2024. (2025). PMLP. <https://www.pmlp.gov.lv/lv/media/13029/download?attachment>

² Latvijas iedzīvotāju sadalījums pēc nacionālā sastāva un valstiskās piederības (2026). PMLP. URL: <https://www.pmlp.gov.lv/lv/fizisko-personu-registrs-0>

Таблица 2 – Соотношение количества русских, имеющих латвийское гражданство и количество неграждан Латвии к общему количеству латышей

Год	Русские граждане Латвии	Русские неграждане Латвии	Общее количество русских	Общее количество латышей
2007	365 459	251 746	641 893	1 346 118
2008	367 035	245 665	638 410	1 345 100
2009	367 662	235 908	630 380	1 342 750
2010	367 358	226 729	621 766	1 338 682
2011	366 069	214 834	612 306	1 330 769
2012	363 921	205 305	603 125	1 319 552
2013	362 046	195 734	594 769	1 310 546
2014	358 991	185 741	586 052	1 299 368
2015	356 482	172 372	575 195	1 291 914
2016	354 159	165 316	566 681	1 284 767
2017	351 900	159 069	557 618	1 278 697
2018	348 541	152 994	547 492	1 269 922
2019	345 908	147 220	538 361	1 263 894
2020	343 482	141 939	529 941	1 258 769
2021	341 340	136 909	522 135	1 254 252
2022	336 897	128 126	508 263	1 245 504
2023	332 378	123 221	497 403	1 236 980
2024	327 389	118 546	484 342	1 227 635
2025	323 305	114 204	473 788	1 219 700

Отметим общие демографические проблемы, которые относятся абсолютно ко всем этническим и социокультурным группам. Наблюдается общий демографический кризис – снижение численности населения Латвии. Количество русских уменьшается, примерно на 10 тыс. в год, как и латышей. Количество этнических латышей снижается пропорционально количеству русскоязычного населения.

Планы правительства Латвии о возвращении латышей на родину из стран Европейского союза были приняты с двадцатилетним опозданием и не привели в итоге к положительным результатам. Можно предположить, что латвийское правительство не может отказаться от идеи «Латвия для латышей», несмотря на то, что в силу объективных причин данная цель остается не достижимой. Национальное правительство внесло требования о том, кто

может быть отнесен к латышской национальности. Можно предположить, что данное положение стало следствием наличия процедуры натурализации для неграждан, а также ввиду внесения изменений в Закон о гражданстве о детях неграждан, которые с 2021 года могут быть зарегистрированы в качестве латвийских граждан¹. Особое внимание следует уделить русским, имеющим гражданство Латвии, эта группа лиц является интегрированным и имеет весь набор прав, которые доступны латвийским гражданам, в том числе они могут занимать руководящие должности и участвовать в выборах на всех уровнях.

В Плате развития сплоченного и гражданского активного общества до 2027 года указаны направления государственной политики, укрепление чувства государственности и принадлежности к Латвии; способствовать укреплению латышского языка в повседневной жизни, как объединяющего фактора; и способствовать развитию единого понимания социальной памяти². Отдельно указываются положения, относящиеся к негражданам, которые в Плате обозначены, как иностранные граждане, проживающие в Латвии. Т.е. латвийское правительство видит проблему в тех гражданах, которые ранее были негражданами и/или имеют иную национальную идентичность. Важно отметить, что в Латвии проживают и другие лица помимо русских, имеющие национальную принадлежность бывших Советских республик. В качестве примера можно привести данные за 2025 г. по белорусам – граждане 26 583; неграждане 24 035; общее количество 57 488. А также уже менее малочисленные национальные группы (абхазы – граждане 13; неграждане 9; общее количество 28; армяне – граждане 1 236; неграждане 560; общее количество 2 502; азербайджанцы – граждане 654; неграждане 523; общее количество 2 159; башкиры, чувашы и т.д.).

В Латвии после 2022 года обострились межэтнические отношения и есть все признаки этнического конфликта, однако благодаря повышению роли силового фактора в государственном управлении открытого конфликта удалось избежать.

После 2022 года появился фактор «новых иммигрантов», имеющих русскую ментальность и украинские паспорта. Сегодня эти беженцы обозначены в качестве проблемы для социальной сплоченности. Важно отметить,

¹ Pilsonības likums (1994). Likumi.lv. <https://likumi.lv/doc.php?id=57512>.

² Saliedētas un pilsiniski aktīvas sabiedrības attīstības plans 2024–2027. Gadam (2024). Latvijas Vēstnesis. <https://www.vestnesis.lv/op/2024/251.9>.

что государственная помощь (активная помощь) относится именно к украинским беженцам, которым в большей степени доступны финансовая помощь, курсы по изучению латышского языка. По мнению правительства Латвии, угроза от новых иммигрантов распространяется на латышский язык и представление об истории, но и отказать в размещении беженцев из Украины невозможно.

Политика сплочения была ориентировано главным образом на граждан Латвии и так называемых «неграждан». Первых призывали к единству, вторым угрожали репрессиями. Решить данную проблему среди граждан Латвии планируется посредством, в том числе, общего понимания истории, участия граждан в латвийской культуре, а также в рамках участия в едином информационном пространстве (названном в Плане безопасным).

Стратегический политический тезис режима – это определение национального меньшинства, в произвольной трактовке Закона «О рамочной конвенции и защите национальных меньшинств». Рига просто не видит жителей Латвии, которые «отличаются от латышей по культуре, религии или языку и приехали сами или их родители после 1940 года. Иными совами «Иванов», чья бабушка жила в Латвии в 1939 г. имеет иные права чем «Иванов» чья бабушка приехала в 1944 г. Иванов-первый входит в категорию «традиционно проживают в Латвии на протяжении поколений и считают себя принадлежащими к латвийскому государству и обществу и желают сохранять и развивать свою культуру, религию или язык»¹. Судья Конституционного суда Дж. Бриедэ называет эти меньшинства – традиционными национальными меньшинствами². Иванов – 2-й оккупант и мигрант, и «новое меньшинство».

Задача Риги поссорить «Иванова-первого» и «Иванова-второго» решается в целом успешно. Под «новыми меньшинствами» понимаются новые иммигранты, в том числе те лица, которые, по мнению Дж. Бриедэ, прибыли на территорию Латвии «в качестве носителей оккупационной власти в период советской оккупации», чтобы заменить жителей Латвии. Данное положение соответствует пониманию истории Латвии – во время советской оккупа-

¹ Par Vispārējo konvenciju par nacionālo minoritāšu aizsardzību (2005). Likumi.lv. <https://likumi.lv/ta/id/109252-par-visparejo-konvenciju-par-nacionalo-minoritasu-aizsardzibu>.

² Satversmes tiesas tiesneses Jautrītes Briedes atsevišķās domas lietā Nr. 2022-45-01 "Par Izglītības likuma 9. panta 1. daļas, pārejas noteikumu 102. punkta 1. apakšpunkta un 2022. gada 29. septembra likumi "Grozījumi Izglītības likumā" 1., 5. un 6. panta atbilstību Latvijas Republikas Satversmes 1. pantam, 122. panta pirmajam teikumam un 114. pantam" (2024). Lavijas Vēstnesis. <https://www.vestnesis.lv/op/2024/175.3>.

ции на территорию Латвии прибыло большое количество иммигрантов, которые не пожелали интегрироваться в латвийское общество. Вместо интеграции происходил процесс всеобщей русификации. Что касается других национальностей, проживающих в Советском союзе, то и они исходя из подхода латвийского законодателя утратили свою идентичность меньшинства в результате русификации и ассимиляции. Соответственно, всем прибывшим на территорию Латвию в качестве граждан Советского союза, «как носителям оккупационной власти и идентифицирующих себя с русской национальностью» не должны предоставляться права национальных меньшинств, включая их потомков.

Действия законодателя в отношении «новых меньшинств» исходят из того, что он наделен правом «разрабатывать свою позицию и давать оценку относительно трагического периода истории Латвии и для регулирования его последствий сегодня». К традиционному латышскому меньшинству не может принадлежать гражданин Латвии, у которого родным или используемым в его семье языком является русский. По мнению Судьи, критерий «традиционно проживали в Латвии в течение поколений» применяется к соответствующему национальному меньшинству в целом, а не к конкретному лицу и его предкам. Т.е. лицо должно принадлежать к конкретному традиционному национальному меньшинству Латвии. Особые права национальных меньшинств не предоставляются негражданам, «которые сами или чья семья прибыли в Латвию относительно недавно, в том числе в годы советской оккупации, и ассоциируют себя с общим языком и культурой определенного народа».

Дж. Бриде приводит заявление Э. Левитса о том, что лицо не может выбрать любую национальную идентичность, без соответствующего национального происхождения. Правительство Латвии также подчеркивает, «что гарантии Конвенции не могут быть распространены, например, на этнических поляков или литовцев, которые считают русский язык своим родным языком».

Латвийское правительство с 2022 года внесло поправки к ряду нормативно-правовых актов, которые дискриминируют русскоязычное население. В Решении Конституционного суда от 10 июля 2024 года по делу №2022-45-01 об оспаривании норм Закона «Об образовании» и Закона «О внесении изменений в Закон об образовании», касающихся запрета на предоставления образовательных услуг на русском языке в государственных и частных

заведениях – Суд указывает на историю Латвии, обстоятельства, характеризующие латвийское общество, геополитику, дезинформацию в русскоязычном информационном пространстве¹. Мнения международных организаций отмечаются как рекомендательные и общие, и не могут учитывать конкретную ситуацию в Латвии. Суд рассматривает ограничение основных прав в качестве законной цели – как защиту демократического государственного строя и прав других людей.

Латвийское правительство рассматривает русскоязычное население в качестве лиц, уже совершивших преступление против Латвии. Изменения в законодательстве, касающиеся данной категории населения объясняются вопросами национальной безопасности. В качестве примера приведем высказывание депутата сейма Я. Домбрава (Jānis Dombrava) при обсуждении поправок к Закону об иммиграции в 2024 году, касающихся требований к экзамену латышского языка для российских граждан, имеющих латвийский вид на жительство². По мнению депутата, данные лица «были частью оккупационных властей», служили в вооруженных силах Советского союза, обеспечивая «оккупацию» Латвии, участвовали в деятельности Интерфронта против латвийской государственности, не воспользовались возможностью получить латвийское гражданство или отказались от него. Что, по его мнению, и есть уже совершившийся факт действий против Латвии. Подобного мнения придерживаются и другие депутаты сейма. Депутат А. Бутанс (Artūrs Butāns) назвал российских граждан, постоянно проживающих в Латвии, «бывшими представителями армии СССР». Обсуждая поправки к Закону, депутаты затронули процесс депортации, который происходил в Латвии в 1941 г. и 1949 г., тем самым обвиняя русскоязычное население в преступлениях против латвийского народа и государства. Обвинения касаются как самих бывших военных, так и их потомков.

Культурная и языковая принадлежность латвийского общества рассматривается совместно применительно к европейскому пространству. Так в 2024 г. было выражено недоверие министру культуры в связи с ее негатив-

¹ Satversmes tiesas spriedums. Par Izglītības likuma 9. panta 1. daļas, pārejas noteikumu 102. punkta 1. apakšpunkta un 2022. gada 29. septembra likumi "Grozījumi Izglītības likumā" 1., 5. un 6. panta atbilstību Latvijas Republikas Satversmes 1. pantam, 122. panta pirmajam teikumam un 114. pantam" (2024). Latvijas Vēstnesis. <https://www.vestnesis.lv/op/2024/134.6>.

² Saeimas sēdes stenogramma. Latvijas Republikas 14. Saeimas pavasara sesijas piektā sēde 2024. gada 2. (2024). Latvijas Vēstnesis. <https://www.vestnesis.lv/op/2024/89.7>.

ными высказываниями по отношению к Концепции национальной безопасности¹. Концепция предусматривает, что с 2026 г. контент всех государственных средств массовой информации должен быть только на латышском языке и официальных языках европейского культурного пространства. Министр культуры высказывала мнение «о необходимости обеспечения производства государственного медиа-контента на русском языке». Депутаты сейма связали вопросы вещания на русском языке с национальной безопасностью – создание контента на русском языке противоречит интересам национальной безопасности.

Применяя запретительные меры, по мнению латвийского правительства, они отходят от «русского мира и смягчают последствия оккупации». При обсуждении данного вопроса неминуемо затрагивается вопрос о национальных меньшинствах. Депутат Сейма А. Кирштейнс (Aleksandrs Kiršteins) приводит мнение о том, что национальное меньшинство – это часть населения, которая проживает на автономной территории не менее пятисот лет, не перемещается с одного места на другое, и при изменении границ остается на данной территории. Таким образом, по мнению депутата русские не могут быть национальным меньшинством в Латвии. А так как в Латвии и русские, и латыши знают русский язык, то термин русскоязычные не верен. Всех бывших граждан Советского союза, по мнению депутата, следует относить именно к категории «русские», а не к «русскоязычные». Русских он называет колонистами и оккупантами, которые сначала стали негражданами, а затем гражданами, а теперь хотят воспользоваться правами национальных меньшинств. По мнению депутата, необходимо предоставлять права национальных меньшинств, тем меньшинствам, которые принадлежат к европейскому культурному пространству, в том числе и право получать информацию на языках национальных меньшинств. Депутат Э. Шноре (Edvīns Šnore) назвал центральным элементом «русского мира» русский язык, с которым, по его мнению, необходимо бороться. Латвийские политики приводят положения «о планах Кремля» по укреплению русского языка, чтобы создать двуязычие в Латвии, чтобы русские смогли спокойно жить, зная только русский язык. Соответственно такая среда и называется «русским миром» и представляет угрозу национальной безопасности. Э. Шноре утверждает, что несколько сотен русскоязычных не могут принадлежать к национальному

¹ Latvijas Republikas 14. Saeimas pavasara sesijas otrā sēde 2024. Gada 18 aprīlī (2024). Latvijas Vēstneis. <https://www.vestnesis.lv/op/2024/81.1>.

меньшинству, так как их статус сегодня это результат «оккупации и этнической чистки». Отдельные депутаты дали характеристику латвийскому обществу – двухобщинное общество, которое якобы выгодно «Кремлю» и в их целях препятствовать его укреплению, посредством противоборства с русским языком и русской культурой.

Национальная принадлежность в Латвии определяется исходя из действующего законодательства. Закон о гражданстве признает латышом или ливом (коренным жителем) только тех лиц, предки которых постоянно проживали на территории Латвии в 1881 году или позднее, существовавшей до 17 июня 1940 года; прошли проверку знаний государственного языка; а также лиц, которые предоставили документальное подтверждение, что лицо или хотя бы один из родителей или бабушек и дедушек принадлежит к латышам или ливам, либо пояснение почему такое подтверждение не может быть предоставлено, и предоставить иное. Закон о репатриации определяет репатрианта через национальную принадлежность: ст. 2: Репатриантом является лицо, являющееся гражданином Латвии или один из родственников, которого по прямой восходящей линии является латышом или ливом и которое добровольно переселяется на постоянное место жительства в Латвию¹. Закон об изменении имени, фамилии и записи о национальности предоставляет возможность смены национальности на национальность своих прямых родственников по восходящей линии в течение двух поколений, если можно доказать свое родство с упомянутыми лицами².

Закон «О свободном развитии национальных и этнических групп в Латвии и праве на культурную автономию» гарантирует равные права человека в соответствии с международными нормами³. Законом запрещается дискриминация в сфере труда и при вознаграждении за труд. Несмотря на данную норму в латвийском обществе существует «бытовая» (неофициальная) дискриминация, когда в латвийский коллектив не примут на работу русского/русскоязычного гражданина или негражданина Латвии. Ст. 5 гарантирует право создавать национальные общества, союзы и объединения всем постоянным жителям Латвии. Ст. 8 гарантирует право соблюдать свои

¹ Repatriācijas likums (1995). Likumi.lv. URL: <https://likumi.lv/ta/id/37187-repatriacijas-likums>

² Vārda, uzvārda un tautības ieraksta maiņas likums (2009). Likumi.lv. URL: <https://likumi.lv/ta/id/191209-varda-uzvarda-un-tautibas-ieraksta-mainas-likums>.

³ Par Latvijas nacionālo un etnisko grupu brīvu attīstību un tiesībām uz kultūras autonomiju (1991). Likumi.lv. URL: <https://likumi.lv/ta/id/65772-par-latvijas-nacionalo-un-etnisko-grupu-brivu-attistibu-un-tiesibam-uz-kulturas-autonomiju>.

национальные традиции и использовать государственную символику. Также Закон определяет положения в области образования и информации и т.д., т.е. национальные группы имеют право получать образование на национальном языке, национальные общества имеют право создавать национальные частные учебные заведения, имеют право издавать и распространять издания на национальном языке, а также проводит культурные мероприятия. Ст. 16 запрещает любые действия, направленные на национальную дискриминацию, пропаганду национальной превосходства и национальной ненависти.

Сохранение культуры, языка и традиций возможно только для национальных меньшинств, признанных таковыми латвийским законодателем. Их интеграция в латвийское общество и поощрение различных мероприятий для ознакомления с их культурными традициями, создание средств контента для национальных меньшинств является единственно возможными.

В Латвии недостаточно иметь статус латвийского гражданина, чтобы чувствовать себя частью общества и не подвергаться дискриминации. Необходимо учитывать и тот факт, что вначале данного социально-политического дискурса было множество вопросов о непредоставлении автоматического гражданства негражданам Латвии. В том числе это касалось и новорожденных в семьях неграждан Латвии или имеющих другое гражданство.

С 2021 года данное положение было изменено, и все новорожденные по заявлению родителей теперь могут быть зарегистрированы в статусе латвийского гражданина. Вопрос о том насколько латвийское общество сплоченное и может быть таковым в будущем мог бы быть закрыт, но с учетом положений о национальной идентичности и теми требованиями, которые предъявляются, чтобы являться латышами, остается открытым и будет таковым в будущем. Можно предположить, что таким образом, законодатель ввел положения, которые не дадут сплотиться латвийскому обществу, а русскоязычные жители Латвии на протяжении еще долгого времени (с учетом молодого поколения латвийских граждан из русскоязычных семей граждан Латвии или семей неграждан) будут чувствовать себя вне латвийского общества, объединенного уже по национальной принадлежности.

Литература

Вайшля, С. (2019). Латгальский язык как препятствие в строительстве национальной идентичности латышей. Вопросы национальных и федеративных отношений, 9, 10(55), 1691-1700. <https://doi.org/10.35775/PSI.2019.55.10.014>.

Виноградова, В.Д. (2011). Латгалы. Этнос и язык. Вестник Томского государственного университета. История, 1(13), 141-143.

Гришин, О.Е. & Касем, М. (2018). Национально-языковая политика Латвии: латгальцы и латгальский язык. PolitBook, 2, 104-114.

Житин, Д.В. & Иванова, А.А. (2017). Демографическое развитие стран Балтии. Научные доклады Российской ассоциации прибалтийских исследований. Серия 2. Социально-экономическое развитие. Вып. 3. М.: Ассоциация книгоиздателей «Русская книга», 122.

Зверев, К.А. (2021). Русскоязычное образование в независимой Латвии: реформы 1990-2010-х годов. Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, 1(70), 80-89. <https://doi.org/10.37724/RSU.2021.70.1.009>.

Зверев, К.А. (2021). Политика Латвии в отношении образования на русском языке. Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки, 1, 82-91.

Лю, Ч. & Сунь, Ч. (2024). Языковая политика Латвии после распада СССР. Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки, 9, 4(34), 504-513. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-4-504-513>.

Манаков, А.Г., Сидорович, А.А. & Иванов, И.А. (2024). Территориальные различия в изменении этнической структуры населения стран Прибалтики в постсоветский период. Псковский регионологический журнал, 20, 4, 46-67. <https://doi.org/10.37490/S221979310032023-8>.

Пархоменко, Т.А. (2021). Проблема создания национально-культурной автономии русского населения Латвии в период образования независимой буржуазной республики (1920-1930 гг.). Культурологический журнал, 3(45). DOI: 10.34685/NI.2021.76.36.020.

Филей, А.В. (2015). Особенности языковой политики в Латвии: к вопросу о современных факторах влияния на использование латышского языка русскоязычным населением. Актуальные проблемы языкознания, 1, 197-199.

References

- Grishin, O. E., & Kasem, M. (2018). National language policy of Latvia: Latgalians and the Latgalian language. *PolitBook*, (2), 104–114. (In Russ).
- Liu, C., & Sun, C. (2024). Language policy of Latvia after the collapse of the USSR. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, 9(4(34)), 504–513. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-4-504-513>
- Manakov, A. G., Sidorovich, A. A., & Ivanov, I. A. (2024). Territorial differences in the change of the ethnic structure of the population of the Baltic countries in the Post-Soviet period. *Pskov Regional Studies Journal*, 20(4), 46–67. <https://doi.org/10.37490/S221979310032023-8> (In Russ).
- Parkhomenko, T. A. (2021). Problema sozdaniya natsional'no-kul'turnoy avtonomii russkogo naseleniya Latvii v period obrazovaniya nezavisimoy burzhuznoy respubliki (1920-1930 gg.) [The problem of creating national-cultural autonomy for the Russian population of Latvia during the formation of the independent bourgeois republic (1920-1930)]. *Culturological Journal*, (3(45)). <https://doi.org/10.34685/HI.2021.76.36.020> (In Russ).
- Filey, A. V. (2015). Osobennosti yazykovoy politiki v Latvii: k voprosu o sovremennykh faktorakh vliyaniya na ispol'zovanie latyshskogo yazyka russko-yazychnym naseleniem [Features of language policy in Latvia: On the question of modern factors influencing the use of Latvian by the Russian-speaking population]. *Current Problems of Linguistics*, (1), 197–199. (In Russ).
- Vayshlya, S. (2019). Latgalian language as an obstacle in the construction of Latvian national identity. *Issues of National and Federal Relations*, 9, 10(55), 1691–1700. <https://doi.org/10.35775/PSI.2019.55.10.014> (In Russ).
- Vinogradova, V. D. (2011). Latgalians: Ethnos and language. *Tomsk State University Journal of History*, (1(13)), 141–143. (In Russ).
- Zhitin, D. V., & Ivanova, A. A. (2017). Demographic development of the Baltic countries. *Nauchnye doklady Rossiyskoy assotsiatsii pribaltiyskikh issledovaniy. Seriya 2. Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye. Vypusk 3* [Scientific reports of the Russian Association of Baltic Studies. Series 2. Socio-economic development. Issue 3]. Assotsiatsiya knigoizdateley "Russkaya kniga". (p. 122) (In Russ).
- Zverev, K. A. (2021). Russian-language education in independent Latvia: Reforms of the 1990s-2010s. *Bulletin of Ryazan State University Named After*

S.A. Yesenin, (1(70)), 80–89. <https://doi.org/10.37724/RSU.2021.70.1.009> (In Russ).

Zverev, K. A. (2021). Latvia's policy on Russian-language education. *Bulletin of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*, (1), 82–91. (In Russ).

Для цитирования: Долженкова Е. Политико-правовое положение русского этноса в Латвии / Е. Долженкова, Н. М. Межевич // PolitBook. – 2026. – № 2. – С. 158-172. – DOI 10.24412/2227-1538-2026-2-159-174.

СТАТЬИ

**А.В. Толочко,
С.С. Фоменко,
О.В. Леонтьева**

**A. Tolocko,
S. Fomenko,
O. Leonteva**

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ PR- ТЕХНОЛОГИЙ С ЦЕЛЬЮ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ И ИХ ЛИДЕРОВ В РОССИИ: ОПЫТ И ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

FEATURES OF THE USE OF PR-TECHNOLOGIES IN ORDER TO FORM THE IMAGE OF POLITICAL PARTIES AND THEIR LEADERS IN RUSSIA: EXPERIENCE AND MAIN TRENDS

Аннотация

Имидж является важнейшим атрибутом всех публичных личностей. Политические партии, членами которых, как правило, и являются такие личности, также формируют свой политический имидж, складывающийся из позиционирования, репутации, образа и деятельности лидера, формального или неформального, а также имиджа остальных членов партии. Причем имидж лидера может быть настолько ярким, что способен абсорбировать своими публичными политическими практиками имидж партийный. Отдельно можно выделить сотрудничество и подачу информации в СМИ, которые играют центральную роль в формировании общественного мнения. В последнее время возрастает потребность в грамотном умении формирования имиджа именно в политической сфере, особенно на фоне общего снижения доверия и скептических настроений населения к представительным институтам власти. Актуальность рассматриваемой проблемы обусловлена необходимостью понимания эффективности использования имиджевых PR-технологий на этапе формирования политических партий, либо другом временном континууме.

В исследовании авторами высказывается предположение о том, что можно выделить

Abstract

Image is the most important attribute of all public personalities. Political parties, of which such personalities are usually members, also form their political image, consisting of the positioning, reputation, image and activities of the leader, formal or informal, as well as the image of the rest of the party members. Moreover, the image of the leader can be so bright that he is able to absorb the image of the party with his public political practices. Separately, cooperation and submission of information to the media, which play a central role in shaping public opinion, can be highlighted. In recent years, the need for a competent ability to form an image in the political sphere has been growing, especially against the background of a general decline in confidence and skeptical sentiments of the population towards representative institutions of power. The urgency of the problem under consideration is due to the need to understand the effectiveness of using image PR technologies at the stage of forming political parties, or another time continuum.

In the study, the authors suggest that several popular technologies can be distinguished, used both at the initial stage of strategy implementation, and during the

несколько популярных технологий, используемых как на начальном этапе реализации стратегии, так и в период поддержания или изменения сконструированного имиджа. Для того чтобы PR-технология оказывала нужное воздействие, необходимо учитывать все современные тенденции, основной из которых в настоящее время является использование современных коммуникационных ресурсов. Любые действия должны быть инициированы в отношении целевой аудитории. Число пользователей глобальной сети возрастает с каждым годом и не учитывать специфику этой части электората, безусловно, нельзя. В этих условиях специалистам, занимающимся политическим пиаром, необходимо постоянно коррелировать свою деятельность в соответствии с направлениями происходящих изменений. По этой причине сетевой PR и является тем самым перспективным направлением, который вероятно будет совершенствоваться в современной России, постепенно выходя на новый уровень.

Ключевые слова:

лидер, имидж, пиар, политическая партия, рейтинг, стиль, стратегия, тенденция, технология.

period of maintaining or changing the constructed image. In order for PR technology to have the desired impact, it is necessary to take into account all current trends, the main of which is currently the use of modern communication resources. Any action must be initiated against the target audience. The number of users of the global network is growing every year and it is certainly impossible not to take into account the specifics of this part of the electorate. In these conditions, political PR specialists need to constantly correlate their activities in accordance with the directions of the ongoing changes. For this reason, network PR is the very promising direction that is likely to be improved in modern Russia, gradually reaching a new level.

Key words:

leader, image, PR, political party, rating, style, strategy, trend, technology.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2026-2-175-193>

На тему политического лидерства существует достаточное количество различных теорий и исследований, поэтому и классификаций по типам лидерства тоже достаточно много. Критерии, являющиеся основой таких классификаций, также достаточно разнородны. Например, классификация К. Левина детерминировала ситуационные изменения в рамках трансформационных моделей в качестве основополагающего фактора влияния выбора стиля лидерства (авторитарного, демократического, либерального) и минимизировала влияние идеологических установок и предпочтений самого политического актора (Lewin, 1939, p. 271). Напротив, Г. Лассуэлл акцентировал внимание на партийной принадлежности политического актора и особенностях его взаимодействия внутри организации, что, по его мнению, влияет на стиль руководства (компульсивное, драматизирующее, беспристрастное лидерство) (Lasswell, 2005, p. 94). Теоретизирование в этой области М.Дж. Херманн исходило из того, что практических политиков нужно классифицировать, опираясь на их собственную стратегию имиджмейкерства (лидер-знаменосец, лидер-служитель, лидер-пожарный, лидер-торговец)

(Hermann, 1991, p. 91). Широко известная классическая классификация М. Вебера акцентировала внимание на качественных характеристиках отношения к источникам легитимности политического актора (традиционное, харизматическое и рационально-легальное лидерство) (Weber, 2016, p. 95).

В контексте рассматриваемой проблемы большой интерес представляет классификация, представленная В. Беллом, Р. Дж. Хиллом и С. В. Миллом, в основе которой лежит разделение по критериям известности личности и ее непосредственных (фактических) действий как лидера (Dovies, 1980, p. 176). Формальный лидер – это человек, лидерство которого чисто номинально, и в партии роль такого лидера несущественна. В такой ситуации возможно два пути: возникновение фактического лидера в партии, имидж которого станет магистральным, либо постепенная утрата интереса к партии (восприятие партии, как слабой), что влечет за собой неспособность конкурировать с более сильными партиями. Касаемо имиджевых PR-технологий, то, в первом случае, нужно опираться на имидж фактического лидера или лидеров, так как в политических партиях лидерство может быть распределено среди нескольких политиков. Поэтому для формирования их целостного имиджа нужно подчеркнуть и тех политических акторов, которых принято считать лидерами общественного мнения. Указанные действия будут приводить к некоторой инверсии, а именно, повышению общей известности как лидеров партии, так и укреплению в сознании населения образа партийной организации как единой политической силы. Во втором случае, PR должен быть направлен на корректирование имиджа партии, а именно поиск и становление имиджа выбранного фактического лидера, либо распад и формирование партии (лучше всего в период избирательной кампании, так как данное событие привлекает внимание аудитории к партиям, а использование всевозможных публичных площадок актуализирует использование широкого перечня возможностей заявить о себе и быть услышанным) с новым лидером и новой имиджевой стратегией. Возможно, лидер останется тот же, но, в таком случае, необходима будет существенная корректировка имиджа. Известный лидер – это такой человек, который изначально имеет определенную долю узнаваемости. Такой лидер уже обладает сформировавшимся имиджем и определенной целевой аудиторией, поддерживающей (или не поддерживающей, при негативной репутации) его политическую статусность. Выстраивание PR-технологий в данном случае должно происходить с учетом данного имиджа, что, соответственно, наложит отпечаток на имидж политической партии. В данном случае нужно выбирать такой стиль руководства, который был бы наиболее предпочтителен целевой аудитории лидера. Влиятельный лидер в политике имеет общие и отличительные черты с

известным лидером. Мнение этого политического актора в большинстве ситуаций оказывает видимое влияние на характер протекания тех или иных процессов, а степень доверия к нему изначально выше. При этом его высказывания и мнения, с большой долей вероятности, будут являться более авторитетными (в какой-либо сфере или в нескольких сферах). В этой связи в период избирательной кампании, политическая партия, имеющая такого лидера, автоматически будет позиционироваться как более праведная. В данном случае целесообразно применять такие PR-технологии, которые укрепляли бы электорат в данной точке зрения, проводили бы параллели между партийной деятельностью их лидера и нравственной составляющей. Общественный лидер – это, как правило, политический актор, который стал обладателем значимого положительного реноме. В большинстве случаев такой лидер сочетает в себе, в различной степени, второй и третий типы лидерства. Общественный лидер, обычно действует в фарватере стратегии «лидер из народа». Участвуя в различных самостоятельных организациях, по большей части, он пользуется поддержкой молодых респондентов. PR-технологии в таком случае должны быть сфокусированы на использовании различных интернет-площадок, в особенности социальных сетей.

Политический имидж: технологии формирования

Концептуальный анализ сути и попыток классификации разновидностей политического лидерства позволяет констатировать, что имидж политической партии напрямую зависит от имиджа лидера такой партии. Технология формирования имиджа лидера зависит от различных факторов: от личности политика, от того, как эта личность позиционируется в СМИ, от поддержки и признания отдельных социальных групп, от реальной ситуации в стране в конкретном временном континууме (Dodd et al., 2015, p. 41; Hurst & Johnston, 2021, p. 107; Johnston & Lane, 2018, p. 633-644). Определение типа лидерства, при такой интерпретации, является частью той базовой информации, на основе которой будет выстраиваться имиджевая стратегия политического лидера и партии, в рамках их последующего транслирования в публичное пространство. В этой связи необходима серьезная акцентуация внимания к данному вопросу, так как на практике необходимо более непринужденно представить публике именно детально проработанный образ, который не требуют глобальных вмешательств и корректировки со стороны пиарщиков или политтехнологов. Аберрации образов политических акторов могут привести к различным последствиям, например, к непринятию имиджа партии целевыми группами или к слабой конкурентоспособности на политической арене. К подобным искажениям могут быть отнесены: недостаточное

количество базовой (имиджформирующей) информации; малая достоверность обнародованных данных; неправильный выбор целевой аудитории или (если аудитория определена верно) неправильный политический курс (выстраивание стратегии); несоответствие позиционирования и реальных действий (например, партия заявляет о себе как сильная, с сильным лидером, который всегда готов выслушать и решить проблемы граждан, а реально лидер партии обладает репутацией, которая не характеризует его, как сильного, волевого человека).

Для того чтобы определить, какие PR-технологии будут эффективны, нужно понять как будет партия, и, в особенности её партийный лидер, презентовать себя в том или ином политическом дискурсе. Для этого нужно понять, какой тип лидерства подходит в конкретном случае более всего. Нужно определить, какой тип будет наиболее совместим с личностными качествами лидера и какова целевая аудитория (Arvidson & Lyon, 2013, p. 870). Необходимо учитывать и тот факт, что существуют партии, которые также ориентируются на конкретный тип лидерства, и здесь важно понять, сможет ли отдельная политическая партия эффективно противостоять другой, при одинаково выбранном типе.

Формирование и корректирование любого имиджа – это следование специально разработанному плану. Всякий план может претерпевать некоторые изменения в зависимости от реальной ситуации и реакции публики. Политический имидж должен иметь какую-либо яркую черту политического лидера, которая выделяла бы его на фоне других политиков, привлекая внимание общественности на собственной личности и, следовательно, к партии.

Политический имидж, как лидера партии, так и ее участников в целом, является совокупностью различных имиджевых характеристик (политических, личностных, социальных), которые должны формировать и пропагандировать определенный образ партии, включающий в себя внешние (образ, поведение, позиционирование и др.) и внутренние атрибуты (политика, идеология, нормы, приверженность к чему-либо, идеалы и др.) (Samoilenko, 2018, p. 174; Watson, 2008, p. 105).

Имидж является одним из механизмов воздействия на других людей и поэтому для достижения политического успеха важно действовать в соответствии с выработанным планом для наилучшего результата. В интерпретации специалистов Центра политического консультирования «Никколо М», такой план может включать в себя три имиджевые характеристики: персональные (сюда входит совокупность физических и психофизических характеристик личности политика); социальные (в эту группу входят статус, социальная принадлежность, нормы и ценности политика); символические (включают в

себя программу, мировоззрение, набор постоянных лидерских черт и культурных архетипов, связанных с лидерскими ролями и позициями).

Политический имидж может трактоваться и как одна из форм коммуникации с обществом, в большей степени односторонней. Причем, имидж политического лидера может отличаться от имиджа партии, таким образом акцентируя внимание на его исключительных качествах. В перспективе имидж лидера может мигрировать в имиджевые показатели партии. Это связано с тем, что лидер является центральной фигурой, больше взаимодействует с общественностью и может полностью перекрывать партийный политический рейтинг своим личным. Порождаемое обществом действие политического актора или его недопустимая риторика автоматически накладывают отпечаток на образ-восприятие и репутацию не только конкретного политического деятеля, но и часто на его ближайшее окружение. Особенно остро эти процессы протекают, когда слова и действия носят нетактичный, некорректный или недозволенный характер, они просочились в прессу и стали достоянием общественности. Поэтому действия прагматичного политика должны быть строго регламентированы, то есть табуирование всех сфер публичной жизни становится необходимостью.

Имидж должен обрести имманентный характер, гармонизировать со стилем руководства, который зависит от выбранного типа лидерства, в противном случае партия не сможет добиться эффективного воздействия на общественность. Обратные процессы приведут к видимым противоречиям, которые, в свою очередь, вызовут лишь недоумение в глазах аудитории. Контроль над благоприятным сочетанием всех составляющих имиджа, как и его разработкой, занимается имиджмейкер. Любые PR-технологии подразумевают воздействие на сознание человека. А политический PR в большей степени нуждается в опоре на инструментарий психологической науки, так как предполагает использование его элементов с целью воздействия на большие группы людей.

Аспекты формирования имиджа с опорой на инструментарий политической психологии

Если говорить о внешнем имидже, а именно об исключительном дизайне и стилистических особенностях политической партии, то нужно исходить из того, что не должно быть абсолютно никаких параллелей с партиями-конкурентами. Нужно правильно подобрать основные цвета наглядной символики и атрибуты партии. На подсознательном и физиологическом уровнях каждый человек проводит параллель между цветом и его значением. Опираясь на зрительное восприятие, можно добиться определенных ба-

зовых настроек, вызвав, таким образом, планируемые эмоции у электората. Цвета относятся к внешним атрибутам политической организации и подбираются с учетом особенностей объекта их восприятия: целевых групп, конечных потребителей в целом.

При разработке имиджа нужно обратить внимание и на существующие стереотипы – представления с высокой устойчивостью, психологическая основа которых влияет на конечное восприятие. Так, для формирования положительного имиджа должны использоваться образы, которые характеризуют «правильного» человека (Samoilenko, 2021, р. 79; Skiperskikh, 2024, р. 58; Sychev, 2025, р. 173). Например, образ примерного семьянина, как правило, является социально одобряемым в большинстве случаев, так как семейный человек априори является более ответственным и надежным в отличие от человека, не обремененного матримониальными отношениями.

Эффективность деятельности партии зависит и от ее известности. Необходимо постоянно поддерживать уровень узнаваемости, чему способствуют различные PR-технологии. Технологии подбираются или специально разрабатываются с учетом уже имеющегося имиджа и репутации, а также различных характеристик (цель, аудитория, эффект, политическая и экономическая ситуация и т.д.). То, что имидж разрабатывается, уже свидетельствует о том, что не вся представленная информация о ком или о чем-либо является правдой. На допустимости использования крайних избыточных форм политтехнологического вмешательства в процессы формирования общественного мнения настаивают сторонники теории этатизма. В таких режимах приукрашивание и упор на конкретные качества политического актора непосредственно влияют на количество людей, поддерживающих деятельность партии, а, следовательно, и на число приращенных адептов и сторонников, голосующих необходимым образом. С этой целью могут быть воспроизведены различные типы политических имиджей: гуманитарий, хозяйственник, борец, человек власти (вождь нации, государственный человек, крупный чиновник), силовик, технократ, бизнесмен, экзотик и др. В чистом виде, как правило, эти типажи не доминируют в образе политического лидера, они микшируются и носят ситуационный характер в зависимости от той или иной общественной конъюнктуры (Majrov, 2026, р. 309; Shaposhnikova, 2026, р. 43).

Восприятие имиджа общественностью зависит от многих факторов и не всегда оценивается так, как было задумано имиджмейкерами. Реакция может быть другой. В качестве оснований для принятия того или иного решения человек склонен руководствоваться понятными только ему мотивами. Особенно сложно произвести конкретное впечатление на разноплановую аудиторию. Каждая социальная группа вдохновляется своими ожиданиями и

детерминирует какие-то определенные моменты в качестве предпочтительных составляющих образа политического актора, надеются, что именно они будут основополагающими. Если же брать каждого конкретного человека, то его восприятие зависит от личной оценки и понимания того, что является базисом его ценностных ориентиров. Во многом это зависит от индивидуального эмпирического опыта взаимоотношений с близкими (в большей степени влияют семья, друзья и окружение), приверженности какой-либо идеологии, личных стереотипов, образования и прочее. Таким образом, в работе с большими группами, главное – это придерживаться стратегии оправдания социальных ожиданий, в работе в малых группах (или индивидуальном коммуницировании) необходимо учитывать исключительные ценностные ориентиры объекта воздействия. Кроме этого, целесообразно произвести приятное первое впечатление и грамотно выстроить диалог с аудиторией, если он оправдан после рассмотрения всех вводных. Первое впечатление имеет ключевое значение на старте формирования имиджа, поэтому «заход» в работе с аудиторией должен быть хорошо продуман и строго регламентирован. Изменить отношение после провала на старте можно, однако на это потребуются значительные временные и интеллектуальные вливания. Публичная форма коммуникации предполагает по преимуществу одностороннюю форму, что затрудняет и увеличивает время изменения мнения. Нужно просчитать возможную реакцию и проиграть способы урегулирования возникших конфликтных ситуаций, заготовить речь для ответа на «неудобные» вопросы.

Перспективы развития технологий формирования имиджа политических партий на территории Российской Федерации

Формирование имиджа, как, собственно, и накопление имиджформирующих технологий, происходит на стадии конструирования имиджевой стратегии. Окуляр специалиста в области пиара должен быть обращен на функциональные детали применения PR-технологий, которые влияют на целесообразность ее включения в общую стратегию. Такие детали включают в себя качества личности политического актора, уровень владения вербальными и невербальными коммуникациями, знание политического этикета, знание стратегий переговоров и умение ими апеллировать в каждой конкретной ситуации в зависимости от политической позиции, занимаемой конкретной социальной группой и их культурных ценностей. Следует констатировать, что имиджевые PR-технологии являются составной частью общей PR-стратегии, и они должны коррелировать с политическим и социально-экономическим курсом, реализуемым в конкретном государстве. Одновременно, каждое отдельное событие должно быть организовано в строго определенное время, иметь продуманную

хронологию (быть связано как с будущими акциями политического характера, так и с акциями им предшествующими).

Традиционные российские прикладные направления формирования имиджа политических акторов при разработке PR-стратегий ориентировались, как правило, на какой-либо один подход (Baranova & Kovrigin, 2020, p. 157;). Инновационные же направления допускали сочетание различных подходов в зависимости от ситуации в стране и отношения избирателей к политическому субъекту (Dombrovskaya et al. 2019, p. 162). Также стоит сделать акцент на том, что PR-стратегия политической партии и ее лидера в этом случае могут быть не тождественны. Чаще всего в таких ситуациях кто-то из них либо совсем теряет свою политическую субъектность, либо существенно ее ограничивает. Российский опыт демонстрирует, что PR-стратегия и PR-технологии базируются на основе PR-модели, то есть формы подачи имиджформирующей информации. В политической теории и практике современной России обнаруживаются односторонний и двусторонний способы связи с общественностью (Aliev & Sarkisow, 2024).

PR-технологии играют важную роль в правильной подаче имиджа политических партий, их идеологических и ценностных установок, когда уровень правовой и политической культур достаточно высок. В случае, когда эти показатели не достигли необходимых значений реакция электората в большей степени акцентирована на исключительных качествах образа политического лидера партии. При этом характеристики этого образа достаточно инертны. Они могут выстраиваться так, чтобы реакция объекта воздействия была планируемой в каждом отдельном промежутке времени. При этом реальный уровень компетенций, этические и нравственные качества политического актора и сформированный посредством пиара образ не обязательно соответствовали друг другу.

Начиная с конца 1980-х гг. в отечественной практике стали активно использоваться PR-технологии, в частности, в рамках процессов формирования представительных институтов власти. В настоящее время инструментарий PR-деятельности постоянно развивается и совершенствуется в различных областях деятельности. Что касается политики, то существует несколько основных имиджевых технологий и методов, которые используются повсеместно.

В научном дискурсе можно обнаружить описание некоторых наиболее часто используемых имиджевых PR-технологий в современной России (Brodovskaya, 2020, с. 85; Skovikov, 2024; Shumilov, 2019, p. 447). Уже классическим вариантом считают привлечение авторитетных личностей, популярных политических и общественных деятелей. Это, пожалуй, одна из самых популярных технологий, которая применяется для внедрения, под-

держки или изменения имиджа системных политических партий. Использование подобного рода приемов особенно актуализируется в период электоральных кампаний, когда политические партии включают в избирательные списки так называемых «паровозов» - узнаваемых или популярных людей в области науки, культуры, спорта, общественной деятельности. В зависимости от того, из какой сферы деятельности этот человек, можно решать задачу привлечения потенциальных избирателей соответствующей целевой аудитории на свою сторону.

Другой распространенной технологией является активность в цифровой сфере, в том числе создание персональных сайтов. Интернет стал одной из важнейших площадок для PR-деятельности несмотря на то, что в России электорат достаточно архаичен и все еще отдает предпочтение традиционным СМИ (периодическая печать, радио, ТВ). Это связано, в первую очередь, с тем, что с появлением новых технологий передачи информации, традиционные способы не лишились своей популярности. Они, вплоть до настоящего времени, имеют доказанную временем эффективность, а одной из целевых аудиторий таких источников информации являются люди старшего возраста и пенсионеры, отдающие предпочтение именно традиционным СМИ. Вместе с тем, для многих людей интернет стал главным источником получения информации, что требует от политических партий освоение и этого фронта работы. Контент партийных сайтов даёт возможность каждому желающему почерпнуть все необходимые сведения, которые наполнены различной имиджевой информацией, иногда откровенно пропагандистского и популистского характера. Кроме этого, интерактивность сайтов становится одной из необходимых составляющих, где каждая политическая партия должна позаботиться о наличии обратной связи на своих цифровых ресурсах. Таким образом, максимально ускоряется процесс формирования положительного имиджа, так как у населения появляется возможность задать какой-либо вопрос и получить на него мгновенный ответ. Это усиливает эффект восприятия аудиторией партийной структуры как организации, открытой для общения с каждым конкретным человеком, стремящейся заботиться о людях и их нуждах, и, в итоге, положительно влияет на ее рейтинговые показатели.

Один из старейших способов повышения узнаваемости и увеличения популярности партии или лидера является проведение специальных мероприятий (от дебатов до организации дня рождения партии). Такой метод применялся еще до того, как понятие «пиар» стало использоваться в научном дискурсе. Для электората это один из способов «вживую» увидеть лидера и членов политической партии, что способствует более глубокому погру-

жению в процесс коммуникации, а политическому актору облегчает процесс вербовки своих сторонников. Собственная оценка образа сопоставляется с оценкой со стороны медиаресурсов, знакомых, друзей формирует у реципиента более целостный образ в отношении объекта восприятия. Побывав на одном из таких мероприятий, человек может полностью поменять мнение о партийном лидере, самой партии или ее членах.

С целью преодоления ревизионного расстояния между партийными активистами и представителями электората также можно использовать персонализированные обращения к гражданам. Сюда можно присовокупить обращения, исполненные в различной форме – текстовой, графической, музыкальной или комбинированных формах. Такие обращения дают ощущение сопричастности каждого конкретного человека с политикой, которую воплощают в жизнь политические партии или её члены. Тематический фактор таких обращений и их содержание могут затрагивать самые разные проблемы, здесь нет каких-либо ограничений, все зависит от степени креативности и ангажированности инициаторов. Самыми банальными из таких обращений могут быть следующие: поздравление с различными государственными, народными и профессиональными праздниками; выражение благодарности от политической партии одному или нескольким лицам за активное участие в жизни партии, избирательной кампании; сотрудничество, а также иные действия, которые оказали какое-либо влияние на партию; призывы к голосованию (во время выборов, как одна из форм агитации) или призывы к пополнению рядов партии и др.

Вплоть до настоящего времени не теряет своей актуальности и столь архаичный пиар-ход, как издание буклетов со списком авторитетных личностей в той или иной сфере, которые готовы проголосовать за конкретную партию, с комментариями и цитатами. Данная технология, используемая именно в период избирательной кампании, отражает в себе больше агитационный характер, однако не лишена при этом и имиджевой составляющей. Аксиологические установки личности, которая является значимой фигурой для конкретного человека или какой-либо группы людей оказывает партии имиджевую поддержку. Иными словами, если человек, являющийся лидером и формирующим актуальную ценностную повестку, публично поддерживает партию, то в среде электората на подсознательном уровне происходит приращение благосклонно настроенной публики. При этом на образ оказывает влияние не только связь с имиджем определенного «публичного человека», но и его мнение, выражающееся в комментариях, фигурирующих в печатной продукции. Причем, высказывания типа «Я голосую за эту партию, потому что она имеет реальную программу по изменению нынешней экономической

ситуации» и «Сильная экономика – сильная страна» оказывают одинаковое имиджевое воздействие. В первом случае мы акцентируем внимание, на что партия ориентируется в данный момент времени, во втором мы смотрим на контекст лозунга и проводим соответствующую параллель. Следует отметить, что подобная технология допускает и возможность использования в буклетах цитат высказываний простых обывателей. Данный вариант хорош в том случае, если партия позиционируется как «народная», «близкая к людям», что учитывается и в выборе основного вектора стратегии.

В некоторых ситуациях намного эффективнее действовать через имидж лидера, а не через партийную идеологию. Как мы отмечали выше, имидж лидера может накладывать отпечаток, либо полностью перекрывать имидж политической партии. При этом концепция позиционирования партии как полноценного политического субъекта, все же должна исходить из общей идеологической составляющей, либо конкретных ценностных приоритетов. Вместе с тем в условиях долгой пролонгации удачно выстроенного имиджа лидера политической партии, возможно (и даже наиболее правильно) в сложившейся ситуации выстраивание имиджформирующего действия с акцентом на его исключительные качества. В качестве яркого примера можно привести многолетний электоральный опыт всероссийской политической партии «Единая Россия». С момента ее возникновения партия власти значительным образом опирается исключительно на имидж Президента РФ В.В. Путина. Присутствие в лозунгах фамилии фактического лидера уже говорит нам о том, что данная партия использует эту PR-технологию, как одну из фундаментальных.

Другим направлением деятельности может быть создание псевдорейтингов с заведомо ложной информацией. Сам по себе любой рейтинг представляет собой определенную оценку кого-либо или чего-либо. Одна из целей вброса в публичный дискурс таких данных сводится к попыткам заранее обозначить расстановку сил и оценить конкурентную способность всех политических акторов. В псевдорейтинге, как правило, гипертрофируются слабые стороны оппонентов, подсвечиваются различные противоречивые моменты в истории и репутации конкурирующей организации (Gricenko, 2026, р. 63). Основная цель политического псевдорейтинга – введение в заблуждение электората и «позиционирование себя» в его глазах в более лицепрятном свете. Чаще всего, это получает продолжение в апеллировании к стереотипам и образам эмоционального характера. Восприятие имиджевой информации у каждого отдельного человека идет через призму собственных убеждений, поэтому использование такой технологии закономерно как на этапе создания имиджа, так и при последующих действиях, направленных

на его поддержание или изменение. Данная технология выражается в использовании различных визуальных образов (например, сильный мужчина на фоне – сильная, готовая к борьбе партия) и лозунгов (например, «Лучше быть красным, чем голубым») и т.д. Отсюда проистекает и такое явление как «нечестная борьба»: апеллирование к компромату (компромат представляет собой информацию, которая разоблачает «тёмные» стороны разного рода деятельности того или иного человека или же целой организации), вбросы в СМИ (информация, чаще всего лживая, которая вызывает горячие споры и обсуждения в сети Интернет), ведение информационных войн и др. Использование такой технологии относят к разряду «черного» PR, основной целью которого является устранение конкурентов, вытеснения их с политической авансцены путем различных «нечестных приемов» борьбы.

В настоящее время получила распространение технология использования противопоставлений с другими партиями в рекламном контенте. Данный подход, аналогично, призван обеспечивать формирование представлений о конкретной партии или ее членах в лучшем свете в сравнении с оппонентами, а акцент на политических противоречиях способствует лучшему восприятию имиджформирующей информации. Такое противопоставление красочно поляризует партии на «хорошие» и «плохие». Интенсификация использования этой технологии можно наблюдать в периоды электоральных циклов, причем, как правило, у наиболее известных системных оппозиционных политических партий, так как применение данной технологии предполагает наличие узнаваемости и определенной репутации. Отметим, что данный метод неоднократно использовался такими партиями, как КПРФ и ЛДПР. С другой стороны, можно утверждать, что если малоизвестная партия начнет использовать такой прием, то она получит меньший процент эффективности от данной работы ввиду большей популярности своего оппонента. Закономерное развитие наряду с технологией использования противопоставлений получила и технология запугивания, которая используется многими партиями, в той или иной степени. Преимущественно такой подход ассоциируется с PR-деятельностью крупных правящих партий или партий власти, так как они аккумулируют в своих руках возможности применения административного ресурса. Они тратят большее количество денег на рекламу и пиар, который акцентирует внимание на неопределенности будущего в случае победы оппозиционных сил на выборах, утраты элементов политической и экономической стабильности. Некоторые оппозиционные партии, напротив, в своей пропаганде настойчиво предостерегают о тенденциях узурпации власти в случае победы одних и тех же сил на выборах в разные политические институты, что неизбежно приведет к трансформации политического режима в

сторону авторитаризма или тоталитаризма. Например, в риторике партии «Единая Россия» можно обнаружить следующие тезисы: «...или стабильность – такая, какая есть, или революции и социальные потрясения, как в других странах СНГ». В лозунгах КПРФ и ЛДПР можно обнаружить тождественные денунциации: «...или КПРФ или ничего – полный развал института государства; «...или ЛДПР, или терпи дальше» и др. (Skovikov et al., 2025, p. 27-38).

В качестве альтернативы технологии запугивания иногда целесообразно использовать технологию «отстройки», которая может быть описана на примере PR-деятельности Президента РФ и партии «Единая Россия». То, что В.В. Путин – фактический лидер «Единой России» несмотря на то, что он не является её членом, известно многим. Однако, будучи Президентом РФ, он имеет свой обособленный имидж. Заметим, что в последнее время В.В. Путин использует технологию «отстройки», то есть расщепления имиджа государственной власти на некие составляющие. Отстройка от имиджа партии «Единая Россия» – это целенаправленная работа, которая началась в период принятия Президентом РФ непопулярной пенсионной реформы, предложенной данной партией, ввиду чего рейтинги власти продемонстрировали тенденции к снижению. В таких ситуациях лидеры государства стараются максимально дистанцироваться от непопулярных решений, переложить груз ответственности на другие политические институты или подконтрольные им партийные структуры.

Вопрос относительно проблемы перспектив развития имиджевых PR-технологий в России остаётся открытым. Известно, что развитие PR-деятельности в нашей стране идет несколько медленнее, чем в европейских странах или США. Следует сказать, что все имиджевые PR-технологии модернизируются, исходя из актуальной внутривнутриполитической и внешнеполитической повестки. При этом следует констатировать, что рассмотренные нами PR-технологии при правильном и уместном их использовании, в большей или меньшей степени, способны обеспечить конкретный имиджевый результат. Представляется возможным наметить определенную перспективу развития PR-технологий по формированию и поддержке политического имиджа в России. Заключается она в росте популярности обращений к интернет-ресурсам, интернет-технологиям и сетевым СМИ. На настоящий момент вся PR-деятельность развивается и будет развиваться с опорой на данные направления, а трансформация любых PR-технологий необходима ввиду динамики социальных изменений в современном обществе.

Следует констатировать, что имидж лидера политической партии может влиять на общий партийный имидж. Прослеживается отчетливая взаимосвязь успешности процесса имиджмейкерства с тождественностью форми-

руемого и реального образа политического актора, складывающегося из множества разноплановых, казалось бы, не важных составляющих. Именно поэтому мельчайшая проработка имиджевой стратегии важна на этапе формирования политической партии. Приступая к оформлению необходимых PR-технологий, нужно строго определить ключевую цель, предполагаемые результаты которой, служат ориентиром для утверждения тех или иных пунктов плана. Также важно правильно сформулировать и иерархически структурировать задачи, в обязательном порядке учитывающие требования и ожидания целевой аудитории.

Литература

Arvidson, M., & Lyon, F. (2013). Social impact measurement and non-profit organisations: Compliance, resistance, and promotion. *VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 25(4), 869–886. <https://doi.org/10.1007/s11266-013-9373-6>

Dodd, M. D., Brummette, J., & Hazleton, V. (2015). A social capital approach: An examination of Putnam's civic engagement and public relations roles. *Public Relations Review*, 41(4), 472–479. <https://doi.org/10.1016/j.pubrev.2015.05.001>

Dovies, A. F. (1980). *Skills, outlooks and passions: A psychoanalytic contribution to the study of politics*. Cambridge University Press.

Hurst, B., & Johnston, K. A. (2021). The social imperative in public relations: Utilities of social impact, social license and engagement. *Public Relations Review*, 47(2). <https://doi.org/10.1016/j.pubrev.2021.102039>

Johnston, K. A., & Lane, A. B. (2018). Building relational capital: The contribution of episodic and relational community engagement. *Public Relations Review*, 44(5), 633–644. <https://doi.org/10.1016/j.pubrev.2018.10.006>

Lewin, K. (1939). Patterns of aggressive behavior in experimentally created social climates. *Journal of Social Psychology*, 10(2), 271.

Samoilenko, S. A. (2018). Subversion practices: From coercion to attraction. In *Experiencing public relations: International voices* (p. 174).

Samoilenko, S. A. (2021). Public relations in Russia: Formation, etatization, and calcification. In *Media and public relations research in post-socialist societies* (p. 3). Lexington Books.

Watson, T. (2008). Public relations research priorities: A Delphi study. *Journal of Communication Management*, 12(2), 104–123. <https://doi.org/10.1108/13632540810881938>

Алиев, Д. Ф., & Саркисов, В. Э. (2024). Управление политическими коммуникациями: Практические аспекты управления политической PR-коммуникацией. *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*, (1). <https://doi.org/10.24412/2071-6141-2024-1-21-38>

Баранова, Д. А., & Ковригин, В. В. (2020). Роль политической рекламы в политических кампаниях. В *Социально-политический менеджмент в цифровом обществе* (с. 157–168). Издательские решения.

Бродовская, Е. В. (2020). Цифровой менеджмент в деятельности российских политических партий: проблемное поле управления информационными потоками в социальных медиа. *Власть*, 28(6), 81–88. <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i6.7727>

Вебер, М. (2016). *Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии* (Л. Г. Ионин, сост. и ред.). Издательский дом Высшей школы экономики. В 4 т.

Гриценко, Г. Д. (2026). Общероссийская идентичность и консолидирующие ценности в контексте опыта патриотической практики: региональный аспект. *Полис. Политические исследования*, (2), 61–72. <https://doi.org/10.17976/jpps/2026.02.05>

Домбровская, А. Ю., Пырма, Р. В., & Батанина, И. А. (2019). Профессиональные стратегии российской молодежи в условиях цифровизации и их репрезентация в социальных медиа: результаты комплексного прикладного анализа. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, (5), 162–182. <https://doi.org/10.14515/MONITORING.2019.5.09>

Лассуэлл, Г. Д. (2005). *Психопатология и политика* (Т. Н. Самсонова & Н. В. Короткова, пер.). Издательство РАГС.

Майров, Г. А. (2026). Политические партии как исторический феномен: трансформация форм политического участия и место КПРФ в современной России. *Власть*, 34(1), 308–318.

Скиперских, А. В. (2024). Политическая масса: метафоры и метаморфозы. *Политика и Общество*, (1), 55–67. <https://doi.org/10.7256/2454-0684.2024.1.39909>

Сковиков, А. К. (2024). Молодежь как актор развития гражданского общества. *Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика*, (17). 104–107.

Сковиков, А. К., Попова, Р. И., & Шумилов, А. В. (2025). Конструирование «патриотической альтернативы»: молодежная политика ЛДПР как ин-

струмент мобилизации перед парламентскими выборами. Социально-политические науки, 15(6), 27–38. <https://doi.org/10.33693/2223-0092-2025-15-6-27-38>

Сычев, В. В. (2025). Доверие политическим институтам в сравнительной перспективе: роль рациональных и психологических факторов. *Полис. Политические исследования*, (6), 173–188. <https://doi.org/10.17976/jpps/2025.06.13>.

Херманн, М. Д. (1991). Стили лидерства в формировании внешней политики. *Полис. Политические исследования*, (1), 91.

Шапошникова, Е. А. (2026). Политические партии нового типа как основа сохранения партийной системы Российской Федерации. *Власть*, 34(1), 43–51.

References

Aliev, D. F., & Sarkisov, V. E. (2024). Political communications management: Practical aspects of political PR communication management. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, (1). <https://doi.org/10.24412/2071-6141-2024-1-21-38> (In Russ).

Arvidson, M., & Lyon, F. (2013). Social impact measurement and non-profit organisations: Compliance, resistance, and promotion. *VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 25(4), 869–886. <https://doi.org/10.1007/s11266-013-9373-6>

Baranova, D. A., & Kovrigin, V. V. (2020). The role of political advertising in political campaigns. In *Sotsial'no-politicheskiy menedzhment v tsifrovom obshchestve* [Socio-political management in digital society] (pp. 157–168). Izdatel'skie resheniya.

Brodevskaya, E. V. (2020). Digital management in the activities of Russian political parties: Problem field of information flow management in social media. *Vlast'*, 28(6), 81–88. <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i6.7727> (In Russ).

Dodd, M. D., Brummette, J., & Hazleton, V. (2015). A social capital approach: An examination of Putnam's civic engagement and public relations roles. *Public Relations Review*, 41(4), 472–479. <https://doi.org/10.1016/j.pubrev.2015.05.001>

Dombrovskaya, A. Yu., Pyrma, R. V., & Batanina, I. A. (2019). Professional strategies of Russian youth in the context of digitalization and their representation

in social media: Results of a comprehensive applied analysis. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (5), 162–182. <https://doi.org/10.14515/MONITORING.2019.5.09> (In Russ).

Dovies, A. F. (1980). *Skills, outlooks and passions: A psychoanalytic contribution to the study of politics*. Cambridge University Press.

Gritsenko, G. D. (2026). All-Russian identity and consolidating values in the context of patriotic practice experience: Regional aspect. *Polis. Political Studies*, (2), 61–72. <https://doi.org/10.17976/jpps/2026.02.05> (In Russ).

Hurst, B., & Johnston, K. A. (2021). The social imperative in public relations: Utilities of social impact, social license and engagement. *Public Relations Review*, 47(2). <https://doi.org/10.1016/j.pubrev.2021.102039>

Johnston, K. A., & Lane, A. B. (2018). Building relational capital: The contribution of episodic and relational community engagement. *Public Relations Review*, 44(5), 633–644. <https://doi.org/10.1016/j.pubrev.2018.10.006>

Kherrmann, M. D. (1991). Leadership styles in foreign policy formation. *Polis. Political Studies*, (1), 91.

Lasswell, H. D. (2005). *Psikhopatologiya i politika* [Psychopathology and politics] (T. N. Samsonova & N. V. Korotkova, Trans.). Izdatel'stvo RAGS.

Lewin, K. (1939). Patterns of aggressive behavior in experimentally created social climates. *Journal of Social Psychology*, 10(2), 271.

Mayrov, G. A. (2026). Political parties as a historical phenomenon: Transformation of forms of political participation and the place of the CPRF in modern Russia. *Vlast'*, 34(1), 308–318. (In Russ).

Samoilenko, S. A. (2018). Subversion practices: From coercion to attraction. In *Experiencing public relations: International voices* (p. 174).

Samoilenko, S. A. (2021). Public relations in Russia: Formation, etatization, and calcification. In *Media and public relations research in post-socialist societies* (p. 3). Lexington Books.

Shaposhnikova, E. A. (2026). New type political parties as the basis for preserving the party system of the Russian Federation. *Vlast'*, 34(1), 43–51.

Skiperskikh, A. V. (2024). Political mass: Metaphors and metamorphoses. *Politics and Society*, (1), 55–67. <https://doi.org/10.7256/2454-0684.2024.1.39909> (In Russ).

Skovikov, A. K. (2024). Youth as an actor in the development of civil society. *Rossiyskiy politicheskiy protsess v regional'nom izmerenii: istoriya, teoriya,*

praktika [Russian political process in regional dimension: history, theory, practice], (17), 104–107. (In Russ).

Skovikov, A. K., Popova, R. I., & Shumilov, A. V. (2025). Construction of a 'patriotic alternative': LDPR youth policy as a mobilization tool before parliamentary elections. *Socio-Political Sciences*, 15(6), 27–38. <https://doi.org/10.33693/2223-0092-2025-15-6-27-38> (In Russ).

Sychev, V. V. (2025). Trust in political institutions in comparative perspective: The role of rational and psychological factors. *Polis. Political Studies*, (6), 173–188. <https://doi.org/10.17976/jpps/2025.06.13> (In Russ).

Watson, T. (2008). Public relations research priorities: A Delphi study. *Journal of Communication Management*, 12(2), 104–123. <https://doi.org/10.1108/13632540810881938>

Weber, M. (2016). *Khozyaystvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchey sotsiologii* [Economy and society: Essays on interpretive sociology] (L. G. Ionin, Comp. & Ed.). Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki. (Vols. 1–4).

Для цитирования: Толочко, А.В. Особенности применения PR-технологий с целью формирования имиджа политических партий и их лидеров в России: опыт и основные тенденции / А.В. Толочко, С.С. Фоменко, О.В. Леонтьева // PolitBook. – 2026. – № 2. – С. 175–193. – DOI 10.24412/2227-1538-2026-2-175-193.

НАШИ АВТОРЫ

ВЕЛИКАЯ Наталия Михайловна – доктор политических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского центра Российской академия наук (Москва, Россия).

VELIKAYA Nataliya – doctor of political sciences, professor, deputy director of Science and research, Institute of Socio-Political Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: natalivelikaya@gmail.com

SPIN-код: 2176-4665

ORCID: 0000-0001-5532-844X

ВОЛКОВА Ольга Александровна – доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социальной демографии Федерального научно-исследовательского социологического центра, Российская академия наук (Москва, Россия).

VOLKOVA Olga – doctor of sociology, professor, chief researcher, Institute of Social Demography of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: volkovaoa@rambler.ru

SPIN-код: 1780-5071

ORCID: 0000-0001-5325-0730

ГОЛОСЕЕВА Анна Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского центра Российской академия наук (Москва, Россия).

GOLOSEYEVA Anna – PhD of history, associate professor, Institute of Socio-Political Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: goloseyeva@yandex.ru

SPIN-код: 7852-2779

ORCID: 0009-0007-6191-9749

ГУСЕЛЕТОВ Борис Павлович – доктор политических наук, главный научный сотрудник, Институт Европы; руководитель отдела политологии, главный научный сотрудник, Институт социально-политических исследований, ФНИСЦ, Российская Академия Наук (Москва, Россия).

GUSELETOV Boris – doctor of political sciences, Associate Professor, chief researchers, Institute of Europe Russian; Head of the Department of Political Science, Institute of Socio-Political Studies, FCTAS Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: bguseletov@mail.ru

SPIN-код: 1360-6779

ORCID: 0000-0001-6256-5013

ДОЛЖЕНКОВА Екатерина – кандидат политических наук, доцент, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия).

DOLZHENKOVA Ekaterina – PhD in political science, associate professor, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russia).

E-mail: ekaterinadolzenkova92@gmail.com

SPIN-код: 9962-4790

ORCID: 0000-0003-0261-763X

ЗЯЗИН Сергей Юрьевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры политологии и права, Государственный университет просвещения (Москва, Россия).

ZYAZIN Sergey – PhD of sociology, associate professor of the Department of Political Science and Law, Federal State University of Education (Moscow, Russia).

E-mail: wasatyay@mail.ru

SPIN-код: 6710-9385

ORCID: 0000-0002-0547-2483

КРАМАРЕНКО Анастасия Сергеевна – кандидат политических наук, заведующий сектором миграционных исследований, ведущий научный сотрудник, Центр центральноазиатских исследований, Институт Китая и современной Азии, Российская академия наук (Москва, Россия).

KRAMARENKO Anastasiia – PhD in political sciences, Head of the Migration Studies Sector, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: a.kramarenko@hse.ru

SPIN-код: 5021-1033

ORCID: 0000-0001-7454-0956

ЛЕДЕНЕВА Виктория Юрьевна – доктор социологических наук, главный научный сотрудник, ученый секретарь, Институт социальной демографии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Российская академия наук (Москва, Россия).

LEDENEVA Viktoria – doctor of sociology, associate professor, chief research Fellow and Academic Secretary, Institute of Social Demography of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: vy.ledeneva@yandex.ru

SPIN-код: 3331-0909

ORCID: 0000-0002-9478-2917

ЛЕОНТЬЕВА Ольга Васильевна – кандидат политических наук, доцент, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, (Тирасполь, Приднестровская Молдавская Республика).

LEONTEVA Olga – PhD in political sciences, associate professor, T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University (Tiraspol, Pridnestrovie).

E-mail: lov_pmr@mail.ru

SPIN-код: 6279-4503

ORCID: 0009-0002-8064-6663

ЛЕСКОВА Ирина Валерьевна – доктор социологических наук, кандидат политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и права, Государственный университет просвещения (Москва, Россия).

LESKOVA Irina – doctor of sociology, PhD of political sciences, professor, Head of the Department of Political Science and Law, Federal State University of Education (Moscow, Russia).

E-mail: leskova.i@yandex.ru

SPIN-код: 9055-9671

ORCID: 0000-0001-6083-6692

МЕЖЕВИЧ Николай Маратович – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель центра белорусских и прибалтийских исследований, Институт Европы Российской Академия Наук (Москва, Россия).

MEZHEVICH Nikolai – doctor of economics, professor, Chief Scientific Officer, Head of the Center for Belarusian and Baltic Studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences (Москва, Russia).

E-mail: mez13@mail.ru

SPIN-код: 2567-5794

ORCID: 0000-0002-4312-4228

ТАТАРОВ Роман Александрович – кандидат политических наук, Научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «История Приднестровской Молдавской Республики», Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко (Тирасполь, Приднестровская Молдавская Республика).

TATAROV Roman – PhD in political sciences, researcher at the Research Laboratory of the History of the Pridnestrovian Moldavian Republic, T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University (Tiraspol, Pridnestrovie).

E-mail: tatarov-roman.93@mail.ru

SPIN-код: 3130-9934

ORCID: 0000-0003-2315-5008

ТОЛОЧКО Александр Владимирович – кандидат политических наук, доцент кафедры методики преподавания истории и обществознания, Государственный университет просвещения (Москва, Россия).

TOLOCHKO Alexander – PhD in political sciences, associate professor of the Department of Methods of Teaching History and Social Studies, Federal State University of Education (Moscow, Russia).

E-mail: tolochko@rambler.ru

SPIN-код: 5382-4925

ORCID: 0000-0002-5334-7097

ФОМЕНКО Сергей Сергеевич – кандидат политических наук, доцент кафедры философии и социальных наук, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина (Елец, Россия).

FOMENKO Sergey – PhD in political sciences, associate professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Bunin Yelets State University (Yelets, Russia).

E-mail: fomenko-ss@yandex.ru

SPIN-код: 8014-0105

ORCID: 0000-0002-5067-5116

ХОХЛОВ Андрей Анатольевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры политической социологии и социальных технологий, Институт социально-экономических наук, Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия).

KHOKHLOV Andrey – PhD of sociology, associate professor of the Department of Political Sociology and Social Technologies, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

E-mail: hohlov@rggu.ru

SPIN-код: 5453-6686

ORCID: 0009-0000-2632-567X

ЮДИНА Татьяна Николаевна – доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социальной демографии Федерально-го научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Российская академия наук (Москва, Россия).

YUDINA Tatiana – doctor of sociology, professor, chief researcher, Institute of Social Demography of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: ioudinatn@mail.ru

SPIN-код: 4150-5328

ORCID: 0000-0001-7785-8601

THE CONTENTS

THE POST-SOVIET SPACE: TRANSFORMATION VECTORS

FROM THE EDITORIAL OFFICE	6
B. Guseletov THE MODERN ROLE OF RUSSIA IN THE POST-SOVIET SPACE: IN SEARCH OF ANSWERS TO NEW CHALLENGES	7
T. Yudina THE FACTOR ARCHITECTURE OF MIGRATION FLOWS IN THE POST-SOVIET COUNTRIES: FROM INTEGRATION TO TURBULENCE (2000-2025)	22
A. Goloseyeva, A. Khokhlov THE POLITICAL CONCEPT OF EURASIANISM: FROM HISTORY TO THE PRESENT	45
N. Velikaya WOMEN IN THE PUBLIC DISCOURSE OF RUSSIA, KAZAKHSTAN AND UZBEKISTAN IN THE CONTEXT OF POLITICAL REGIME TRANSFORMATION IN THE 21ST CENTURY (A COMPARATIVE ANALYSIS)	60
O. Volkova SOCIAL AND DEMOGRAPHIC DIVERGENCE IN THE POST-SOVIET COUNTRIES: CONCEPTUALIZATION BASED ON THE ANALYSIS OF THE DYNAMICS OF SOCIO-DEMOGRAPHIC INDICATORS	83
R. Tatarov PRIDNESTROVIAN IDENTITY AS A SOURCE OF FORMATION AND REALIZATION OF THE COUNTRY'S NATIONAL INTERESTS	95
A. Kramarenko A NEW DIASPORA? OPPORTUNITIES AND TOOLS FOR ENGAGEMENT WITH RUSSIAN RELOCANTS IN CENTRAL ASIA AND THE SOUTH CAUCASUS	108

I. Leskova, S. Zyazin

ACADEMIC COOPERATION BETWEEN THE CIS COUNTRIES
AS A FACTOR OF REGIONAL INTEGRATION AND RUSSIA'S SOFT POWER **132**

V. Ledeneva

LEGAL REGULATION OF MIGRATION IN THE CIS COUNTRIES UNDER
CONDITIONS OF TRANSFORMING MIGRATION SUBSYSTEMS **144**

E. Dolzhenkova, N. Mezhevich

THE POLITICAL AND LEGAL STATUS OF
THE RUSSIAN ETHNOS IN LATVIA **159**

СТАТЬИ

A. Tolocko, S. Fomenko, O. Leonteva

FEATURES OF THE USE OF PR-TECHNOLOGIES IN ORDER
TO FORM THE IMAGE OF POLITICAL PARTIES
AND THEIR LEADERS IN RUSSIA:
EXPERIENCE AND MAIN TRENDS **175**

OUR AUTHORS **194**

ISSN 2227-1538 (Print)
ISSN 2307-4590 (Online)

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-48608 выдано
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций

Адрес редакции и издателя: 428023,
Россия, Чувашская Республика,
г. Чебоксары, ул. Гражданская, 66, 7.

Тел. +7937 9539205.
E-mail: editor@politbook.online
http://politbook.online

ООО «НИИ общественных
и политических наук»

Подписано в печать 10.05.2026
Дата выхода в свет 25.05.2026

Формат 70x100/16.
Усл. печ. л. 12,0.
Тираж 300 экз.

Отпечатано с готового оригинал макета
ООО «НИИ общественных
и политических наук», 428023,
Россия, Чувашская Республика,
г. Чебоксары, ул. Гражданская, 66.
www.iorn.ru

Свободная цена

© НИИ общественных и политических
наук, 2026.

Published by:
Institute of Social and Political Sciences

Address: 66 – 7, Graghdanskay st.,
Cheboksary, Russia, 428023

E-mail: editor@politbook.online
http://politbook.online

© Institute of Social and Political
Sciences, 2026.

